

СБОРНИК
НАУЧНЫХ
ТРУДОВ

Министерство
культуры РСФСР
Государственный
Литературный музей

**Новые материалы
по истории русской
и советской
литературы**

Москва 1983

Министерство культуры РСФСР
Государственный Литературный музей

**Новые материалы
по истории русской
и советской литературы**

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ
ТРУДОВ**

Москва 1983

Ответственный редактор

Н.В. ПАХАЛОВА

Государственный Литературный музей — крупнейшее в нашей стране культурно-просветительное учреждение, которое ставит перед собой задачу знакомить широкие массы населения не только с постоянно действующими экспозициями, посвященными истории отечественной литературы, мемориальными комплексами, запечатлевшими тот или иной период жизни выдающихся писателей прошлого и современности, но и с малоизвестными или забытыми материалами из истории русской и советской литературы. Именно эту цель преследуют сборники научных трудов Государственного Литературного музея.

Предлагаемый вниманию читателей сборник научных трудов ГЛМ состоит из двух разделов — русская литература XIX века, объединенного проблемами иконографии, и раздела советской литературы, большинство статей которого посвящено книгам с автографами советских писателей.

В статье Е.В.Малиновокой и Н.А.Марченко дается характеристика портретов В.А.Жуковского в коллекции ГЛМ, приводятся интересные гипотезы об

авторе миниатюры, воспроизведенной в 1883 г. в юбилейном издании Жуковского. Кроме того сами портреты и история их создания рассматриваются авторами статьи как документальные источники для изучения русской культуры XIX века.

Атрибуции неизвестного портрета А.П.Керн посвящена статья С.А.Бойко "Из окружения А.С.Пушкина".

Статья А.М.Горшмана и С.А.Малинкина "К вопросу об атрибуции портретов. Портрет П.Н.Ермолова в собрании Государственного Литературного музея" представляет интерес с точки зрения методов атрибуции портретов. Процесс исследования этого портрета дает возможность авторам статьи ярко представить личность участника войны 1812 года, одного из передовых людей своего времени, находившегося в дружеских отношениях с А.С.Грибоедовым и декабристами.

В статье Е.М.Варенцовой "Химический портрет декабриста М.М.Нарышкина в коллекции ГЛМ" впервые публикуется прижизненный портрет известного декабриста, поступивший в музей в 1982 году.

Статья Т.В.Соколовой "Из архива Павловых" знакомит с интереснейшими материалами этой семейной коллекции. Авторами писем и записок являются И.С.Аксаков, С.Т.Аксаков, В.И.Даль, И.В.Киреевский, Н.И.Надеждин и другие русские писатели и ученые XIX века. Ценнейший документ архива — двойной автограф Н.В.Гоголя и С.Т.Аксакова.

Тема духовной эволюции Тургенева в его портретах — центральная в статье Г.Л.Медведевой "Тургенев и его портреты". Сравнивая портреты и соотнося их с тем или иным этапом творческого развития писателя, автор приходит к выводу, что ценность портретов заключается не столько в передаче облика Тургенева, который "...не передан никем сполна...", как утверждает в своих воспоминаниях Д.В.Григорович, а скорее в их соответствии внутренним переживаниям писателя.

Статья Г.Ф.Щеболевой "Два автографа А.П.Чехова" рассказывает о последних поступлениях в чеховский фонд ГЛМ. Впервые публикуемые автографы Чехова содержат новые сведения об окружении писателя и расши-

ряют наши представления о Чехове как человеке и общественном деятеле.

Первая публикация письма А.А.Блока Н.Д.Телемову, прокомментированного В.Г.Крижевским, знакомит с текстом автографа стихотворения поэта "В чужбину по гудящей стали..." История написания этого стихотворения отражает сложную творческую эволюцию поэта и представляет несомненный интерес для всех любителей поэзии.

Для статьи Л.А.Рязановой "О библиотеке М.М.Пришвина" характерен широкий подход к материалу. За частыми фактами автор статьи проследил важные моменты творческой биографии писателя. Подробному описанию библиотеки М.М.Пришвина предшествует рассказ об отношении писателя к книге, о круге его чтения.

"Последняя записная книжка М.М.Пришвина" — так называется статья Я.З.Гришиной, дающая подробную характеристику записей, которые М.М.Пришвин делал на протяжении многих лет своей жизни. Они были его своеобразной творчес-

кой лабораторией.

Подробный анализ книг с автографами писателей союзных республик, принадлежавших А.А.Фадееву, книг с автографами в адрес Демьяна Бедного и К.Федина — темы статей Ю.Н.Иванова, А.П.Светлова и Н.А.Виноградовой. В этих работах впервые отражены малоизвестные факты из жизни и творческой деятельности трех крупнейших деятелей советской литературы, свидетельствующие об их обширных творческих и дружеских связях.

Кроме статей научных сотрудников ГЛМ в сборник включена статья старшего научного сотрудника Государственного объединенного музея ТАССР И.З.Мингазовой, также посвященная проблемам изучения автографов: "Материалы А.Фадеева в Государственном музее ТАССР".

Впервые публикуются в Трудях Государственного Литературного музея записи И.А.Крамовой, дочери Н.Н.Волоховой. В них рисуется образ незаурядной драматической актрисы, которой был посвящен ряд стихотворных циклов А.Блока.

Третий сборник "Трудов..." является лишь частью огромной работы, которую ведут сотрудники Государственного Литературного музея, знакомя любителей отечественной словесности с нашим замечательным культурным наследием.

Н.В.ШАХАЛОВА

1810

à la V. de Wopinski

Ma chère Madame, voilà le portrait
d'un sage de deux personnes qui
ont pour vous affection, et qui
vous aiment bien !

**Е.В. МАЛИНОВСКАЯ
Н.А. МАРЧЕНКО**

**Портреты В.А. Жуковского
в коллекции
Государственного Литературного
музея**

Фонд Василия Андреевича Жуковского в коллекции Литературного музея представлен разнообразными материалами. Это книги с автографами поэта и книги с дарственными надписями Жуковскому; списки стихотворений и баллад; портреты Жуковского; его рисунки; рисунки и эстампы, подаренные Жуковскому; портреты и рукописные материалы, связанные с его семьей. Особенно ценными представляются материалы из архива самого поэта. Значительная часть их поступила в музей в 1933—1935 годах из семьи П.И.Бартенева, издателя журнала "Русский архив", сын поэта, Павел Васильевич Жуковский, передал ему часть архива своего отца. Вторым крупным источником поступления стало собрание В.А.Кошелева, от которого в 1948 году музей получил рисунки, принадлежавшие В.А.Жуковскому.

Кроме архива поэта наиболее интересная часть фонда — иконография Жуковского. Почти все портреты Жуковского — свидетели его дружеских отношений с художниками, создателями этих портретов. Сам неплохой рисовальщик, Жуковский всю жизнь увлекался изобразительным искусством. Он изучал рисунок и композицию, копировал работы старых мастеров, ходил на этюды с Г.Рейтерном и А.Кларою, учился искусству гравирования. В его дневнике отмечены как памятные события даты, когда он показывал свои работы друзьям-художникам. Эти же художники становились авторами портретов поэта.

В 1883 году отмечали столетие со дня рождения Жуковского. Одно из иллюстрированных юбилейных изданий готовил замечательный русский просветитель-педагог Лев Иванович Поливанов. Еще

были живы сын поэта, Павел Васильевич Жуковский, дочь Марья Андреевны Протасовой-Мойер Екатерина Ивановна и врач, друг семьи Протасовых, приятель Жуковского, Карл Карлович Зейдлиц - он будет автором одной из первых биографий Жуковского. К ним обратился Поливанов с просьбой предоставить иллюстративный материал для книги. В рукописном отделе Литературного музея хранится письмо Поливанову от Ф.Дмитриева:

"Многоуважаемый Лев Иванович. К крайнему сожалению, я не могу доставить Вам портрета Жуковского в юности. Этот портрет, сделанный карандашом и оставшийся в моей памяти, отмечен в каталоге моего отца отданным покойной Авдотье Петровне Елагиной. В замену посылаю Вам другой портрет, снятый в 1833 году и доставленный моему деду И.И.Дмитриеву князем Вяземским. На обороте его время присылки собственно-ручно записано моим дедом. Этот портрет, по миновении в нем надобности, потрудитесь доставить сестре моей Е.М.Пельт"¹). Сейчас этот портрет, присланный Ивану Ивановичу Дмитриеву, известному московскому литератору, к которому Жуковский, знавший его с юности, питал глубокое уважение, находится в Литературном музее. На обороте его - надпись орешковыми чернилами: "Портрет Василия Андреевича Жуковского, списанный с него в Швейцарии, во время его там пребывания в 1833 году. Прислано ко мне К(нязем) П.А.Вяземским из Петербурга в 1834 году"²). Эта небольшая акварель в старом паспарту - работа швейцарского художника Герарда Рейтерна. На портрете изображен Жуковский, стоящий у распахнутого окна, слева камин с зеркалом, на каминной полке - книги, перед камином дрова. Таких акварелей известно три. Все они работы Рейтерна, все три почти повторяют друг друга: одна храни-

Мать у сына поэта (экспонировалась на выставке 1902 года), другая была подарена поэту И.И.Козлову (ныне принадлежит Государственному музею А.С.Пушкина в Москве). Вариант Государственного Литературного музея третий.

Жуковский познакомился с Г.Рейтерном в Дерпте в 1815-1816 годах. В это время поэт приезжал сюда довольно часто, так как в Дерпт в начале 1815 года переехала семья Протасовых. Здесь Жуковский познакомился с живописцем и гравером Карлом Августом Зенфом, который давал уроки рисования сестрам А.А.Воейковой и М.А.Протасовой. Жуковский брал у Зенфа уроки гравирования и в его мастерской познакомился со многими художниками. Среди них были Август Филипп Клара³⁾ и Герард Рейтерн. В 1826 году во время путешествия Жуковский встретился с Рейтер-

ном за границей, и мимолетное знакомство перешло в крепкую дру-
бу. Шесть лет спустя Жуковский и Рейтерн вместе совершили пу-
тешествие по Швейцарии и Италии. Жуковский познакомился с семь-
ей Рейтерна, гостил в его поместье - замке Вилленсгаузен.
Декабрь 1832 - январь 1833 года Жуковский с Рейтерном провели
на берегу Женевского озера. В дневнике поэта появляются записи,
свидетельствующие, что в это время Рейтерн пишет его первые
портреты: "6(18), вторник. Мой первый портрет для великого
князя. 7(19), среда. Портрет кончен. Прогулка с Рейтерном за
Кларан. Дом Байронов. Сцена с собакою. 8(20), четверг. Портрет.
II(23), воскресенье. Окончание второго портрета; начало третье-
го. 13(25), вторник. Две прогулки и рисование портрета". Это
записи декабря 1832 года. А дальше - январь 1833: "5(17), чет-
верг. Начат большой портрет. 10(22), вторник. Начат портрет.
16(28), понедельник. Продолжение портрета..."⁴⁾

Краткий характер дневниковых записей не позволяет разгадать,
о каких портретах идет речь. Короткие пометы "продолжение пор-
трета", "кончено лицо" встречаются на протяжении почти всех
дней января. И представляется, что именно здесь написаны три
акварельных портрета, один из которых через Вяземского был пе-
редан И.И.Дмитриеву в Москву.

В письме Ф.Дмитриева упоминается карандашный портрет мо-
лодого Жуковского, хранившийся у И.И.Дмитриева и переданный
Авдотье Петровне Елагиной. Какой портрет имелся в виду устано-
вить трудно. Может быть, рисунок П.Ф.Соколова, выполненный в
1816 году? По этому рисунку в 1817 году была сделана гравюра
А.Флорова, известная в двух вариантах. Об одном из вариантов
гравюры и упоминает Ф.Дмитриев в своем письме:

"Позволю себе присоединить гравюру с изображением Жуковского в 1812 году и с стихами Батюшкова".

Это гравюра, приложенная к изданию "Стихотворений" Жуковского (М., 1818). Стихотворная подпись обозначена инициалами "К.Б."

Любимец нежных Муз! пред нашею Столицей
Он храбры гимны пел как пламенный Тиртей;
В дни мира, новый Грей
Пленяет нас задумчивой цевницей.

Подпись вызвала стихотворный комплимент Жуковского "К портрету Батюшкова":

С ним дружен бог войны, с ним дружен Аполлон!
Певец любви, отважный воин,
По дарованиям достоин славы он,
По сердцу счастья достоин.

Этот же портрет, только с другими стихами, менее запомнившимися, уже был известен современникам – он был опубликован в 1817 году в №20 журнала "Вестник Европы". Автор перефразирует известные строки из "Сельского кладбища" Жуковского – стихотворения, опубликованного в "Вестнике Европы" в 1802 году и составившего славу молодого поэта (оно явилось переложением элегии английского стихотворца Грея, на что есть указание и у Батюшкова – "В дни мира новый Грей"):

Красавицы! он вас Людмилами дарил,
Героев гимнами, друзей дарил собою;
Дарил несчастных он, чем только мог – слезою,
От славы сам венец в подарок получил.

Ник.Иванчин-Писарев.

Гравюра Флорова с этой подписью поступила в Литературный музей в 1936 году из собрания П.И. Бартонова (архив Жуковского)⁵⁾.

С Авдотьей Петровной Елагиной, которой был передан портрет молодого Жуковского, связана история другого портрета. В Литературном музее хранится небольшая черная акварель, подписанная: "*Ma chère Eudoxie, voilà le portrait et l'ouvrage de deux personnes qui savent vous apprécier, et qui vous aiment bien!*" ("Дорогая Авдотья, вот портрет и работы двух людей, которые Вас ценят и очень любят").

Под изображением слева обозначены место и дата создания портрета: *Orël 1820*; справа подпись: *Alex, de Woeïkoff* ⁶⁾.

На портрете изображен молодой человек в сюртуке и жилете, на шее - высокий галстук. Чуть обернувшись, он задумчиво и мечтательно смотрит вдаль. Мягкие вьющиеся волосы причесаны почти как на портрете работы О.Кипренского 1816 года. В петлице сюртука - медаль участника войны 1812 года. Загадка этого портрета в том, что он как две капли воды похож на гравюру, выполненную И.Ческим для издания "Новые образцовые русские сочинения" 1821 года. В "Подробном словаре гравированных портретов" Д.А.Ровинского указано, что оригинал этой гравюры не установлен. Получается, что акварель А.Воейковой если не предшествовала (1820 год), то по крайней мере была сделана одновременно с гравюрой известного мастера? Может быть, она даже служила оригиналом для гравюры?

В 1883 году в юбилейном издании сочинений Жуковского Л.И.Поливанов опубликовал миниатюру, принадлежавшую сыну поэта и точно повторяющую гравюру Ческого и акварель Воейковой (при этом акварель Воейковой оставалась неизвестной!). Эта миниатю-

ра вновь была воспроизведена в 1902 году в альбоме выставки, посвященной В.А.Жуковскому и Н.В.Гоголю. До сих пор она пользуется от внимания исследователей, тем более что после революции она оказалась за границей и сейчас находится в Париже у правнучки В.А.Жуковского⁷⁾.

Рассуждая логически, нужно признать, что именно миниатюр должна была послужить оригиналом как для гравюры, так и для портрета Воейковой, выполненного черной акварелью. Даже судя по фотографии можно сказать, что миниатюра сделана художником-профессионалом, ее драгоценное и изысканное оформление заставляет предполагать, что она предназначалась для подарка. Кто же автор этой миниатюры? Когда она могла быть выполнена?

Начнем с ответа на второй вопрос. Здесь большую помощь в датировке может оказать награда в петлице скрутка⁸⁾. Первую свою награду Жуковский получил 19 февраля 1812 года – орден Анны II степени. Этот орден носить было не обязательно, он не считался престижным. Следующая награда – медаль участника войны 1812 года. Эта медаль учреждена 14 декабря 1813 года, выдавать ее стали с апреля 1814 года. Она представляет собой круглую бронзовую плашку, в которой выбит треугольник (символ бесконечности вселенной) на фоне расходящихся лучей; внутри треугольника – всевидящее око. Носили медаль на голубой муаровой ленточке. Те, кто имел эту медаль, очень гордились ею, и хотя в **иерархии** орденов она занимала далеко не первое место, награда эта была почетной, ее носили почти всегда. Несколько позже, в декабре 1814 года, была учреждена медаль, которая выдавалась дворянам, помогавшим армии пожертвованиями, но непосредственно в военных действиях участия не принимавшим (так называемая дво-

рянская медаль). Она была почти такая же, как медаль участника войны, но носилась на трехцветной ленте. Жуковский имел обе эти медали. 14 марта 1819 года он получил следующую награду - Владимир IV степени (в петлицу). Этот орден носили обязательно, и невозможно было надеть низшую награду (медаль), никак не обозначив высшую (хоть орденским знаком). Значит, миниатюрный портрет, который мы условились называть первичным изображением, был написан до марта 1819 года. Жуковский изображен с медалью участника войны 1812 года - может быть, портрет написан до 1816 года, до получения дворянской медали? Где поэт находился в это время, с кем из художников встречался?

10 февраля 1815 года А.Ф.Воейков, назначенный профессором университета (не без усилий Жуковского), приехал в Дерпт. Вместе с ним прибыли обе племянницы Жуковского, А.А.Воейкова и М.А.Протасова, и их мать, Екатерина Афанасьевна Протасова. А уже 16 марта в Дерпт приехал Жуковский и гостил здесь до конца апреля. Отсюда 26 апреля Жуковский писал А.П.Киреевской: "Ваньке пришлю свой портрет скоро"⁹). Авдотья Петровна Киреевская, вторым браком Елагина, урожденная Юшкова - родная племянница Жуковского, почти ровесница его по возрасту. В доме Юшковых прошла часть детства Жуковского, и дружеские связи, духовная близость с Авдотьей Петровной сохранились у него на всю жизнь. Ванька - ее сын от первого брака, впоследствии известный литератор и журналист, издатель журнала "Европеец" И.И.Киреевский.

Упоминание о портрете в переписке Жуковского с Елагиной снова появляется в письме от 17 декабря 1815 года: "Ваньке скоро пришлю свой портрет, который давно заказан в Дерпте, но

еще по сию пору мне не доставлен"¹⁰). А дальше, упрекая Авдотью Петровну за небрежность в исполнении его просьбы прислать документы и книги, Жуковский пишет: "Вы очень меня огорчите, если этой просьбы не исполните. До тех пор и портрет к вам не поедет - а портрет прекрасный". Если сопоставить даты получения медали 1812 года и сведения писем, можно думать, что портрет был заказан весной 1815 года в Дерпте и тогда же выполнен. Вряд ли Жуковский заказывал портрет масляными красками - это не только дорого, неудобно в пересылке, но и не должно импонировать сентименталисту-романтику. Акварель, миниатюра лиричнее. Искусствовед Т.В.Бувеская, знаток русского акварельного портрета, назвала его элегией в живописи. Акварельный портрет Жуковского 1815 года, выполненный в Дерпте, неизвестен. И вообще самые ранние портреты датируются 1816 годом (работы О.Кипренского, П.Соколова). Может быть, в письмах речь идет о миниатюре, а то, что еще в декабре портрет "не доставлен", легко объясняется задержкой с изготовлением обрамления, потому что о качестве изображения Жуковский высказывает свое мнение достаточно определенно уже в апреле.

Кто же мог быть автором портрета? 14 февраля 1815 года, то есть в самые первые дни после приезда в Дерпт, Марья Андреевна Протасова пишет письмо Авд.П.Киреевской с описанием города, общества и своих будущих занятий: "Славный живописец Зенф, который рисует масляными, гуашными и на кости, будет нас учить!"¹¹) А 6 сентября того же года в письме Марьи Андреевны к Авдотье Петровне читаем: "Зенф дал мне срисовать миниатюру", и дальше: "Моя копия удалась мне очень. Не обещаю, но желаю и постараюсь сделать для тебя другую на пергаменте..."¹²)

Косвенным доказательством того, что автором миниатюрного портрета Жуковского мог быть Зенф и что она выполнена в 1815 году, может служить гравированный портрет Витгенштейна работы Зенфа: и манера, и прическа портретируемого, и поза, которую художник придал своей модели, близки к портрету Жуковского¹³⁾. Приведенная же цитата из письма М.А.Протасовой подтверждает предположение, что А.А.Воейкова могла срисовать миниатюру — этот метод преподавания путем копирования работы мастера, вероятно, был принят Зенфом, как и большинством преподавателей в это время. Тем более, что, несмотря на обещания Жуковского, портрета его Иван Киреевский, судя по всему, не получил. Во время поездки за границу смертельно больная Воейкова писала Жуковскому, что все время смотрит на его портрет¹⁴⁾. По ее словам, это был портрет, подаренный Жуковским Марье Андреевне, и после смерти ее в 1823 году перешедший к сестре. Трепетное отношение к вещам — знакам духовных отношений — должно было одушевить этот портрет, как бы связывая еще крепче трех самых близких людей — Жуковского, Воейкову — его Светлану и М.А.Мойер, которую он всю жизнь любил. Не будет ли вероятным предположение, что Воейкова возила с собой миниатюрный портрет Жуковского, скопированный ею для Авдотьи Петровны Елагиной, и что после смерти Воейковой К.Зедлиц, находившийся с ней до последнего часа и распоряжавшийся вещами покойной, выполняя ее волю, вернул портрет поэту?

Копия Воейковой, сделанная в подарок Авдотье Петровне, датирована: Орел 1820 год. В это время семья Елагиных жила в Орле или недалеко от города, в своем поместье, и сестры Протасовы часто гостили у них, всегда находя здесь родственное тепло и радушие. В 1820 году в Дерптский университет был назначен но-

вый попечитель, кн. К.А.Ливен. Возмущенный доносами, которые он получил от А.Ф.Воейкова едва вступив в должность, новый попечитель выгнал незадачливого и непорядочного профессора (его и терпели-то до сих пор только ради его жены, которую все жалели!). Надо было уезжать из города, но кредиторы запретили Воейкову с семьей выезд вплоть до погашения долгов. 3 мая 1820 года А.А.Воейкова, больная и расстроенная, поехала в Москву к брату мужа, И.Ф.Воейкову, просить о помощи. Вполне возможно, что тогда же Воейкова ездил из Москвы в Орел к родственнице и близкому другу Авдотье Петровне Елагиной погостить и отдохнуть душой, а может быть и получить посильную помощь.

В 1826-1827 годах Жуковский впервые отправился за границу поправлять пошатнувшееся здоровье, и конечно соединил эту поездку с путешествием, стремясь пополнить свое образование. Он посетил Дрезден. Известно его описание Дрезденской картинной галереи. В Дрездене поэт встретился с немецким живописцем Фогелем фон Фогельштейном, и 20 апреля 1827 года Фогельштейн написал портрет Жуковского для своей коллекции портретов. В Литературном музее хранится портрет Жуковского, полностью повторяющий портрет Фогельштейна, но имеющий надпись: *Gemahnet von Georg nach Vogel Dresden 1827 I 5*). Манера копирования, некоторая суроватость рисунка, не передающего точно оригинала Фогельштейна, заставила доктора искусствоведения М.Я. Либмана высказать предположение, что Георг (ученик Фогельштейна?) сделал подготовку для гравюры, которая скорее всего, осуществлена не была - гравюра с этого портрета неизвестна.

В 1838 году Жуковский хлопотал об освобождении Т.Г.Шевченко от крепостной неволи. Чтобы собрать деньги, необходимые для

выкупа, он обратился к прославленному живописцу **И.П.Брыллиову** с просьбой написать его портрет и с предложением устроить лотерею. Портрет был написан и лотерея дала необходимые средства. Этот портрет известен, кроме оригинала, еще двумя копиями: одна сделана **П.Ф.Соколовым**, другая — **В.И.Гау**. Портрет работы Гау датирован 1844 годом. Ныне он хранится во Всесоюзном музее Пушкина, куда поступил в 1940 году из Эрмитажа.

В коллекции Литературного музея хранится копия, выполненная **П.Ф.Соколовым**. Кто заказал эту копию, установить не удалось. Выполнена она была вскоре после создания подлинника и датируется 1838 годом¹⁶⁾.

Портреты русских писателей — тема, до сих пор не привлекавшая достаточного внимания искусствоведов и историков куль-

туры. Даже краткий обзор отдельных коллекций показывает, как много интереснейших контактов между писателями и художниками можно обнаружить, насколько изучение этих связей обогащает представление о культурной ситуации того или иного времени. Опыты исследования иконографии Пушкина уже дали блестящие результаты. Сейчас настало время для систематической работы по публикации портретов писателей из собраний разных музеев.

Примечания

- 1) Фонд 18 (Поливанов) ед. хр. 0Ф 2731
Письмо датировано 7 сентября. Москва. Поскольку оно написано перед юбилеем 1883 г., видимо 7 сентября 1882 г.
Поступил в 1947 г. от Г. В. Зверкова.
- 2) КП 15602. Бумага, акварель, 13х9,5.
- 3) А. Ф. Клара (1790-1850) - эстонец, гравер. В 1824 г. по заказу Жуковского изготовил акватинты по рисункам поэта "Шесть видов Павловска". Жуковский покровительствовал ему, в 1826 г. А. Клара сопровождал Жуковского в его поездке по Швейцарии и Италии.
- 4) Дневники В. А. Жуковского. Спб., 1903, с. 251-255.
- 5) ГЛМ. КП 50954/681. Резцовая гравюра, 23,2х12,8.
- 6) ГЛМ. КП 90. Бумага, черн. акв., акв., лак, 12х10,3
Поступил в 1933 г. от В. Н. Ляскового.
- 7) Воспроизведение работы Воейковой и миниатюры см.: журнал "В мире книг", 1983, №2.
- 8) Материалы послужного списка Жуковского собраны и проанализированы А. М. Горшманом.
- 9) Уткинский сборник. М., 1904, стр. 7.
- 10) Там же, стр. 17.
- 11) Там же, стр. 135-136.
- 12) Там же, стр. 157.
- 13) Вага В. Искусство XIX века в Тарту. Таллин, 1971, стр. 30-31.
- 14) Соловьев Н. История одной жизни. Пг., 1915, т. I, стр. 154, 162, 171, 174, 178, 217, 233.
- 15) "Рисовано Георгом по Фогелю. Дрезден 1827".
КП 10160/2. Бумага, графитный карандаш, соус, итальянский карандаш, белла, 26,8х20,6
Поступил в 1939 г. от А. Г. Миронова.
- 16) ГЛМ. КП 4516. Бумага, акварель, 21,9х17,7.
Поступил в 1937 г. от Б. А. Пильняка

1839
С. П. ЖЕРНО

С.А. БОЙКО

**Из окружения А.С. Пушкина
(неизвестный портрет А.П. Керн)**

Среди портретов лиц пушкинского окружения, хранящихся в фондах Государственного Литературного музея, есть небольшой, альбомного формата, рисунок.

Выполненный карандашом на плотной тонированной бумаге желтовато-серого цвета, он представляет нам облик сидящей в кресле женщины в профиль. Простое, будничное платье с белым воротничком, гладко причесанные, спущенные на уши волосы, уложенные на затылке узлом, милый, задумчивый взор...

В правом нижнем углу надпись: "1839г. А.П.Керн".

Время создания подтверждается и композицией портрета, характерной для 30-40-х годов XIX века, и фактурой бумаги.

В 1979 году на выставке "Пушкин и его современники" в Государственном Литературном музее портрет демонстрировался впервые. А поступил он в музей в 1936 году из собрания Е.Ф.Никитиной.

Сличение портрета с уже известными изображениями А.П.Керн (миниатюрой 40-х годов, портретом работы Арефова-Багаева 1840 г. и с силуэтом 1825 г.) обнаруживает несомненное сходство.

Оно прослеживается в овале лица, разрезе глаз и форме бровей, в линиях лба, носа и подбородка, вырезе ноздрей и характерном маломе верхней губы. Привлекает внимание сходство его с рисунком А.С.Пушкина на рукописи 1829 года. Тот же наклон головы, та же прическа, линия профиля, особенно нижней части лица, одно и то же выражение лица, один и тот же взгляд, задумчивый, как бы устремленный в себя.

Т.Г.Цявловская, исследуя рисунки Пушкина, заметила:

"А передача взгляда в портрете, особенно в профильном повороте, особенно в графике – задача воистину трудная. Пушкин передавал индивидуальный взгляд человека с недостижимой выразительностью". I)

Пушкин всегда рисовал по памяти, фиксируя все самое существенное, самое характерное. И этот взгляд, с его задумчивой отрешенностью был, очевидно, свойственен А.П.Керн. Он подмечен и Пушкиным и автором карандашного рисунка. И хоть между созданием этих двух портретов прошло десять лет, на обоих портретах мы видим, несомненно, одно и то же лицо. Только пушкин-

ская А.П.Керн более романтическая и возвышенная, тогда как на нашем рисунке изображена очень земная, простая тридцатидевяти-²⁾летняя женщина.

А.В.Марков-Виноградский, тропродный брат А.П.Керн, кадет, трепетно и нежно в нее влюбленный, оставил в своих дневниках ее портрет того времени. Это пока единственное дошедшее до нас подробное словесное описание ее внешности.

"У моей душечки глаза карие. Они в чудной своей красе роскошествуют на кругленьком личике с веснушками. Волоса, этот шелк каштановый, ласково обрисовывает его и оттеняет с особой любовью... Маленькие ушки, для которых дорожные серьги лишнее украшение, они так богаты изяществом, что залюбуешься. А носик такой чудесный, что прелесть! С изящной правильностью грациозно размещен меж пухленьких щечек и таинственно оттеняет губки, эти розовые листочки... Но вот они замевелились. Мелодические звуки, с грустью оставляя свой роскошный алтарь, летят прямо в очарованное мое сердце и разливают наслаждение. Еще губки трепещут сладостною речью, а уж глаза хотят восклицаться зубками... И всё это, полное чувств и утонченной гармонии составляет личико моей прекрасной".³⁾

В пору создания портрета А.П.Керн скромно живет на Дворянской улице в Петербурге, занимая маленькую квартиру на первом этаже. Из дорогого и близкого ее сердцу пушкинского круга остался один М.И.Глинка. Он опять сблизился с ней, особенно с марта 1839 года, когда познакомился с ее дочерью Екатериной.⁴⁾

Семейная жизнь Глинки сложилась крайне неудачно. Он часто сбегал из дома к друзьям. У А.П.Керн он поставил фортепиано

и подолгу работал. Здесь он сочинил двенадцать романсов на слова Кукольника, устраивал импровизированные концерты и его игра собирала под окнами толпу слушателей.

"Глинка ораторствует своею прекрасною музыкою. Его дивные звуки способны убедить самого отчаянного скептика в существовании счастья на земле", — писал в дневнике Марков-Виноградский.

Может быть в один из таких домашних вечеров и был сделан портрет А.П.Керн, в тихой светлой задумчивости, целиком ушедшей в очарование музыки.

Доброта и сердечность её покоряла Глинку. Об огромной силе обаяния А.П.Керн оставили воспоминания многие современники. "Да кто не восхищался ее внутренней и внешней красотой!" — замечал Марков-Виноградский.⁵⁾

Автором этого портрета мог быть человек, очень хорошо знавший А.П.Керн, бывавший в её доме. Возможно, он был близким другом М.И.Глинки, который увлекался в эту пору живописью и дружил со многими, кто посещал вечера Кукольника.

Портрет выполнен с большой теплотой. Но не только этим он интересен. Достаточно внимательно приглядеться к нему, чтобы увидеть, что над созданием рисунка поработала не одна рука.

Первоначально легкими прикосновениями графита рисунок был нанесен на бумагу. Потом более мягким карандашом делается обрисовка почти всех линий, ярче оттеняются волосы, грубо, небрежно наносятся штрихи на платье.

При освещении портрета инфракрасными и ультрафиолетовыми лучами обрисовка видна совершенно отчетливо. Сильное уве-

личение микроскопа показывает разницу и в цвете графита: сероватый тон первоначальных линий и коричневая окраска вторичных.

И эти коричневые линии, повторяя уже имеющиеся очертания, искажают их. Слегка, не очень заметно, но все же искажают. Жирной коричневой чертой, идущей поверх тонкой сероватой, огрубляется мясный рисунок носа, особенно его кончик. Верхняя припухлая губа, козырьком с легким изгибом лежащая на нижней, делается меньше, а нижняя увеличивается. Искажена грубой прорисовкой линия рта.

Вряд ли, подправляя свой собственный рисунок, художник, великолепно знающий натуру, догустил бы такие искажения.

Закончив портрет, он делает надпись: "1839.А.П." Коричневый карандаш дописывает букву "г" к дате, обводит буквы "А" и "П" с точками и добавляет слово "Кернъ".

Думается, что подправить рисунок мог владелец портрета. Возможно, намереваясь подарить его кому-то, он подновляет полустершиеся начертания и для большей ясности к буквам "А" и "П" приписывает "Кернъ".

Возможно имя неизвестного нам художника и обозначено этими двумя буквами, совпадающими с инициалами А.П.Керн.

П р и м е ч а н и я

- 1) Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. Изд.П. М.,1980, с.127
  - 2) А.П.Керн родилась в 1800 году
  - 3) А.В.Марков-Виноградский. Дневник. 1840. ИРЛИ, ф.635,14,342
В цитате соблюдена лексика подлинника
  - 4) Е.Е.Керн родилась в 1818 г. Воспитывалась в Смольном институте. А.В.Марков-Виноградский. Дневник.1840. ИРЛИ, ф.635, 14,342/XXXIб
  - 5) А.В.Марков-Виноградский. Дневник.1843. ИРЛИ, ф.635,14,342/
XXXIб
-

**А.М. ГОРШМАН
С.А. МАЛЫШКИН**

**К вопросу атрибуции портретов
Портрет П.Н. Ермолова
в собрании
Государственного Литературного
музея**

На выставке "А.С.Пушкин и его современники", открытой летом 1979 года в Государственном Литературном музее, среди портретов известных и неизвестных лиц пушкинского времени, экспонировался портрет русского генерала работы художника Карла Гампельна, значившийся как портрет Алексея Петровича Ермолова.¹ Однако некоторые детали заставили сомневаться, что это прославленный герой Отечественной войны 1812 года. Генерал изображен в мундире, введенном в армии после окончания войны с наполеоновской Францией. Награды на мундире не соответствуют тем, что имел А.П.Ермолов - нет ордена св.Георгия 2-го класса с ромбообразной золотой звездой, которым А.П.Ермолов был награжден за взятие Парижа 19 марта 1814 года, нет орденских звезд орденов св.Александра Невского и Владимира 2-й степени, полученных Ермоловым за отличия в боях с французами в 1812 и 1813гг. Кроме того, ордена на портрете весьма невысоки для генеральского чина, их мог иметь даже заслуженный полковник: на шее, под воротником мундира - ордена св.Владимира 3-й степени и св.Анны 2-го класса, а также звездобразный знак персидского ордена Льва и Солнца, на нагрудной колодке - прусский военный орден "За заслуги" (*Pour le Merite*), боевая серебряная медаль 1812г. и серебряная медаль с профильным изображением Александра I на Георгиевской ленте, которая более всего подходит под описание так называемой "медали для нижних чинов земского войска", учрежденной 15 марта 1807 года для награждения ратников ополчения, сформировавшегося в 1806-1807 гг. во время русско-прусско-французской войны; далее - кавалерский крест Мальтийского ордена (под названием ордена Иоанна Иерусалимского введен Павлом I в число русских орденов и употреблялся для награждения за различные заслуги в начале царствования Александра I) и левее ко-

лодки с орденами и медалями, у самого эпюлета - Кульмский крест, которым прусское командование награждало участников известного сражения под Кульмом 17-18 августа 1813 года.

Кроме серебряной медали 1812 года и Кульмского креста ни одной из этих наград у А.П.Ермолова не было. Значит, на портрете не он? Может быть, это Ермолов, но не Алексей Петрович? Портрет написан после войны 1812 года, это определяется набором наград, но более точной датировки нет, а для атрибуции крайне важно установить время его создания.

Портреты военных поддаются точной и аргументированной атрибуции - по сочетанию наград, покрою и цвету мундира, по звездам, содержащимся в списках полков.

На портрете Гашпельна генерал изображен в однобортном мундире с крупными выпуклыми пуговицами и красной выпушкой вдоль борта, принятом для ношения в мае 1817 года, эпюлеты же на мундире были введены в конце января 1822 года. При этом на круглых полях эпюлет нет звездочек, введенных для различия чинов с 1 января 1827 года.²⁾ Таким образом время написания портрета можно определить между 1822 и 1827 годами.

Для установления личности генерала следовало обратиться к спискам генералитета русской армии, составленным в конце царствования Александра I. В библиотеке Центрального военно-исторического архива удалось отыскать списки 1825 года, ценные тем, что кроме имени, отчества и фамилии в них указывалось время производства в генеральский чин, место службы и перечислялись все имеющиеся награды.

Внимательный просмотр списков генерал-майоров и ознакомление с их наградами привели к выводу, что только один из 320 генерал-майоров, перечисленных в списках, мог быть изображен

на портрете. Это Петр Николаевич Ермолов, двоюродный брат А.П.Ермолова. Только его награды совпали с наградами на портрете. В генерал-майоры он был произведен 20 апреля 1823 года, а офицером начал служить в армии с 1809 года. Указано место его службы и должность - командир I-й бригады 8-й пехотной дивизии, при этом от руки написано, что он находится в отпуску для лечения.

Предположив, что на портрете работы Гампельна изображен П.Н.Ермолов, мы стали искать дополнительные сведения о его службе, а главное - портрет, который можно было бы сравнить с портретом, имеющимся в Литературном музее. Такой портрет удалось найти. В II номере альманаха "Прометей" за 1977 год была помещена статья Н.Ш.Шабаньянца (г.Грозный) о "художнике из чеченцев" Петре Захаровиче Захарове - известном русском портретисте конца 30-х середины 40-х годов прошлого столетия. В статье указывалось, что малолетним ребенком П.З.Захаров был подобран в занятом русскими войсками чеченском селении и отдан на воспитание генерал-майору П.Н.Ермолову, который вырастил его в своей семье и позаботился о его художественном образовании. В каталоге работ П.З.Захарова, составленном Н.Ш.Шабаньянцом к 150-летию его рождения в 1966 году значился и портрет генерала П.Н.Ермолова, написанный в 1843 году. Гравюра с этого портрета включена в "Собрание русского портрета из коллекции в.кн. Николая Михайловича" - III часть, №177. На портрете Захарова П.Н.Ермолов - сильно постаревший и, видимо, больной человек с грустным осунувшимся лицом, в широком темном плаще. Но форма головы, выщипанные волосы, черты лица абсолютно схожи и на гампельновском портрете и на портрете работы П.З.Захарова.

В биографической справке, приведенной в IV части этого

же сборника указаны основные сведения из жизни генерал-майора Петра Николаевича Ермолова.

П.Н.Ермолов родился в Москве в 1787 году, образование получил в Благородном пансионе Московского университета, в апреле 1806 года поступил на службу в Министерство внутренних дел. В феврале 1807 года вступил вккером в батальон Петербургской земской милиции и участвовал в кампании с французами, был ранен в правую ногу в сражении под Гейльсбергом 29 мая 1807 года и получил в награду медаль земского войска. После излечения вышел в отставку и поступил с чином коллежского регистратора в Комиссарнатский департамент. В 1808 году за отличия по службе произведен в чин губернского секретаря и награжден кавалерским крестом Мальтийского ордена. В том же году вступил в лейб-гвардии Семеновский полк подпрапорщиком, в 1809 году произведен в прапорщики, в 1811 - в подпоручики. Во время Отечественной войны 1812 года участвовал в сражении при Островне 14 июля, за что награжден орденом св.Анны 3-й степени (с 1815 - 4-й степени) на шпагу, 7 августа за храбрость в бою у Валутиной горы произведен в поручики, а за отличие в Бородинском сражении, где он был прикомандирован к Кексгольмскому пехотному полку, сражавшемуся у бстараеи Раевского, награжден орденом св.Владимира 4-й степени с бантом. За участие в сражении под Красным 5 и 6 ноября 1812 года удостоен высочайшего благоволения. В 1813 году участвовал в сражениях под Люценом 20 апреля и под Бауценом 7 и 8 мая и произведен в штабс-капитаны. За храбрость в Кульмском сражении награжден орденом св.Анны 2-го класса и кульмским железным крестом, а за участие в Лейпцигском сражении 4 и 5 октября 1813 года удостоен золотой шпаги с надписью "За храбрость". В 1814 году Ермолов участвовал в сра-

жениях под Ла-Ротьером 17 и 21 января и был произведен в чин капитана, а за взятие Парижа получил алмазный знак ордена св. Анны 2-го класса и прусский военный орден "Pour le Merite" "За заслуги". В 1816 году по ходатайству А.П.Ермолова, назначенного главнокомандующим войсками на Кавказе, был переведен с чином полковника в Грузинский гренадерский полк и назначен состоять при дипломатической миссии для переговоров с персидской стороной, добывавшейся пересмотра условий Гяльстанского мира, заключенного в 1813 году. В 1819 году П.Н.Ермолов назначен командиром Грузинского гренадерского полка, принимал участие в боевых действиях с горцами в Дагестане, за что награжден орденом св.Владимира 3-й степени, а 20 апреля 1823 года произведен в генерал-майоры с назначением бригадным командиром 21-й пехотной дивизии. В начале 1825 года был назначен командиром 1-й бригады 8-й пехотной дивизии, а в начале 1826 года по болезни вышел в отставку и поселился в своем имении под Москвой. Судя по заметке, внесенной в списки генералитета, хранящейся в Центральном военно-историческом архиве, П.Н.Ермолов получил отпуск по болезни еще до отставки, таким образом в Москве он мог находиться с 1825 года. Можно думать, что именно к этому времени относится его портрет работы К.Гампельна, живописца, работавшего в Москве, портрет, на котором Петр Николаевич Ермолов изображен еще в парадном генеральском мундире с картинно накинутой на одно плечо шинелью. Время написания портрета оказывается весьма важным: 1825 и самое начало 1826 года в сознании каждого русского вызывает воспоминания о событиях 14 декабря 1825 года. Тем более, что П.Н.Ермолов был человеком не чуждым прогрессивного русского общества, занимался литературным трудом. Он написал "Дневник генерал-майора П.Н.Ер-

молова с разными лицами на Кавказе", "Описание персидской армии", был членом обществ "Испытатели природы" и "Любители сельского хозяйства".

Архив рода Ермоловых хранится в Центральном государственном архиве древних актов³⁾. Значительное место среди этих материалов занимают бумаги Петра Николаевича Ермолова: дневники, наброски воспоминаний о 1812 году, письма к нему разных лиц, среди которых А.П.Ермолов, Д.В.Давыдов и другие.

Мы располагаем материалами в основном относящимися к кавказскому периоду жизни П.Н.Ермолова и ко времени его отставки. Кавказский период - самая яркая страница биографии генерала. Здесь он впервые встретился с будущими декабристами, здесь завязалась его дружба с А.С.Грибоедовым. Не станем касаться военной службы - она освещена выше. Наша цель - показать П.Н.Ермолова как патриота, человека передовых взглядов.

Прославленный генерал Н.Н.Муравьев-Карский, товарищ Петра Николаевича писал: "Имея отличные правила и хорошие познания, он, кажется мне, не для службы сотворен..."⁴⁾ Вечера, встречи в его квартире были наполнены разговорами о музыке, литературе, политике. Возможно, именно ему принадлежала идея создания рукописного коллективного труда "Собрание записок о Персии в 1817 году". В архиве П.Н.Ермолова сохранилась лишь вторая книга "Собрания".⁵⁾ Но даже она имеет огромное значение. Среди статей Н.Н.Муравьева-Карского, самого П.Н.Ермолова и других офицеров есть статья будущего декабриста Е.Лачинова, чья деятельность еще не нашла достаточного отражения в исследованиях о декабристах. Сейчас нельзя сказать, насколько тесными были связи между Е.Лачиновым и П.Н.Ермоловым, но сам факт наличия статьи декабриста в сборнике говорит о многом.

Более определенно обрисовываются отношения П.Н.Ермолова с двумя другими декабристами – А.И.Якубовичем и В.К.Кихельбекером. В декабре 1825 года, отвечая на вопрос Следственной комиссии, где он брал средства для организации встреч декабристов, А.И.Якубович отвечал: "Отец дал 2,5 тыс.р. ... да я в Москве взял взаимнообразно у генерала П.Н.Ермолова 1.500 р. ..." ⁶⁾ Такая значительная по тем временам сумма не могла быть дана случайному знакомому. Представляет интерес для выяснения связей Ермолова и ответ на допросе В.К.Кихельбекера, который на вопрос Следственной комиссий о знакомствах на Кавказе отвечал, что знал всего лишь нескольких лиц, назвав среди них Петра Николаевича Ермолова. ⁷⁾ Подобная близость Ермолова к декабристам далеко не случайна. В его бумагах хранится письмо одного из знакомых – П.Ладинского, ⁸⁾ в котором автор под большим секретом рассказывает Петру Николаевичу о волнении в Семеновском полку и с большой симпатией отзываясь о восставших солдатах, клеймит командира полка Шварца как виновника "Семеновской истории". Если же мы вспомним, что у Ермолова часто велись острые политические разговоры о завоевании царизмом Кавказа, то для нас не будет удивительным, что при восшествии на престол Николая I Ермолов выходит в отставку.

Много лет спустя А.П.Ермолов в одном из своих писем Н.П.Воейкову писал: "...брат Петр, которого ты любишь и которого нельзя не любить за "чудесные свойства" живет по соседству и часто навещает своего бывшего начальника и родственника". ⁹⁾ Какие же "чудесные свойства" вспоминал Ермолов? Наверное, в первую очередь порядочность, доброе отношение к людям. Вступив в 1819 году в командование полком, Петр Николаевич сразу же устроил лазарет для солдат, огромное внимание уделял

образованию и элементарному просвещению рядовых. Именно это подразумевал Н.Н.Муравьев-Карский, когда писал, что Ермолов "не для службы сотворен". Движимый тем же чувством человеколюбия, П.Н.Ермолов предотвратил дуэль между Н.Н.Муравьевым и А.С.Грибоедовым, прибывшим в это время на Кавказ. С тех пор завязались дружеские отношения между автором бессмертной комедии и Ермоловым. Отношения были настолько близкими, что Грибоедов одну из немногих рукописных копий "Горя от ума", запрещенного к печати и постановке в театре, передал Петру Николаевичу. Неожиданная гибель Грибоедова прервала эту дружбу. Но связь с литераторами, с литературными критиками не оборвалась. Живя в Москве, Ермолов регулярно посещает Московский университет, слушает лекции по русской литературе. Д.В.Давыдов - близкий друг генерала - в одном из своих многочисленных писем к нему рассказывает о своих творческих планах, подробно разбирает свое стихотворение "Бородинское поле" и критику на него П.А.Вяземского¹⁰).

Необходимо отметить, что вообще вся переписка Ермолова с Давыдовым наполнена разборами стихотворений и статей Дениса Васильевича и многое дает как для изучения его литературного наследия, так и для характеристики его как человека.

Значение П.Н.Ермолова для формирования творческой личности "художника из чеченцев" П.З.Захарова охарактеризовано выше. Именно Петр Николаевич в 1831 году встретился в Москве с Тропининым по поводу обучения Захарова. Тропинин уже не брал к себе учеников и рекомендовал обратиться к Дубровину. Как известно, Захаров учился в Петербурге. Ермолов не оставлял его своим вниманием, интересовался его работами и обеспечивал Захарова материально. Письма Захарова к своему воспитателю гово-

рят не только о его благодарности, но и о глубоком интересе Ермолова к культурной жизни России. Ермолов с горечью писал о судьбе русских художников, приводя в пример К.Брюллова: "Здесь теперь Карл Брюллов, и едва ли кто знает о его здесь пребывании. В Милане ему, иностранцу русскому, рукоплескали в театре, а у нас творец "Последнего дня Помпеи" пройдет незамеченным. За слоном или за персидским принцем бегали бы толпы народа, а большое общество или высшее гораздо более любопытствовало видеть новую модную торговку, чем художника знаменитого, делающего честь имени Русского". II)

Интересы П.Н.Ермолова были самыми разнообразными. Он встречается с бывшим русским послом в Китае Головкиным во время его пребывания в Москве, впечатление от этой встречи записывает в своем дневнике, восхищаясь умом и деликатным обращением старого дипломата. Занимается вопросами помещичьего землевладения, причем ясно отдает себе отчет "об нынешнем состоянии хозяйства всех вообще дворян, об беспорядочном почти общем управлении имениями..." Он часто посещает театр, и его оценки подчас бывают очень резкими. Так в дневнике за 26 января 1832 года он записывал: "Очень дурно играли "Горе от ума" Грибоедова". В 1829 году его брат Д.Н.Ермолов сопровождал ученого А.Гумбольдта по Алтаю. Петр Николаевич убедительно просит в письмах к брату присылать подробнейшие отчеты о поездке, интересуется минералами и различными редкостями.

Последняя крупная работа, которую Петр Николаевич начал, но не успел закончить - воспоминания о войне 1812 года и о заграничных походах. Сохранились лишь отдельные наброски этого труда. Но даже то, что осталось, говорит о большой ценности его воспоминаний. Описание похода русской гвардии из Петер-

бурга к западным границам России накануне войны, участником которого был П.Н.Ермолов, отличается богатством сообщаемых деталей и выразительностью, увлекательностью изложения. Почти полностью закончены записки о кампании в Пруссии в 1813 году — один из немногих источников по истории освобождения Европы русскими войсками. Смерть прервала труды П.Н.Ермолова — он умер 20 июня 1844 года от последствий малярии, полученной на Кавказе.

Петр Николаевич Ермолов был одним из передовых людей своего времени, и его портрет ныне занимает достойное место в фондах Государственного Литературного музея.

П р и м е ч а н и я

- 1) Поступил в 1934 г. от М.Н.Ермоловой
- 2) Звездочки могли отсутствовать после 1827 года на полях эпюлет только у полных генералов, т.е. генералов от инфантерии, кавалерии или артиллерии. Полные генералы, как правило, имели два-три ордена высших степеней. Набор орденов на портрете генерала работы Гампельна заставляет относить его к младшему генерал-майорскому чину.
- 3) ЦГАДА, ф.1406
- 4) "Русский архив", 1886, кн.1, с.339
- 5) ЦГАДА, ф.1406, оп.1, д.351
- 6) Восстание декабристов. Документы и материалы. т.П, М., 1925, с.283
- 7) "Русская старина", 1873, №4, с.465
- 8) ЦГАДА, ф.1406, оп.1, д.639
- 9) "Русский архив", 1906, кн.3, с.39
- 10) ЦГАДА, ф.1406, оп.1, д.751, лл. 16-18 об.
- 11) ЦГАДА, ф.1406, оп.1, д.874, л.8

Е.М. ВАРЕНЦОВА

**Живописный портрет
декабриста М.М. Нарышкина
в коллекции
Государственного Литературного
музея**

Государственный Литературный музей обладает обширной коллекцией материалов, связанных с историей движения декабристов. Это рукописи, книги, мемориальные вещи, изобразительные материалы, среди которых особое внимание привлекает богатая иконография. Многие изображения уникальны: например, портрет С.И.Муравьева-Апостола работы Н.Уткина, Н.М.Муравьева работы О.Кипренского, портреты декабристов работы Н.Бестужева. Большинство из них написано после 1825 года, изображений, выполненных до восстания, известно немного. Поэтому особую ценность приобретает портрет М.М.Нарышкина, поступивший в музей в 1982 году¹⁾.

В фондах Государственного Литературного музея хранится целый ряд материалов, связанных с семьей декабристов Нарышкиных-Коновницыных. Это прежде всего портреты самого М.М.Нарышкина и его жены Е.П.Нарышкиной, урожденной Коновницыной, работы Н.Бестужева, портрет П.П.Коновницына работы К.Гампельна и другие семейные реликвии. Вновь поступивший портрет М.М.Нарышкина органично входит в состав этой коллекции.

На портрете изображен молодой человек в мундире полковника лейб-гвардии Измайловского полка. По мундиру довольно точно можно определить время его написания - 1824 год. В послужном списке М.М.Нарышкина²⁾ записано, что в данный полк он был определен полковником 12 декабря 1823 года, а уже в июне следующего, 1824 года был переведен в другой, Бородинский пехотный полк.

Полковник М.М.Нарышкин - один из старейшин общества декабристов (еще с 1818г.).

Он принимал новых членов, организовывал (совместно с И.И.Пущиным) московский филиал тайного общества – так называемый "Практический союз", ставивший своей целью освобождение дворовых людей и отказ от пользования их трудом. Нарышкин был близок с С.Трубецким, Е.Оболенским, Никитой Муравьевым, неоднократно встречался с К.Рылеевым, И.Пущиным, И.Бурцовым, виделся с П.Пестелем. Он присутствовал почти на всех важнейших совещаниях декабристов, был знаком с текстами "Конституции" Никиты Муравьева и "Русской правды" П.Пестеля.

Особая роль принадлежала М.М.Нарышкину как "связному" между Северным и Южным обществами. Пользуясь тем, что у него были имения в Крыму, декабрист мог ездить туда и обратно, не привлекая к себе внимания. В одну из таких поездок, например, он сообщил С.Трубецкому о решении А.Якубовича произвести покушение на Александра I. Иными словами, М.М.Нарышкин – это ревностный и убежденный член общества декабристов. "С юных лет он принадлежал к числу тех людей, стремления которых были направлены к общему благу; но это стремление, к несчастью, могло быть удовлетворено только путем самоотвержения. Чуждый корыстных целей, Нарышкин принял этот девиз и в долгие годы лишений и после многих скорбных дней остался верен первоначальному своему призванию", – вспоминал Е.П.Оболенский³⁾.

Нам удалось установить, что имеются три изображения М.М.Нарышкина, выполненные до 1925 года. Это – миниатюра, которая хранится в Государственном Историческом музее, портрет, выполненный маслом – в Доме-музее декабристов в г.Кургане и, наконец, портрет, поступивший в Государственный Литературный музей. Авторы всех трех портретов неизвестны. Все

три являются фактически вариациями одного и того же портрета. Какой же из них считать первоначальным, сделанным с натуры?

Первоисточником, на наш взгляд, является портрет Государственного Литературного музея. В нем художнику удалось передать главное — ту бесконечную доброту, которая была основной чертой характера М.М.Нарышкина. Об этом свидетельствовали все, хорошо знавшие его декабристы. Е.П.Оболенский говорил о том уважении к М.М.Нарышкину, "которое возбуждали его добрая симпатичная фигура, его кроткий тихий нрав, его стремление к добру, его верность в дружбе"⁴).

А.Е.Розен вспоминал, что М.М.Нарышкин был "человек с примерною душою", что "получив совершенно светское и блестящее воспитание, сохранял он скромность, кротость"⁵). Н.И.Лорер писал, что только "недостойный человек не может быть другом Нарышкина"⁶).

Своей мягкостью, теплотой отношения к модели портрет М.М.Нарышкина работы неизвестного художника, поступивший в Государственный Литературный музей, близок знаменитому акварельному портрету декабриста работы Н.А.Бестужева 1832 года⁷).

Миниатюрный портрет декабриста, хранящийся в фонде Государственного Исторического музея является вероятно копией с живописного портрета М.М.Нарышкина, поступившего в Государственный Литературный музей. Это акварель на кости работы неизвестного художника "начала 20-х годов XIX века", как датирует его М.Ю.Барановская⁸). Декабрист изображен в том же мундире полковника лейб-гвардии Измайловского полка, тот же поворот 3/4 вправо. Однако на миниатюре изменены линии шеи,

зачеса волос над правым виском, отчего лицо стало грубее; резче обозначена линия губ. Все это придало лицу М.М.Нарышкина несвойственное ему выражение некоторой жесткости, высокомерности. Не удалось художнику передать и мягкость взгляда модели, которая есть на портрете Литературного музея. Косвенным подтверждением нашей версии является и то, что миниатюра, как правило, делалась с масляного портрета.

Портрет М.М.Нарышкина, хранящийся в доме-музее декабристов в г.Кургане, является, вероятно, поздней копией⁹⁾. По иконографии он ближе к портрету Литературного музея, чем к миниатюре. Однако выражение лица модели более статично, образ несколько идеализирован - удлинены линии бровей, носа; портрет носит черты "иконописности".

Таким образом, нам удалось установить последовательность создания всех трех портретов - их первоисточником является портрет Государственного Литературного музея. Какой была судьба этого портрета после его создания, кому он предназначался и кто берег его все эти годы? Может быть он был написан для невесты - Е.П.Коновницыной? К сожалению, мы никогда, вероятно, не сможем ответить на эти вопросы. Мы знаем только, что портрет был приобретен в одном из антикварных магазинов Лондона. На этом обрываются сведения о судьбе портрета декабриста М.М.Нарышкина, выполненного неизвестным художником в 1824 году.

Примечания

- 1) Портрет М.М.Нарышкина работы неизвестного художника, холст,масло; 30,5x24,5.

Поступил из Министерства культуры СССР.

Портрет принадлежал английскому коллекционеру Е.Малло, который приобрел его в Лондонском антикварном магазине.

- 2) Восстание декабристов. Документы, т.ХIV. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Под редакцией академика М.В.Нечкиной. М., "Наука", 1976, стр.400.
- 3) Оболенский Е.П. Цитируется по кн.: Декабристы. 86 портретов. Издание М.М.Зензинова. М., 1906, с.с. 172-173.
- 4) Оболенский Е.П. Несколько слов в память почившего сего января 3-го 1863 г. Михаила Михайловича Нарышкина. "День", 1863, №3 от 19 января.
- 5) Розен А.Е. Записки декабриста. Спб.,1907, с.200.
- 6) Записки декабриста Н.И.Лорера. М., 1931, с.68.
- 7) Портрет списан и воспроизведен в кн.: - Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977, с.с. 274-275, 178-179.

Акварель хранится в Государственном Литературном музее

- 8) Миниатюра опубликована М.Ю.Барановской в подборке открыток "Портреты декабристов". Издательство "Изобразительное искусство". М., 1975
- 9) Портрет опубликован в подборке открыток "По Зауралью (Курганская область)". Издательство "Планета", М., 1982.

.

Т.В. СОКОЛОВА

Из архива Павловых

В 1980 году в Государственный Литературный музей от потомков профессора Московского университета М.Г.Павлова поступили бумаги из семейного архива. Это тринадцать писем и записок бытового и делового характера. Их авторами являются И.С.Аксаков, С.Т.Аксаков, Д.М.Велланский, Н.В.Гоголь, В.И.Даль, И.И.Давыдов, М.Н.Загоскин, И.В.Киреевский, Д.М.Княжевич, М.А.Максимович, Н.И.Надеждин.

Поступившие в музей документы были условно названы архивом профессора Павлова, хотя самому М.Г.Павлову из тринадцати писем адресовано только два – письма Д.М.Велланского и Д.М.Княжевича. Последнее датировано 7 апреля 1840 года, т.е. написано через четыре дня после смерти профессора. Княжевич в это время находился в Одессе, где о смерти Павлова узнали только в конце месяца.

28 апреля 1840 года Н.И.Надеждин пишет из Одессы вдове профессора Марье Петровне полное скорби письмо:¹⁾

"Боже мой, Боже мой! Что я могу сказать в утешение ваше, почтеннейшая Марья Петровна, я, пораженный до глубины души ужасною, неожиданною вестью? Нет! Я могу только плакать с вами... О наша жизнь, где верны лишь утраты!.. Думал ли я, прощаясь с вами, что обнимаю в последний раз человека, которого привык любить, как брата?.. Думал ли я?.. Одно остается – память тех сладких минут, которые некогда освещали нашу жизнь быстротечным, но незабвенным сиянием!.. Не могу более писать ничего... Мысли мои спутаны... Верьте только,

любезнейшая Марья Петровна, что в отдалении от вас есть сердце, которое вполне разделяет вашу безотрадную горесть.

Весь ваш, Н.Надеждин

28 апр. 1840.

Одесса." х)

Искренним сочувствием к вдове и детям и уважением к памяти покойного проникнуто и следующее письмо Н.И.Надеждина к М.П.Павловой:²⁾ "Всем-всем, чем только могу, я готов служить вам, почтеннейшая и любезнейшая Марья Петровна! Связи, соединявшие меня с покойным, были так глубоки, так святы! (...)^{хх)} Смее (...) уверить вас, что пока я живу, пока остается во мне последняя искра чувства, воспоминание об вас будет лучшим моим сокровищем. В сердце, как оно ни пусто, последнее, что умирает, и умирает вместе с жизнью, есть дружба".

Деятельность Михаила Григорьевича Павлова (1795-1840), с 1820 года профессора физики, минералогии и сельского хозяйства в Московском университете, оказала серьезное влияние на духовное развитие целого поколения студентов. Вскоре после его смерти, в мае 1840 года, ученик Павлова М.А.Максимович писал С.Т.Аксакову: "Никто из Московских Профессоров не имел такого влияния на мой ум, как Мерзляков и Павлов, (...) возвращение Павлова в Москву было Эпохой³⁾, с которой началась новая, живая мыслительность, оживившая Университет Московский и состоящий при нем

х) Орфография и пунктуация текстов дается по современной норме.

хх) Здесь и далее таким образом отмечены пропуски в цитации.

пансион. Если был оттуда новый свет в прошедшее десятилетие (т.е. 1820-е годы), то его ⁵⁾ исходной точкой был именно Павлов, и это недостойно быть забыто!"⁶⁾

Значение деятельности М.Г.Павлова для русской культуры очень точно определил слушавший его лекции А.И.Герцен: "Германская философия была привита Московскому университету М.Г.Павловым. Кафедра философии была закрыта с 1826 года. Павлов преподавал введение к философии вместо физики и сельского хозяйства (...). Его курсы были чрезвычайно полезны. Павлов стоял в дверях физико-математического отделения и останавливал студента вопросом: "Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?" (...) Ответом на эти вопросы Павлов излагал учение Шеллинга и Огена с такой пластической ясностью, которой никогда не имел ни один натурфилософ"⁷⁾.

Для передовых образованных кругов русского общества 30-х - 40-х годов прошлого столетия характерно оживление интереса к философии. Часть материалов архива Павловых связана с тем периодом русского просветительского идеализма XIX века, когда крупнейшими представителями этой школы были М.Г.Павлов и Д.М.Велланский.

Д.М.Велланского, профессора Петербургской медико-хирургической академии, и Павлова объединяла приверженность к философскому учению Шеллинга. Первый слушал лекции Шеллинга в Верцбургском университете, второй заинтересовался философией Шеллинга во время зарубежной командировки 1818-1820 гг. Влияние обоих профессоров на духовное формирование русской интеллигенции было заметным фактором культурной жизни России. В "Литературных мечтаниях" В.Г.Белинский называет "Физику" Велланского в числе произведений, определивших "круг умственной деятельности" его современников⁸⁾.

Ниже приводится текст входящего в архив письма Д.М.Велланского к Павлову⁹⁾, содержащее целый ряд программных для русского Просвещения положений.

"Милостивый Государь Михайло Григорьевич!

Дружеское Ваше ко мне расположение я считаю основанным на любви Вашей к истинному познанию Физических Наук, и стремление Ваше к возвышеннейшим понятиям должно происходить от философического Гения, недовольствующегося обыкновенными сведениями низшей области. В дружеской беседе Вы меня спрашивали, можно ли иметь совершенное познание о вещах?

Если бы абсолютное познание Природы было невозможно, то бы все физические исследования оставались тщетными, и ученые наши занятия были бы суетнее и маловажнее детских игрушек! Идея абсолютного познания вещей была единственным побуждением к учреждению высших училищ: Академий и Университетов. Она действует у людей возвышеннейшего духа, хотя и не оказывается в них ясным (? - Т.С.) со сведением.

Откровенность Ваша и почтеннейших Ваших сотоварищей, удостоивших меня благостной беседы в Вашем доме, были для меня восхитительны! Как Москвитяне составляют цвет Русского народа и Москва есть сердце России, так и Московские Ученые должны быть первыми Жрецами, хранящими священный огонь просвещения в центральном храме нации.

Иван Артемьевич Петров¹⁰⁾ объявлял мне Ваше желание, чтобы я приехал на зимний месяц в Москву для преподавания публичных лекций. Но я по моей должности в Академии не могу

отлучиться зимою и на два дня из Петербурга. Я считаю величайшим для меня удовольствием способствовать дражайшим моим соотечественникам в ученых занятиях, показав им истинный путь, ведущий к общей, единственной цели человеческих познаний. Все психические сведения основываются на познании Природы, ибо дух обнаруживается только телом как идеальное в реальном или возможное в действительном. Физические предметы во внутренней их сущности так определительны, как математические числа и фигуры, и настоящее физическое понятие должно быть так ясно и неоспоримо, как математическая демонстрация.

Я составил Физиологию, или Физику органической Природы в общем содержании оной с неорганической, которая может быть еще и через два года не будет отпечатана, ибо требует много дополнений. Посылаю Вам оную в манускрипте! Если Вы пожелаете вникнуть в ее содержание, то велите переписать оную для Вас, а оригинал прислать ко мне обратно: Г. Ловецкого^{II}), Профессора Физиологии в Московской Медико-хирургической академии, я не имею чести знать лично. Посему покорно прошу Вас показать и ему мое Физиологии! Если она ему понравится, то и он может приспособлять ее к своим лекциям, ибо он знает хорошо Зоологию, которая теперь соединена в один состав с Физиологиею.

Остаюсь Ваш покорнейший и преданнейший слуга Д. Велланский.

27 Марта

1834

Санктпетербург

Значительную часть архива составляют бумаги Аксаковых. Их владельцем мог быть сын М.Г.Павлова – Николай Михайлович.

Павловых и Аксаковых связывали отношения прочные и многолетние. Начало этого сближения связано с возникновением журнала М.Г.Павлова "Атеней". В этом журнале в 1830 году с подписью "L" было опубликовано стихотворение М.Ю.Лермонтова "Весна" – первое попавшее в печать произведение поэта. Здесь же напечатана одна из ранних студенческих работ Герцена "О землетрясениях". На страницах "Атеней" печатались стихотворения ученика Павлова Н.В.Станкевича, жившего в доме профессора на Большой Дмитровке. Этот дом стал главным местом встреч членов кружка Станкевича¹²).

В то время, когда М.Г.Павлов подал в Московский цензурный комитет просьбу о дозволении в 1828 году издавать журнал "Атеней", содержание которого должны были составлять история наук, словесность и критика (по две книжки в месяц), С.Т.Аксаков исправлял должность председателя комитета¹³). Впоследствии С.Т.Аксаков печатал в журнале Павлова некоторые свои театральные и литературные рецензии. Павлов стал бывать в доме Аксаковых, где "по субботам постоянно обедали (...) и проводили вечер (...) приятели" Сергея Тимофеевича¹⁴). Аксаковские "субботы", собиравшие деятелей литературно-театральной Москвы, были знамениты в конце 20-х – начале – 30-х годов прошлого столетия.

С.Т.Аксаков стал крестным отцом сына Павлова. В состав архива входит письмо С.Т.Аксакова вдове профессора, продиктованное им за неделю до смерти, в котором упоминается о Н.М.Павлове: "Я давно уже, еще живя в моей подмосковной деревне, слы-

шал от Щепкина о молодом человеке Павлове, который имеет необыкновенное сценическое дарование, и тогда же сказал, верно, это мой крестник! Переехав на зиму в Москву, я опять услышал, что молодой Павлов пишет прекрасные стихи, и опять сказал, верно, это мой крестник. Я говорил по предчувствию — и оно оправдалось. Я вызвал вашего сына запиской и сердечно полюбил его с первого взгляда: он соединяет с логическим и систематическим умом своего отца дарования литературные и сценические. Константин мой также очень его полюбил¹⁵⁾.

В конце этого письма полуслепым Аксаковым приписано несколько неразборчивых слов.

Крестник С.Т.Аксакова, друг его сыновей, духовный питомец К.С.Аксакова, Н.М.Павлов получил воспитание в Дворянском пансионе и окончил курс в Московском университете по математическому факультету¹⁶⁾. Как литератор он был известен под псевдонимом Н.Бицын. В 1896—1904 гг. вышло пять томов его "Русской истории", Н.М.Павлов подготовил первую публикацию полного текста "Истории моего знакомства с Гоголем" С.Т.Аксакова¹⁷⁾, написал воспоминания о К.С.Аксакове¹⁸⁾, опубликовал часть своей переписки с И.С.Аксаковым периода его "Варваринского заточения"¹⁹⁾.

В архиве сохранился автограф стихотворения И.С.Аксакова "Варварино" (послание Е.Ф.Тютчевой)²⁰⁾. Это авторский список стихотворения, сделанный для Н.М.Павлова, которому 28 августа 1878 года И.С.Аксаков писал из своей ссылки: "...Если вы проследите генеалогию разврата, то вы уткнетесь в действие личностей наших государственных мужей Петербургских, и оно не по-

кажется "только забавным". Тем не менее, стихия духовная Русского народа так сильна и так живо я ее слышу душой, что не своротить Петербургу России с ее исторического пути, не лишит народ его призвания. Истинно назидателен молитвенный мир Русских полей. Я упиваюсь им. Мир - это стихия русского народа; в нем сила, победа, в нем истина. И Русский солдат - даже когда дерется - носит мир в душе!

Посылаю вам стихи, написанные мною после 17-летнего перерыва! Это меня самого утешило²¹⁾.

В примечании к письму Н.М.Павлов пишет: "Теперь это общеизвестное стихотворение "Варварино", где и упоминается о молитвенном мире полей". Это означает, что свое стихотворение И.С.Аксаков сам прислал Н.М.Павлову вскоре после того, как оно было напечатано.

Немалую часть своего труда Н.М.Павлов посвятил жизнеописаниям Аксаковых. В 1898 году появилась его статья "С.Т.Аксаков как цензор", открывавшая "вовсе неизвестную страницу"²²⁾ в биографии автора "Семейной хроники". Это действительно первая попытка изучения деятельности С.Т.Аксакова в цензурном комитете. Вероятно, среди документов, которые привлекала для работы над статьей Н.М.Павлов, была и расписка И.В.Киреевского, сохранившаяся в архиве:²³⁾

"Все статьи, помещаемые в моем журнале без подписи, принимаю я на свою ответственность. Издатель журнала Европеец, Отставной Переводчик Государственной Коллегии Иностранных Дел, Иван Киреевский

1831 года Декабря 20го."

Вокруг журнала Киреевского "Европеец" начали объединяться литераторы пушкинского круга. В двух вышедших номерах журнала участвуют В.А.Жуковский, Е.А.Баратынский, Н.М.Языков, А.И.Тургенев. С журналом готов был сотрудничать В.Ф.Одоевский. Киреевский рекомендует свой журнал Пушкину как рекрута, который горит нетерпением служить и воевать под его предводительством²⁴).

В первом номере "Европейца" за подписью С.Т.Аксакова напечатано несколько строк, дававших, однако, журналу право на существование: "Печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании представлены были в Цензурный Комитет три экземпляра. Москва Декабря 8 дня, 1831 года. Цензор С.Аксаков"²⁵). С.Т.Аксакову и предназначалась расписка И.В.Киреевского, оказавшаяся впоследствии у Н.М.Павлова.

Материалы архива Павловых не дают возможности установить, что именно произошло между 8 декабря 1831 г., когда первый номер "Европейца" получил цензурный пропуск, и 20 декабря, который датирована расписка И.Киреевского, т.е. что именно было поводом для расписки. Но причиной ее появления была бесспорно секретная записка Николаю I, составленная членами особого комитета, созданного в начале 1831 года для Совещания по поводу авторского имени. Записка эта подтверждала двойную ответственность за издание цензора и издателя и вменяла издателю в обязанность "объявить цензору имя автора, если оно ему известно", а "в случае напечатания статьи, доставленной от неизвестного, вся ответственность падет на издателя журнала, как бы на сочинителя статьи"²⁶). В этой же записке данное положение поясняется сле-

дующим образом: "Ответственность за издание книги или статьи, противной правилам цензуры, возложена... на цензора или членов комитета, подписавших определение о пропуске. Но таковое постановление... не освобождает от законного преследования самих сочинителей или переводчиков... Автор безбожного или возмутительного сочинения... должен быть предан суду на основании общих законов, несмотря на данное ему от цензора одобрение"27).

Автором большинства анонимных статей, помещенных в первом номере "Европейца", был сам И.В.Киреевский. Но в его расписке, данной Аксакову, обращает на себя внимание слово "п о м е щ а - е м ы е" - оно позволяет предположить, что речь идет не только о статьях, уже получивших разрешение цензуры, но и о тех, которые и впредь будут появляться в журнале анонимно, т.е. Киреевский раз и навсегда берет на себя ответственность за свое издание.

Такое предположение кажется уместным, если вспомнить поведение И.Киреевского после запрещения журнала, когда он всех своих соратников, пытавшихся оправдать его в глазах властей, просит быть осторожными, чтобы своим заступничеством за него они не повредили себе. В письмах к П.А.Вяземскому Киреевский писал: "...Немного смелое слово может повредить не одному мне. Поэтому прошу Вас (попросите о том же и ~~Киреевского~~) не хлопотать обо мне слишком явно, чтоб участие не сочтено было единомыслием (...) заступаться за меня без всякого сомнения вредно для Вас (...)"28).

Последовавшие за запрещением "Европейца" события: гонения

на "Телескоп" и "Московский телеграф" Надеждина и Полевого, распоряжение по Министерству народного просвещения о разрешении с 1832 года журналов в зависимости от справок о благонадежности издателя, дававшихся III отделением, и, наконец, отставка С.Т. Аксакова - воспринята Киреевским в одной связи²⁹), хотя за разрешение "Европейца" Аксаков получил строгое замечание, а поводом для его увольнения из цензурного комитета стала, как известно, книга "Двенадцать спящих будочников" (поучительная баллада), вышедшая под псевдонимом Елистрат Фитилькин. В книге этой было усмотрено "описание действия московской полиции в самых дерзких и неприличных выражениях". В вину автору ставилось намерение "распространить чтение ее в простом народе и внушить оному неуважение к полиции", а цензора Аксакова поведывалось снять с должности как вовсе не имеющего "нужных для звания его способностей".³⁰

Во всех событиях, развернувшихся вокруг журнала Киреевского, есть еще одна закономерность. "Европеец" замыслился как издание, "не запачканное" именем Булгарина. Он был закрыт вследствие доноса, написанного, по мнению Луковского, Булгариным³¹). В предисловии к своей книге автор "Двенадцати спящих будочников" позволяет себе некоторые ироничные замечания в адрес автора "Ивана Выжигина": "Меня ободряет пример гг. Выжигиных, перед коими она (баллада - Т.С.) имеет важное преимущество: ее можно прочесть несравненно скорее"³²).

17 февраля 1982 года Бенкендорф сообщал князю Ливену, что предисловие "Двенадцати спящих будочников", "равно как и следующее за оным обращение к цензуре, писаны с явным нарушением всякого приличия и благопристойности"³³).

Наконец, если прибавить ко всему этому выступление самого С.Т.Аксакова под псевдонимом Истома Романов на страницах павловского "Атеней" против "Ивана Выжигина"³⁴), то расписка И.В.Киреевского превращается в косвенное свидетельство участия издателя "Европейца" и будущего автора "Семейной хроники" в событиях литературной борьбы конца 20-х - начала 30-х годов прошлого столетия.

Жемчужиной архива Павловых является двойной автограф Н.В.Гоголя и С.Т.Аксакова. Эта записка С.Т.Аксакова к Гоголю с приглашением на обед и ответ Гоголя на том же листе, переадресованном Аксакову³⁵).

"Николаю Васильевичу Гоголю

В доме Погодина, - зачеркнуто, внизу рукой Н.В.Гоголя, - Сергею Тимофеевичу Аксакову".

"Хоть плохую имею надежду, но на всякий случай предлагаю вам, любезнейший Николай Васильевич, отобедать вместе в клубе, куда я записан (...) ^x) ви вашего спутника из Питера. Если же вы н (...) в Двор. Клуб, то не приедете ли к (...) не очень здоров и останусь дома, да (...) (если буду знать, что вы у них) немедленно после (...) обеда приеду. Обнимаю вас крепко. Очень бы хотелось подольше, побольше, на просторе поговорить с вами

ваш Аксаков

20 октября

Понедельник

к вам натурально приеду а в клуб и ворон костей моих не занесет".

x) Таким образом отмечены утраты, имеющиеся по краям листа

Год написания этой записи легко восстанавливается: 20 октября приходилось на понедельник в 1841 году. В этом году И.В.Гоголь приехал в Москву из Петербурга, остановился, как обычно, в доме Погодина, и 18 октября появился у Аксаковых. Он привез с собой первый том "Мертвых душ", который читал С.Т. и К.С.Аксаковым.

Записка с выразительной припиской Гоголя, сделанной единым росчерком без заглавных букв и знаков препинания, включается в ряд писем Аксаковых, которые вместе с письмами других современников стали документами летописи пребывания Гоголя в Москве осенью 1841 года.

В записке С.Т.Аксакова речь идет о спутнике Гоголя; это Петр Иванович Пейкер, сын Ивана Устиновича Пейкера, который был сослуживцем С.Т.Аксакова по Межевому институту. Во время их путешествия с Гоголем из Петербурга в Москву произошел небольшой курьез, который С.Т.Аксаков впоследствии относил к одному из последних проявлений "проказливости" Гоголя. Аксаков так писал об этом эпизоде: "Он (Гоголь - Т.С.) приехал в одной почтовой карете с Петр.Ив.Пейкером и сидел с ним в одном купе. Заметя, что товарищ очень обрадовался соседству знаменитого писателя, он уверил его, что он не Гоголь, а Гогель, прикинулся смиренным простаком, круглым сиротой и рассказал о себе преплачевную историю. Притом на все вопросы отвечал: "Нет, не знаю". Пейкер оставил в покое своего неразговорчивого соседа"³⁶⁾ Но в Москве Гоголь и Пейкер встретились в доме Аксаковых, о чем В.С.Аксакова писала М.Г.Карташевской в конце октября 1841 года: "На днях он (П.И.Пейкер) обедал у нас вместе с Гоголем,

сцена их свидания была так смешна, что я убежала в другую комнату, чтоб не расхохотаться, но и у нас даже Гоголь при Пейкере мало говорил³⁷).

Остается лишь уточнить дату встречи Гоголя и Пейкера у Аксаковых. На основании записки из архива Павловых можно предположить, что это свидание состоялось 20 октября 1841 года.

Все письма и записки архива так или иначе связаны с Н.М.Павловым: это письма к его отцу и матери и письма, адресованные самому Н.М.Павлову (авторский список стихотворения "Барбарино"); документы, характеризующие деятельность профессора Павлова (письмо М.А.Максимовича С.Т.Аксакову), и материалы, необходимые для работы Н.М.Павлову (записки И.Киреевского, Гоголя, обрывок письма Загоскина с отзывом о пьесах Гоголя, записка В.И.Даля С.Т.Аксакову).

В руках Н.М.Павлова соединились части семейных архивов Павловых и Аксаковых, куда вошли письма, записки и документы, адресатами и авторами которых являются крупнейшие деятели русской литературы и культуры XIX столетия.

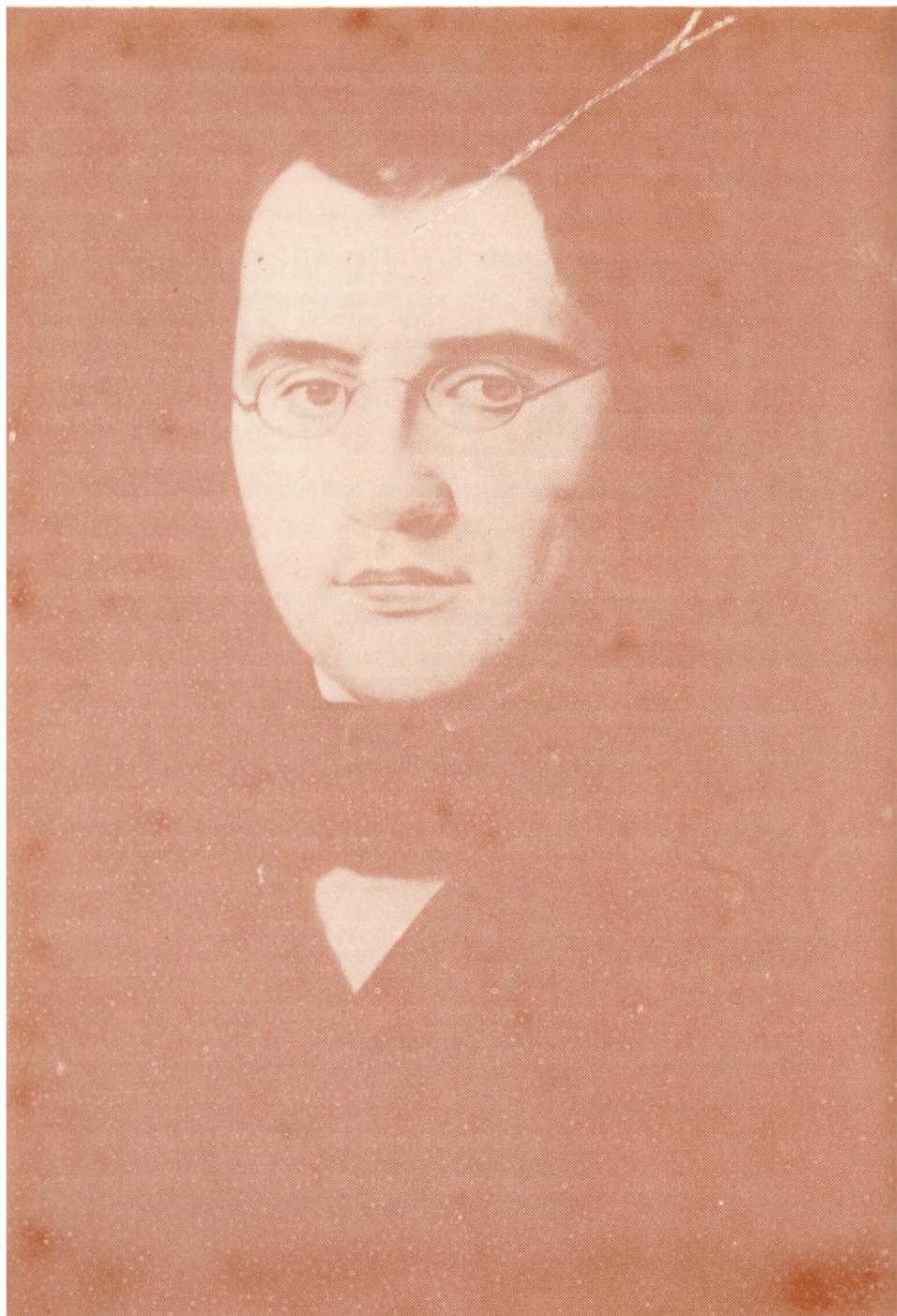
Даже общий обзор архива позволяет уточнить не только отношения, существовавшие между людьми, состоящими в переписке с Павловым и Аксаковым, но и выявить круг проблем, связанный с их деятельностью и с преемственностью традиций в культуре XIX века.

Примечания

1. ГЛМ. Кп 51574/1 Оф 7156/1.
2. ГЛМ. Кп 51574/2 Оф 7156/2. 29 мая 1840 г., Одесса.
3. Выделено М.А.Максимовичем.
4. После ревизии Строганова и посещения пансиона при Московском университете Николаем I в 1826 г. М.Г.Павлов был назначен инспектором пансиона.
5. В тексте - "ихъ".
6. ГЛМ. Кп 51576 Оф 7150. 5 мая 1840 г., Киев.
7. Герцен А.И. Былое и думы. БВЛ, М., "Худ.лит.", 1969 т.1, с.340. Подробно об историческом значении деятельности М.Г.Павлова см. кн.: - Каменский З.А. Русская философия начала XIX века и Шеллинг. М., "Наука", 1980.
8. Белинский В.Г. ПСС в 13 тт. М., АН СССР, т.1, 1953, с.24.
9. ГЛМ. Кп 51677/2 Оф 7153.
10. Если Велланский не путает имя и отчество Петрова, то речь, вероятно, идет о сыне Артемия Ивановича Петрова (1780-1849), врача, профессора Ветеринарного отделения Московской медико-хирургической академии.
11. Ловецкий Алексей Леонтьевич (1787-1840), врач и натуралист, профессор Московского университета и Московской медико-хирургической академии. Являлся последователем М.Г.Павлова в теории земледелия.
12. Машинский С.И. Станкевич и его кружок. - В кн.: Машинский С.И. Слово и время. М., "Сов.писатель", 1975, с.59.
13. Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания. Собр. соч. М., "Худ.лит.", 1956, т.3, сс.128-129.
14. Аксаков И.С. Очерк семейного быта Аксаковых. - В кн.: Иван Аксаков в его письмах. Т.1, М., 1888, с.20.
15. ГЛМ. Кп 51575 Оф 7149. 23 апреля 1856г., Москва.
16. Бартенев Ю. Николай Михайлович Павлов. Некрологическая статья. - Русский архив, №1, 1906, с.641.
17. Русский архив, №3, 1890.
18. Русский архив, №3 (I), 1885, сс.371-415.
19. Русский архив, №8 (П), 1887, сс.469-494.

20. ГЛМ. Кп 51573 Оф 7147. 18 августа 1878г., с.Варварино. Известен автограф этого стихотворения, хранящийся в ЦГАЛИ.
21. Русский архив, №8 (П), 1887, сс.469-494.
22. Русский архив, №5 (П), 1898, сс.81-96.
23. ГЛМ. Кп 51578 Оф 7151
24. Переписка Пушкина в 2-х тт. М., 1908, т.2, с.407
25. С.Т.Аксаков поступил на службу в Московский цензурный комитет 22 июля 1827 г., с 23 октября того же года он становится исправляющим должность председателя; 8 декабря 1828 г.уволен, а 2 мая 1830 г. снова определен на службу в цензурный комитет. - См.: В.Данилов. С.Т.Аксаков, С.Н.Глинка и В.В.Измайлов в Московском цензурном комитете. Известия по русскому языку и словесности. Л., АН СССР, 1928, т.1,кн.2,сс.507-524.
26. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. Пб., 1908, с.73.
27. Там же
28. Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь "умственные плотины". Из истории книги и прессы пушкинской поры. М., 1972, с.124.
29. Русская старина, 1903, кн.1, сс.312-313.
30. Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. Пб., 1908, с.73.
31. Фризман Л.Г. К истории журнала "Европеец". - Русская литература, 1967, №2, с.118.
32. Проташинский В.А. (Фитилькин Е.) Двенадцать спящих будочников. М., 1832.
33. Русская старина, 1903, №2, с.315.
34. Машинский С.И. С.Т.Аксаков. Жизнь и творчество. М., "Худ. лит.", 1961, с.105.
35. ГЛМ. Кп 51571 Оф 7146.
36. Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. Собр. соч. М., "Худ.лит.", 1956, т.3, сс.205-206.
37. Литературное наследство, т.58, с.608.

Г.Л. МЕДЫНЦЕВА

Тургенев и его портреты

"Великий, красивый и добрый...
таким он был как человек и как автор,
таковы же были его ум, сердце и на-
ружность".

Людвиг Пич¹⁾

Когда мы читаем воспоминания о Тургеневе его современни-
ков, в один голос восхищавшихся не только личностью, но и нео-
бычайно эффектной внешностью писателя, и смотрим на его пор-
треты, то сразу возникает удручающий контраст между образом,
сложившимся по этим описаниям, и изображениями, мало им соот-
ветствующими.

Вот каким предстает перед нами Тургенев со страниц воспо-
минаний. Прекрасное, "наполовину библейское, наполовину джентль-
менское" лицо, "удивительно мягкое, как бы мечтательное выраже-
ние глаз", огромный рост, богатырское телосложение при аристо-
кратической утонченности, артистизм, — весь его облик в соеди-
нении с гениальной одаренностью и неотразимым обаянием, которое
исходило от него, производил чарующее и необыкновенное впечат-
ление. Его сравнивали с богом Саваофом, с Юпитером, с дремлю-
щим львом.

К сожалению, портреты мало что сохраняют от этого впечат-
ления. "Его живописный облик... не передан никем сполна, —
считает Д.В.Григорович. — Даже у таких мастеров, как Перов,
К.Маковский, Репин, Тургенев еще не Тургенев. У одного он поч-
ти монументально строг, у другого до приторности сладок. У тре-
тьего как бы и тот, да не тот"²⁾.

"Дело в том, что лицо И.С. совсем не поддавалось фотографии и живописи, — утверждает другой современник. — И странное дело! Лицо его было так типично, такой широкой, такой могучей лепки, а между тем в общей гармонии его было что-то неуловимое... Самая фигура его — сильная, широкая — могла произвести впечатление даже на случайного, постороннего зрителя. Художники чувствовали ее типичность, но едва они брались за кисть, как оказывались несостоятельными.

У нас нет хороших его портретов... Все... работы не передают главного: схватив общие черты, они не улавливают основной внутренней характерной его типичности. Не чувствуется ни фигура, огромная, маститая, ни увлекательно живая речь, ни острый блестящий ум, эти знакомые подробности его типа³⁾.

Главное, что поражало в облике Тургенева и что являлось самой отличительной его особенностью, — это несоответствие между мужественной внешностью и нежной женственной натурой, китайской слабхарактерностью и мягкосердечием, сочетавшимся с сильным и обширным умом.

"Глубокая, мягкая, любящая душа была заключена в колоссальное изящное тело и эта комбинация была необычайно привлекательна⁴⁾.

Сколь характерной и определенной была наружность Тургенева, столь трудноуловимой и изощренной, лишенной резких и прямолинейных черт, была его душевная организация.

Такое сложное взаимодействие внешнего и внутреннего оказалось непередаваемым, как осталась незапечатленной и красота внешнего облика. Одно из немногих исключений составляют портрет-

ные зарисовки Тургенева, сделанные Полиной Вяздо (Париж, частное собрание).

Печальная история с портретами Тургенева определяет специфику подхода к ним, крайне обедняя, к великому сожалению, наше восприятие: из него почти исключается эстетическая природа самой личности писателя и всех его проявлений, без чего немислимо полное представление о нем и без чего изображения Тургенева лишь бледная тень Тургенева реального. Все внимание приходится сосредоточить на констатации и расшифровке отдельных черт характера, которые удалось донести художникам, и на замечаниях, внесенных временем в эти черты.

Желание представить себе зрительно облик выдающегося писателя не позволяет нам пренебрегать ни одним его прижизненным портретом и заставляет искать в каждом какие-то особенности, верно уловленные художником. Правда, приходится делать серьезное внутреннее усилие, рассматривая тот или иной портрет, — максимально мобилизовать воображение, сопоставляя всякий раз свое впечатление со свидетельствами очевидцев.

К счастью, изображений Тургенева сохранилось множество, и все они в целом, в сочетании с многочисленными рассказами знакомых и друзей писателя, помогают воссоздать его полный привлекательности образ.

Литературный музей располагает богатейшим фондом тургеньевских материалов, в том числе значительной портретной коллекцией (15 оригинальных портретов, около 40 фотографий и около 60 литографий).

Наша задача — обобщить сведения о портретах, определить значение в целом тургеньевской портретной коллекции в Литератур-

ном музее и показать те возможности, которые она дает для характеристики личности писателя, попытавшись по этим портретам реконструировать связанные с ними моменты его биографии.

Нас, естественно, привлекают прижизненные изображения, сделанные в оригинальной технике.

Большинство портретов Тургенева принадлежит к зрелой эпохе его жизни и творчества.

Ценность нашей обширной коллекции тургеневских портретов в том, что в них стражена пора молодости Тургенева и расцвета его таланта и жизненных сил.

Пять оригинальных портретов созданы в 1830, 1838, 1841, 1843-44 и 1857-58 годах. Они не просто представляют четыре возрастные эпохи (детство, юность, молодость и зрелость), но и обозначают важнейшие вехи в психологическом и творческом развитии писателя: 1838 год - отъезд Тургенева в Берлин, послуживший первым толчком к его внутреннему пробуждению; 1841 год - сближение с семьей Бакуниных и "премухинский роман"; 1843 год - литературный дебют и поворот в личной судьбе; 1857-58 гг. - возмужание и расцвет таланта и одновременно пора душевного и творческого перелома, приведшего к относительной устойчивости и в писательской, и в личной жизни.

Таким образом, по этим портретам можно проследить развитие и формирование личности и таланта Тургенева.

Период 60-70-х гг. представлен в основном литографиями и фотографиями, которые составляют особую обширную тему и здесь лишь вскользь упоминаются.

И наконец, Тургенев в старости запечатлен на двух интерес-

ных карандашных рисунках, принадлежащих Дмитриеву-Оренбургскому и Липгарту.

Самый ранний портрет Тургенева - акварель неустановленного художника 1830 г.⁵⁾ 12-летний мальчик со скованным и напряженным видом жмуро смотрит на нас исподлобья. О его характере трудно сказать что-либо определенное. При всем том портрет представляет несомненную ценность, учитывая, что изображений Тургенева в детстве сохранилось очень мало.

Гордостью тургеневского фонда в Литературном музее является акварель крепостного художника К.Горбунова 1838 г. - одно из самых выразительных и поэтичных изображений Тургенева⁶⁾.

20-летний юноша, почти мальчик, в спокойной и созерцательной позе, сидит чуть отвернувшись от нас. У него нежное женственное лицо с припухлыми губами и круглым полным подбородком. Взгляд обращен к зрителю, но устремлен не на него, а куда-то мимо - взгляд человека, глубоко погруженного в собственные мысли.

За мягкими очертаниями по-юношески скруглого лица со следами детской изнеженности и капризности явно чувствуется то, что навсегда останется свойственным Тургеневу - выражение затененной печали, меланхоличности, даже скорби.

Об этом портрете до нас дошло довольно много сведений⁷⁾. История его рассказана в письме родственницы Тургенева В.Н.Житовой к редактору "Вестника Европы" М.М.Стасюлевичу от 4 ноября 1883 г. После смерти своей матери в 1850 г. Тургенев подарил портрет В.Н.Житовой, которая разрешила опубликовать его в "Вестнике Европы" в 1884 г. Впоследствии акварель хранилась у ее внука Л.М.Змиева, от которого она и поступила в музей в 1938г.

По словам М.М.Стасюлевича, "редко юношеский облик в такой степени предсказывает черты старика или - лучше сказать - редко в чертах старика в такой степени сохраняются черты его юности, как то случилось с Тургеневым и как о том можно судить благодаря уцелевшему его портрету из эпохи самой ранней молодости..."⁸⁾

В таком же духе высказывается П.В.Анненков: "Портрет, по-моему, очарователен - это 20-летний Тургенев в полном виде и носит в выражении глаз и рта обещание всего, что он сделал... Полюбуйтесь, как время углубило все первоначальные черты на пространстве 50 лет, не изменив их вида"⁹⁾.

Этот портрет обладает удивительным качеством. Его автор как бы провидит будущее - то, чего, казалось бы, не предвещала сама судьба, не могли предвидеть окружающие. Художник сумел разглядеть и воплотить черты незаурядности и избранности, а между тем, Тургенев в эту пору еще никак не проявился - ни как личность, ни, тем более, как литератор, хотя уже и начал печататься - писал подражательные романтические стихи. Он только что вырвался из-под родительского крова, уехав "доучиваться в Берлин". Уродливое воспитание сильно затормозило внутреннее развитие Тургенева и исказило его природные наклонности. Характер его совсем не сформировался и представлял собой нечто неопределенное и аморфное. Серьезно к нему тогда мало кто относился. Станкевич, например, хорошо знавший Тургенева в Берлине, подметив в нем признаки ума и даровитости, соглашался с общим мнением, что он "неловок, мешковат физически и психически, часто досада".

В свои 20 лет Тургенев оставался совершенным ребенком. То он читал Гегеля и изучал философию, то с приставленным к нему

крепостным дядькой забавлялся воспитанием случайно ему доставшейся собаки или возился с котенком, навязывая ему бумажки на лоб и любясь его игрой и прыжками, или же предавался еще более невинному занятию — игре в карточные солдатики.

За границу Тургенев отправился весной 1838 г., а 30 июля Барвара Петровна писала сыну: "...получила письмо из Гамбурга от 26 мая...Потом получила посылку, это был мне сюрприз... т в о й п о р т р е т... При оном маленькая записочка"¹⁰).

С тех пор акварель всегда стояла у нее на столе: "Утро начинается. В гостиной отгорожен к одному окну кабинет, с зеленью, стол письменный стоит... сажусь за приятное прохождение времени — ближе всех в глазах моих твой портрет. — Здравствуй, Ваня, — говорю я, — и потом принимаюсь писать письма к тебе или брату"¹¹).

Она не расставалась с портретом и, уезжая из Спасского, всегда собственноручно укладывала его в свою дорожную ватку.

До нас дошло любопытное семейное предание. Барвара Петровна обожала сына и к его портрету относилась сакраментально, не позволяя никому до него дотрагиваться. Когда же Тургенев впадал в немилость, (а при ее характере это случалось нередко), она в гневе швыряла портрет на пол и никто не осмеливался его поднять. Однажды он пролежал на полу чуть ли не два месяца.

Автор акварели долго считался неизвестным, пока, наконец, уже в наше время, на ней не была обнаружена почти стершаяся подпись: "К.Горбун(ов)".

Портрет юноши-Тургенева — одна из первых серьезных работ Горбунова, и тем не менее эта акварель едва ли не лучшее изображение писателя.

"Знавшие и видевшие Тургенева в его юности всегда свидетельствовали о чрезвычайном сходстве портрета; сама акварель весьма хорошей работы и сохраняет до сих пор всю свежесть своей краски, несмотря на то, что оригинал долгое время, по-видимому, оставался без стекла" ¹²).

Правда, сам Тургенев весьма скептически относился к таланту К.Горбунова, как можно судить по его письму Д.В.Григоровичу от 21 августа (2 сентября) 1882 г.:

"Любезнейший Дмитрий Васильевич, спасибо за письмо и за присланную фотографию с портрета некоего юности - которым я был чуть не 40 лет тому назад - ибо этот портрет, сколько я помню, был написан Горбуновым (довольно скверно, как все портреты этого художника) в 1843-м году, когда мне было 25 лет. Сходство, точно, еще есть. Воспоминания о молодости имеют для меня некоторый горький "*arrière-goût*"; мне все кажется, что я ею плохо воспользовался... а может быть, это мне только кажется - и я именно был так создан, чтобы не уметь воспользоваться ею" ¹³).

Вероятнее всего, речь идет о рисунке К.Горбунова 1846 г. (ГТГ). К сожалению, письмо Григоровича и посланная им фотография до нас не дошли.

Время, проведенное за границей, сам Тургенев оценивает как переворот, начало развития своей души. Там он узнал Станкевича, которому считал себя обязанным своим возрождением; там же его связала страстная дружба с Михаилом Бакуниним, продолжавшаяся и после их возвращения в Россию.

"У меня на заглавном листе моей энциклопедии написано: "Станкевич скончался 21-го июня 1840г.", а ниже: "я познакомился

с Бакуниным 20 июля 1840 г." Изю всей моей прежней жизни я не хочу вынести других воспоминаний" (14).

В ту пору Тургенев весь погружен в романтическую стихию и все его чувства и поведение несут на себе печать философской отвлеченности и восторженного идеализма.

В октябре 1841 г. Тургенев сближается с семьей Бакуниных, проведя несколько дней в их имении Премухино.

Вернувшись из Премухина в Москву 16 (28) октября, он знакомится здесь с младшими братьями Михаила — Александром и Алексеем (оба они учились тогда в Московском университете на юридическом факультете), и Алексей спешит поделиться с сестрами своей радостью: "Вот, девочки, встал спозаранку, да и пишу вам. Тургенев в Москве, — чудный человек! Если бы вы знали, как я рад, что он в Москве. Рассказывал он нам, как вы с ним в Премухине жили. Говорит, что просто чудо, как эти шесть дней пролетели, т.е., прибавил, каждый миг из этих шести дней заключал в себе целую вечность".

Письма Алексея Бакунина, которого Тургенев "полюбил от души", полны восторгов по его адресу: "Тургенев чудный человек, каких я до сих пор не встречал"; "никогда не видал человека открытее, прямее Тургенева"; "Тургенев, как греческий огонь, который и в воде нигде не гаснет, где ни пройдет — везде зажжет"; "он чудный, живой, одухотворяющий человек. В его присутствии все способности духа согреваются живым огнем и вытягивают и схватывают все жадно". "Как он рассказывает, чудо! Будто сам все вместе делаешь и живешь с ним".

Оба брата, Александр и Алексей, с которыми Тургенев часто виделся в Москве, были художественно-одаренными натурами:

Алексей был наделен незаурядными музыкальными способностями, а Александр увлекался живописью. Рассказывая о том, как замечательно они вместе с Тургеневым проводят время, Алексей добавляет в конце письма: "А какие карикатуры он с Александром взапуски рисует! Я собирав все лучшие, потом покажу вам. Вы не нальбуетесь!"¹⁵⁾

Свидетельство Алексея позволяет с большой долей вероятности предположить, что шуточный набросок, сделанный 6 ноября 1841 г. и подписанный "А.Бакунин" - портрет 23-летнего Тургенева-"философа" в халате и в ночном колпаке, склонившегося над рукописью¹⁶⁾, принадлежит Александру Бакунину.

Этот иронический рисунок прекрасно характеризует установившиеся между друзьями шутивно-подтрунивающие отношения. Под-

тверждают это и строки из письма Тургенева к Алексею и Александру Бакунины: "... вчера съел за один присест Декарта, Спинозу и Лейбница; Лейбниц у меня еще бурчит в желудке - а я себе на здоровье скушал Канта - и принялся за Фихте: но этот человек несколько черств, и потому я для отдыха - пишу к вам письмо"¹⁷).

Тот же шуточный тон звучит и в посвященных Алексею Бакунину "Похождениях подпоручика Бубнова" (1842), явившихся своеобразной пародией на их философские разговоры. Насмешливо-проницателен и сам текст посвящения:

"Алексей Александровичу Бакунину, потомку Баториев, ныне недоучившемуся студенту, будущему министру и андреевскому кавалеру в знак уважения и преданности сей посильный труд, плод глубоких размышлений с некоторым родом подобострастия посвящает сочинитель".

Как это нередко случается, любительский рисунок оказывается живее, выразительнее и интереснее профессиональных портретов: фиксируя определенный момент в жизни человека, он тянет за собой длинную цепь ассоциаций.

Судя по рисунку, Тургенева занимали тогда не только философские, но и социально-экономические вопросы. На рукописи, над которой он склонился, обозначен заголовок: "О размежевании земли в селе Турге (нево)". Это название выбрано не случайно, оно находится в прямой связи с запиской Тургенева "Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине", датированной 23-25 декабря 1842 г. и написанной им, когда он служил в канцелярии министра внутренних дел под началом у В.И.Даля. Тургенев тогда искренно верил в бескорыстное желание правительства облегчить положение крестьян. В его "Замечаниях" сказалось вли-

ние прогрессивных деятелей 30-х гг., и в частности М.Бакунина. Как на первый шаг к "возвращению разумного хозяйства в России" Тургенев указывает именно на размежевание земель.

Карандашный портрет А.Бакунина свидетельствует о том, что высказанные в "Замечаниях" мысли волновали Тургенева значительно раньше, еще за год до написания статьи.

От этого наброска Александра Бакунина протягиваются нити к дальнейшей судьбе его брата Алексея. То, что было предметом их разговоров с Тургеневым, через 20 лет привело к драматическим последствиям и вновь свело писателя с товарищем юности, но уже при крайне печальных обстоятельствах: в 1862 г. за критические суждения о крестьянской реформе и участие в выступлении группы тверских дворян с рекомендациями коренных преобразований государственного строя Алексей Бакунин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где его посетил Тургенев. **Они обсуждали** семейные и имущественные дела Михаила Бакунина, находящегося в Лондоне после побега из Сибири.

Рисунок отражает важный момент не только в интеллектуальном самоопределении Тургенева, но воскрешает лирическую страницу в его жизни - служит напоминанием о "премухинском романе".

Родовое имение Бакуниных Премухино занимало особое место в истории русской культуры. Большая семья Бакуниных (четыре дочери и шесть сыновей) почиталась всеми образованными русскими людьми "идеалом семейства", где царила возвышенная философско-романтическая атмосфера, привлекавшая к себе своей духовностью лучших представителей тогдашней интеллигенции.

Необычайную притягательность премухинскому миру придавали сестры Бакунины, внушившие чувство почти молитвенного поклонения и влюбленности таким людям, как Белинский, Станкевич, Бот-

кин.

Не избежал и Тургенев участи своих друзей, влюбившись в одну из сестер — Татьяну и вызвав у нее страстное ответное чувство.

"Премухинский роман" Тургенева, во многом головной, "философский", кончился неудачно, обманув ожидания Татьяны Бакуниной, пережившей жестокое разочарование, когда она убедилась, что "любви истинной в нем не было, что все это было не более как фантазия разгоряченного воображения"¹⁸).

Из прощального письма Тургенева к Татьяне Бакуниной, написанного в приподнято-лирическом тоне, отчетливо вырисовывается романтический образ молодого поэта:

"Послушайте — клянусь Вам богом: я говорю истину — я говорю, что думаю, что знаю: я никогда ни одной женщины не любил более Вас — хотя не люблю и Вас полной и прочной любовью... я оттого с Вами не мог быть веселым и разговорчивым, как с другими, потому, что я любил Вас больше других; я так — зато — всегда уверен, что Вы, Вы одна меня поймете: для Вас одних я хотел бы быть поэтом, для Вас, с которой моя душа каким-то невыразимо чудным образом связана, так что мне почти Вас не нужно видеть, что я не чувствую нужды с Вами говорить — оттого что не могу говорить, как бы хотелось — и, несмотря на это — никогда, в часы творчества и блаженства уединенного и глубокого, Вы меня не покидаете; Вам я читаю, что выльется из-под пера моего — Вам, моя прекрасная сестра..."¹⁹)

Итак, небольшой карандашный набросок помогает воссоздать целую эпоху в жизни Тургенева (и какую значительную!), как бы фокусируя в себе важнейшие события его молодости: дружба с Бакуниными, увлечение немецкой философией, общественно-политичес-

кие интересы, наконец, первое любовное разочарование, — все то, что оставило глубокий след в творчестве писателя (стихи, посвященные Татьяне Бакуниной и свидетельствующие об истинности его чувства при всей его неполноте и ущербности; страницы повестей и романа "Рудин", навеянные воспоминаниями и размышлениями о той поре, горькими и отрадными одновременно). Эта эпоха будет безжалостно осмеяна Тургеневым позднее, когда он вырвется из-под власти романтических увлечений и не пощадит былых верований и порывов; однако же, она никогда полностью не утратит ни для него, ни для его читателей своей притягательности.

В начале 1840-х гг. Тургенев мечтает вовсе не о литературной деятельности. У него, по собственному признанию, бродили планы сделаться педагогом, профессором, ученым... Наступает 1843 год, когда произошло событие, совершенно перевернувшее его жизнь: в печати появилась небольшая поэма "Параша", удостоившаяся высокой похвалы Белинского. Этой поэмой Тургенев вступил на литературное поприще.

К 1843—44 гг. принадлежит интересный и необычный портрет Тургенева, писанный маслом, работы Лами²⁰). О портрете до нас не дошло никаких сведений и он нигде не упоминается. Есть несколько иностранных живописцев с именем Lami. Предполагалось, что это может быть известный французский художник Эжен-Луи Лами, бывавший в России, но и его авторство весьма проблематично. Ясно лишь одно: так как портрет писался с натуры, если верить надписи на обороте, он мог быть сделан только в России, ибо в 1843—44 гг. Тургенев за границу не выезжал.

Внешность писателя здесь столь неожиданна и непривычна, что мы и не узнали бы его в этом гладко выбритом молодом человеке, в очках, с модной тогда "листовской" прической. В лице

самоуверенность, надменная презрительность, сознание своего превосходства, умный и пристальный взгляд, несвойственное энергическое выражение.

Тем не менее портрет, судя по воспоминаниям о молодом Тургеневе, вполне отвечает его внутреннему облику и оправдывает разноречивые и часто отнюдь не благоприятные суждения о нем.

Достоевский, будущий его антагонист, впервые увидев Тургенева, "едва не влюбился в него": "Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован, 25 лет — я не знаю, в чем природа отказала ему? Наконец: характер неистощимо прямой, прекрасный, выработанный в доброй школе"²¹).

Но этот восторженный отзыв тонет в море совершенно противоположных мнений. Тургенев далеко не сразу приобрел то неотразимое обаяние и высочайшие нравственные качества, которые заставляли окружающих с таким восхищением вспоминать о нем. По словам П.В. Анненкова, Тургенев "вырабатывал себе нравственный характер с чрезвычайным трудом. Он явился из Парижа такой амальгамой любезнейших качеств души и ума с ребяческими пороками — лжи, кокетничанья собою и вранья при всяком случае, что не давал возможности остановиться на себе с определенным чувством и определенным суждением".

Однако Анненков не выступает суровым судьей в отличие от большинства тогдашних знакомых Тургенева, а мудро пытается отыскать глубоко скрытые причины его поведения в самом характере творческого дарования и направлении творческих сил:

"Богато наделенный природою даром фантазии, воображения, вымысла, он по молодости лет не умел с ними справиться и позволил им сделаться своими врагами, вместо того чтобы держать их в качестве своих слуг. Едва возникали в течение разговора пред-

ставление или образ, как можно было видеть Тургенева, предъ-
являющего на них права хозяина, овладевающего ими, становящегося
в центре рассказа и притягивающего все его нити к самому се-
бе..."

Шокировавшие окружающих особенности Тургенева — полная
внутренняя неустановленность, метания из стороны в сторону в
своих вкусах и симпатиях, в выборе дороги, в личных отноше-
ниях — Анненков выводит из одного источника: он объясняет это
неспособностью молодого Тургенева останавливаться долго на од-
ном решении и на одном чувстве — из опасения замешкаться и
упустить быстротекущую жизнь.

"Он постоянно рвался к разным центрам, где она наибо-
лее кипит, и старался каждой занять возможно большее количество
характеров и типов, ею порождаемых... Все эти стремления ско-
ро улеглись под влиянием столько же годов, сколько и труда над
самим собой, особенно под отрезвляющим влиянием сознанного им
наконец литературного своего призвания.

Двойной анализ — эстетический и моральный, какому стал он
рано подвергать самого себя, под конец переработал всю его нрав-
ственную физиономию, потушив суету пустых исканий, погоню за
напускными чувствами и волнениями, необходимыми для эфемерных
триумфов" ²²).

1843 год оказался решающим для Тургенева не только в твор-
ческом отношении. В конце года он познакомился со знаменитой
французской певицей Полиной Виардо, приехавшей на гастроли в
Петербург. 1 ноября 1843г. — день их знакомства — Тургенев запо-
нил навсегда. Эта встреча определила личную судьбу писателя,
явившись для него одновременно источником радости и невыразимых
душевных мук. Все сосредоточилось для Тургенева в Полине Виардо:

и женское очарование, и ярчайшая личность, и культура, и, главное, — гениальное дарование, к которому он был столь чувствителен и перед которым благоговел до конца жизни.

До 1850 г. Тургенев очень часто виделся с Полиной Виардо то в Петербурге, то за границей, где он большую часть времени проводил возле ее семьи. Следующие 6 лет (1850—1856) он безвыездно живет в России.

Как не похожи фотографии писателя 1850-х гг. на упоминавшийся портрет 25-летнего Тургенева, с которого он так самонадеянно и безбоязненно взирает на мир! Перед нами теперь словно другой человек. Особенно удачна и характерна фотография А. Бергнера 1856 г. На лице Тургенева печать безрадостных тяжелых раздумий. Нависшие брови придают ему выражение печальной суровости.

Что же могло так повлиять на мироощущение Тургенева и совершенно преобразить его облик?

За эти годы в его жизни произошло много событий и перемен. Окончательно сформировался талант: Тургенев уже автор "Записок охотника", за которые он был сослан в Спасское; в это время созданы все его пьесы, написаны многие повести и рассказы, составившие первое трехтомное собрание (1856), куда вошел и роман "Рудин". Писатель самым деятельным образом участвует в бурной литературной жизни, в жарких литературных спорах и схватках, заводит все новые и новые знакомства.

Предпринимает Тургенев и последние попытки "свить себе покойное гнездо" в России. Но все его лирические порывы кончались, "как кончаются минутные вспышки, капризы и причуды, на которые он разменял свирепое одушевление истинной страсти, то есть мирным разрывом и поэтическим воспоминанием о прожитом

времени" (П.В. Анненков)²³).

Тургенев переживал эпоху перелома, жизненного поворота, в чем он с такой горечью признавался в письме к М.Н. Толстой:

"Когда вы меня знали, я еще мечтал о счастье, не хотел расстаться с надеждой; теперь я окончательно махнул на всё это рукой. Всё затихло, неровности исчезли — внутренние упреки умолкли — к чему вздувать пепел? Огня все-таки не добудешь... "Фауст" был написан на переломе, на повороте жизни — вся душа вспыхнула последним огнем воспоминаний, надежд, молодости... Это не повторится"²⁴).

Именно в 50-е годы у Тургенева вырабатывается фаталистический взгляд на мир, в чем немалую роль сыграли и личные переживания: отношения с Полиной Виардо уже успели наложить свой драматический отпечаток на его умонастроение. Тургенев настойчиво возвращается к мысли, не оставлявшей его до могилы, о "тайной игре судьбы", о предопределенности жизненного пути.

Однако немногие замечали меланхолический оттенок в настроении Тургенева, лишь самые чуткие его друзья способны были уловить сокровенные его переживания. Тургенев был светским человеком, душой общества, всегда ласково-добродушен, весел и очаровательно остроумен. В обществе он невольно обращает на себя внимание не только способностью завладеть разговором, но и всем своим необыкновенным внешним обликом:

"Росту он был почти огромного, широкоплечий; глаза глубокие, задумчивые, темносерые... улыбка оборожительная... Руки как следует красивые, "*des mains soignées*", большие мужские руки". (К. Леонтьев)²⁵).

К этому времени Тургенев уже успел "привести нравственную природу свою в такое соответствие с благородством писательских

своих помыслов и творчества вообще, что они составили вместе один образ, возбуждавший умиление и привязанность образованного мира". (П.В.Анненков)²⁶).

В июне 1856 г. – в год ~~появления~~ романа "Рудин" – после шестилетнего перерыва начинаются частые стлочки Тургенева за границу.

Получив заграничный паспорт и готовясь к путешествию, Тургенев был полон разноречивых чувств. Его одолевают сомнения и тревога.

Позволение ехать за границу радует писателя и в то же время ему кажется, что лучше было бы для него не ехать: "В мои годы уехать за границу – значит: определить себя окончательно на цыганскую жизнь и бросить все помышленья о семейной жизни. Что делать! Видно такова моя судьба"²⁷).

Предчувствия оправдались – в Париже его ждало тяжелое испытание: в отношениях Тургенева с Полиной Виардо наступает кризис, свергнувший его в состояние отчаяния и безнадежности.

"Человек, к сожалению, так устроен, что даже ясное понимание того, что он делает или намерен делать – не мешает ему беспрестанно делать самые непростительные ошибки; ему надобно непременно разбить себе голову об стену, хоть он очень хорошо и прежде знал, что стена каменная и тверже его головы. Я знал перед моей поездкой за границу, перед этой поездкой, которая так была для меня несчастлива – что мне было бы лучше оставаться дома... и я все-таки поехал. Дело в том, что судьба нас всегда наказывает и так, и немножко не так, как мы ожидали, и это "немножко" нам служит настоящим уроком"²⁸).

Подавленное настроение отражается на работе: писатель производит безжалостную переоценку своего творчества и дает

себе уничтожающую характеристику:

"Третьего дня я не смею (потому, что боялся впасть в подражание Гоголю), но изорвал и бросил в *watercloset* все мои начинания, планы и т.д. Всё это вздор. Таланта с особенной физиономией и целостностью - у меня нет, были поэтические струнки - да они прозвучали и отзвучали - повторяться не хочется - в отставку! Это не вспышка досады, поверь мне - это выражение или плод медленно созревших убеждений"²⁹).

Теперь Тургенев рвется из Парижа, где ему пришлось столько пережить, мечтая вернуться в Россию. Но вынужден был, по настоянию врачей, поехать лечиться в маленький немецкий курорт Зинциг в трех верстах от Рейна.

"Я живу здесь... в уединенной доме, подле источника. Перед окнами широкая долина, покрытая всякого рода хлебом, фруктовыми деревьями, - а на небосклоне - зубчатая линия гор, лежащих на правом берегу Рейна... Я вижу здесь с одним русским офицером, вышедшим в отставку, чтобы сделаться живописцем. У него, кажется, талант есть. Он сделал мой портрет, схожий.³⁰ Зовут его Никитин"³¹).

Аркадий Павлович Никитин (бывший поручик Великолуцкого пехотного полка, ученик Академии художеств), получивший в 1854 г. звание художника портретной акварельной живописи, в течение 5 лет находился за границей в качестве пенсионера Академии художеств.

Тургенев познакомился с Никитиным в 20-х числах июня, о чем он пишет Анненкову 27 июня (9 июля) 1857 г.: "...здесь почти никого нет, и я могу предаваться полнейшему уединению и, по возможности, работать (чего я уже не делал более года). Впрочем, так как русские проникают повсюду, то и здесь отыскал-

ся русский, впрочем очень хороший малый, некто Никитин, офицер, покинувший свою карьеру для того, чтобы сделаться живописцем (сдается, талант у него есть). Он очень болен и едва ли выздоровеет" ³²).

Портрет, написанный, как можно заключить по письмам Тургенева, в конце июня - начале июля 1857 г., видимо, дорабатывался художником в Риме, куда Тургенев выехал в октябре 1857 г., и где пробыл до февраля 1858 г., так как на портрете внизу есть карандашная надпись: "Рим 50 (<..>) 185(<8>)г."

Последнее упоминание Тургенева о Никитине относится к 1866 г.: "Я помню Никитина в Риме (я перед этим встретил его на берегах Рейна). Поклонитесь ему от меня и благодарите за память; ну, а что до искусства, то, я думаю - он, как деревья, перешел уже период растения" ³³).

Портрет писателя работы Никитина производит двойственное впечатление. На первый взгляд лицо кажется оживленным, добродушным. Вглядевшись же, начинаешь улавливать нечто совершенно другое: в выражении губ видишь горечь, в глазах - затаенную боль и взгляд оказывается обращенным не на нас, а глубоко внутрь себя.

Этот контраст между внешней оживленностью и внутренней печалью - контраст столь характерный для Тургенева и тонко замеченный художником, и создает такой необычайный эффект.

В Зинциге Тургенев начал свою повесть "Ася", в которой, между прочим, нашло отражение и знакомство автора с художником А.Никитиным. Брат Аси, Рагин, как и Никитин, оставил службу ради занятий живописью и пишет этюды в окрестностях Зинцига, сетуя на то, что он упустил так много времени.

Никогда Тургенев столько не путешествовал, как в 1857 г.

Начиная с мая месяца он, словно пытаясь убежать от самого себя, переезжает из города в город: Лондон, Париж, Берлин, Зинциг, Баден-Баден, Булонь, Париж, Марсель, Генуя, Рим, Неаполь, Флоренция, Вена, Дрезден, Лейпциг, Париж, Лондон.

Поездка в Италию оказалась особенно благотворной: величественная и удивительная красота природы и искусства пролила бальзам на его раны и принесла некоторое облегчение. Однако приступы острой и мрачной тоски не оставляют Тургенева. В письмах звучат то жалобы и упреки, то примирение с судьбой. Всё чаще повторяется мотив: "Нет счастья вне семьи - и вне родины; каждый сиди на своем гнезде и пускай корни в родную землю. Что лепиться к краешку чужого гнезда?"³⁴⁾

Внутренний перелом и поиски новых основ для личного существования совершаются в Тургеневе долго и болезненно. Весь конец 1850-х годов - это прощание с прошлым, со своей молодостью, жажда покоя и сознательное стремление подавить в себе малейшую надежду.

"Говорят: человек несколько раз умирает перед своей смертью... Я знаю, что во мне умерло; для чего же стоять и глядеть на закрытый гроб? Не чувство во мне умерло; нет... но возможность его осуществления. Я гляжу на с в о е счастье - как я гляжу на с в о ю молодость, на молодость и счастье другого; я здесь - а всё это там; и между этим з д е с ь и этим т а м ³⁵⁾ - бездна, которую не наполнит ничто и никогда в целую вечность!"

В другом письме Тургенев со спокойной безнадежностью проносит себе окончательный приговор:

"... на днях-мое сердце умерло... Прошедшее отделилось от меня окончательно, но расставшись с ним, я увидел, что у меня ничего не осталось, что вся моя жизнь отделилась вместе с ним.

- Тяжело мне было - но я скоро окаменею; и я чувствую теперь, что так жить еще можно. Вот если бы слова всадродилась малейшая надежда возврата - она потрясла бы меня до основания. Я уже прежде испытал этот лед бесчувствия, под которым таится немое горе... дайте окрепнуть этой коре - и горе под ней исчезнет"³⁶).

Конец 1850-х - начало 1860-х гг. было временем самым скорбным, но и самым плодотворным для писателя. Вслед за "Рудыным" появляются в свет романы "Накануне", "Дворянское гнездо", написаны "Отцы и дети", созданы повести "Ася" и "Первая любовь".

Правда, и творческая жизнь Тургенева была омрачена в 1860-1861 гг. резким разрывом с "Современником", всплкнувшей бурной полемикой вокруг "Накануне" - полемикой, которая с того времени стала неизменно сопутствовать появлению его романов; спорами и разрывом отношений с Некрасовым, Гончаровым и Львом Толстым.

К концу 1861 г. тяжелая пора - пора кризиса, полная трагических душевных перипетий, наконец миновала: отношения Тургенева с Полиной Вярдо вошли в новое, спокойное, дружеское русло. Его любовь находит выход в ~~самострежении~~ самостречении, отказе от всяких эгоистических претензий. Наступает равновесие, и Тургенев обретает тихую пристань, войдя в семью Вярдо и чувствуя себя как бы ее членом.

На фотографиях 1860-х гг. перед нами человек, примирившийся с судьбой и окончательно определивший свою жизнь и личную, и творческую - именно теперь Тургенев приходит к выводу, что он ничем не может быть, как только литератором.

Фотографии Лавицкого, Тиссье, Шпаковского, Тулинова изображают Тургенева во весь рост и дают представление о его внушительной, величественной фигуре.

"Головой и ростом он напоминал нам Петра Великого..., хотя он и не имел ничего общего с полудикой и необузданной натурой великого преобразователя России. Эти массивная голова и тело вмещали в себе утонченный ум, добрую и мягкую гуманную душу. Это был человек, не сделавший никому ни малейшего вреда, кроме разве животных, убитых им на охоте..."³⁷⁾

Один из самых удачных снимков этих лет — фотография Денъера конца 1850-х гг.

"Голова его была поистине прекрасна и хоть черты лица не отличались правильностью, оно обладало большой оригинальной красотой. У него была чисто русская физиономия с чрезвычайно мягким выражением и в его глазах — самые добрые глаза в мире — светилась глубокая печаль"³⁸⁾.

Последние 20 лет Тургенев прожил в основном за границей, лишь время от времени навещая в России и всюду следуя за семьей Виардо: в 60-е гг. — в Бадене, в 70-е и до конца — в Париже и Букиваже.

Находясь в Париже, Тургенев продолжал, однако, как и прежде всего интересами России, став своеобразным центром притяжения всех русских, приезжавших за границу, и оказывая им моральную и материальную поддержку; недаром его называли "послом от русской интеллигенции".

Тургенев принимал самое близкое участие в судьбе русских художников в Париже, где к 1870-м гг. как собралась целая группа. Некоторые жили здесь подолгу, другие часто приезжали. А.П.Боголюбов, В.В.Верещагин, М.М.Антокольский, Н.Д.Дмитриев-Оренбургский, А.А.Харламов, Б.Е.Резин, К.А.Савицкий, В.Д.Поленов, В.В.Маяк и др. — со всеми Тургенев был так или иначе связан: одни писали его портреты, другие с ним помогали, со многими

переписывался.

Тургенев не только оказывал личную помощь русским художникам, но и стал одним из главных инициаторов и организаторов "Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже"³⁹).

В 1875 г. в Париж приехал художник Н.Д.Дмитриев-Оренбургский⁴⁰), который вскоре вошел в кружок, группировавшийся вокруг А.П.Боголюбова, и стал постоянным участником праздников, вечеров и утренников, организуемых кружком.

Дмитриеву-Оренбургскому принадлежит рисунок (сепия) "Встреча нового года русскими художниками у А.П.Боголюбова в Париже". 1875. (Музей им. А.Н.Радищева, Саратов); среди присутствующих

изображен и Тургенев.

Интерес к творчеству Тургенева возник у художника еще в 1860-е гг., когда они не были знакомы. Дмитриев-Оренбургский — один из немногих современных Тургеневу иллюстраторов его произведений. К сожалению, подлинники его иллюстраций (к рассказам "Свидание", "Певцы" и роману "Накануне") не сохранились и до нас дошли только сделанные с них гравюры на стали.

В 1879 г. Дмитриев-Оренбургский делает портрет Тургенева на охоте (ИРЛИ), являющийся этюдом к картине "Охота, устроенная великому князю Николаю Николаевичу бароном Ури Гинцбургом в Шамбодуэне в 1879 г." (местонахождение картины неизвестно).

Впервые русская публика познакомилась с портретом в 1883 г.: он послужил своеобразной иллюстрацией к стереотипному изданию "Записок охотника" (Спб., 1883).

Таким образом, до нас дошел единственный портрет Тургенева работы Дмитрия-Оренбургского (если не считать изображения писателя среди участников праздника у Боголюбова).

Тем больший интерес представляет хранящийся в нашем музее небольшой карандашный рисунок этого художника⁴¹).

Портрет сразу удивляет своей необычностью. С одной стороны, вы, не задумываясь, узнаете в изображенном Тургенева. В то же время такого выражения лица вы не найдете на других портретах. Тургенев изображен в профиль с опущенными веками и капризно-брезгливым выражением губ. Художник, видимо, не столько стремился к точной передаче внешних черт, сколько пытался запечатлеть то неуловимое, но характерное, что ускользало почти от всех, кто писал Тургенева: его эстетизм и породу, которая ощущается и в осанке, и в посадке головы, и в этом надменно опущенном взгляде.

По свидетельству современников, на портретах Тургенев "выходит груб, мужиковат, прост". Это менее всего ему было свойственно. "На чертах лица видна, в голосе слышна порода — это прежде всего бросается в глаза" (Д.Н.Садсвников); "профиль немного груб и резок, но резок барски и прекрасно" (К.Леонтьев).

Зарисовка Дмитриева-Оренбургского — одно из немногих изображений, которое соответствует приведенному описанию.

В Париже с Тургеневым познакомился и художник Э.К.Липгарт, живописец-декоратор и портретист, академик живописи, автор интересных воспоминаний о писателе, с которым он встречался в 1875—1883 гг.

Впервые художник увидел Тургенева в 1875 г. на выставке акварелей. Это был, рассказывает Липгарт, "высокий и крепкий старик со львиной головой, обремененной густой белой гривой, с небольшой, по-европейски подстриженной бородой; густые брови затеняли его запавшие грустные глаза... Его лица ни на минуту не покидало почти мрачное выражение".

Встретившись с Тургеневым немного позже, Липгарт увидел словно другого человека:

"...брови поднялись до середины лба, открыл большие голубые глаза, светящиеся добротой, оживлением, весельем: дело в том, что Тургенев беседовал с хорошенькими женщинами, наделенными живым и тонким умом; это было настоящее скрепление оружия, о веселом брицании которого я до сих пор храню чарующее воспоминание".

Особенно поразили художника подвижные брови Тургенева, "которые внезапно придавали лицу выражение то хмурое, то веселое".

Липгарт навещал Тургенева и незадолго до смерти, уже больного, в Букиваме летом 1882 г.: "Бедный Иван Сергеевич сидел в кресле на балконе, откуда открывался вид на Сену. Было бесконечно грустно и трогательно видеть его уже еле говорящим, но таким признательным за то, что пришли его проведать...

В последний раз я видел этого бедного, нежно любимого мною великого человека на смертном одре. Он был прекрасен как бог, величественный в своем покое"⁴²).

Липгарт сделал несколько портретов писателя: рисунок 1882 г. (картон, тушь, перо. ИРЛИ), рисунок пером 1883 г., подаренные художником А.П.Боголюбову в основанный им музей им. А.Н.Радищева в Саратове, и изображение Тургенева на смертном одре (ИРЛИ).

В Литературном музее есть еще один тургеньевский портрет работы Липгарта. Это небольшой карандашный рисунок, изображающий Тургенева в профиль⁴³). Он относится, по-видимому, к тому же времени, что и два упомянутых, т.е. к 1880-м гг. У писателя здесь усталый и удрученный вид.

"Тургенева помню стариком, — рассказывает Т.Л.Сухотина-Толстая. — Большое лицо его было окаймлено густыми белыми кудрями, глаза его глядели добро и ласково. Но в выражении их чувствовалось утомление, и он казался старше своих лет. Когда ничего его не воодушевляло, огромная фигура его горбилась, глаза потухали и смотрели безучастно. Этот контраст между его веселым характером, живыми манерами, блестящим разговором и внутренней грустью, которая иногда проскальзывала в его речах и часто сквозила во взгляде и выражении глаз, был самой характерной его чертой"⁴⁴).

Примечания

- 1) Людвиг Пич. Из "Воспоминаний" - И.С.Тургенев в воспоминаниях современников. В 2-х тт., М., 1969, т.2, с.259.
- 2) Д.В.Григорович. Литературные воспоминания. - Памятники литературного быта. Литературные воспоминания Д.В.Григоровича и П.М.Ковалевского. " ", Л., 1928, с.436
- 3) П.П.Гнедич. Портреты Тургенева. - "Новое время", 1883, № 2692, 27 августа.
- 4) Г.Джеймс. Иван Тургенев.(Из воспоминаний). - И.С.Тургенев в воспоминаниях современников. т.2, с.336.
- 5) Бумага, акварель, карандаш. Овал. 14,5x11,2 (изображение), 16x12,9 (лист) № КП 3662. Справа внизу по овалу: "1830.6.Де: У.К.Римх." На картонном заднике, отъединенном от портрета во время реставрации, автограф (?) чернилами: "Ив.Тургеневъ". Сравнение портрета с изображением братьев Николая и Ивана Тургеневых в 1824 г. (И.Тургенев справа. Париж, Национальная библиотека) опровергает предположение Н.М.Чернова, что на нашей акварели 1830г. изображен не 12-летний И.С.Тургенев, а его 14-летний брат Николай. Безусловное же сходство горбуновского портрета 1838г. с детскими портретами уничтожает всякие сомнения относительно акварели 1830г.
- 6) Бумага, карандаш, акварель, белила. Овал. 17,3x13,6 № Кп 6360 Справа внизу по овалу почти стертая карандашная подпись: "К.Горбун(ов)". На обороте справа чернилами: "И.С.Тургеневъ. Берлинъ. - 1838/39 г.", - эта надпись не точна, так как Тургенев послал портрет Варваре Петровне, еще не добравшись до Берлина, примерно между 22-28 мая (3-9 июня) 1838г., что можно предположить по письму Варвары Петровны Тургеневу от 30 июля (11 августа) 1838 г.: см. Е.М.Хмелевская. Утраченные письма И.С.Тургенева (1838-1856). - Тургеневский сборник. Вып. I, М.-Л., "Наука", 1964, с.345.
- 7) М.Ерусалимчик. Юношеский портрет И.С.Тургенева. - "Художник", 1968, №II, с.44-45. См. также: Описание материалов Пушкинского дома. Вып. IУ, И.С.Тургенев. М.-Л., 1958, с.100-101.

- 8) М.М.Стасюлевич. Дноешский портрет Тургенева. "Вестник Европы", 1884, кн. I, с. 6-7. - Описание материалов Пушкинского дома, с. 100.
- 9) П.В. Анненков - М.М.Стасюлевичу. Дрезден, 10 января н.с., 1884. - Там же, с. 100.
- 10) Тургеневский сборник. Вып. I, М.-Л., 1964, с. 345.
- 11) В.П. Тургенева - И.С. Тургеневу 30 ноября (12 декабря) 1838. - Описание материалов Пушкинского дома, с. 100.
- 12) Там же.
- 13) И.С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 28 тт., М.-Л., 1960-1968. Письма, т. XIII(2), с. II.
- 14) И.С. Тургенев - М.А. Бакунину и А.П. Ефремову 28 августа (9 сентября) 1840. Маршенбад. - Письма, т. I, с. 197.
- 15) А.А. Корнилов. Годы странствий Михаила Бакунина. ГИЗ, Л.-М., 1925, с. 75, 76, 77.
- 16) Бумага, карандаш. 16x14, 2. - № Кп 3663. Внизу слева карандашом: "1841. 6-го ноября", справа: "Рисов. А. Бакунин", ниже в скобках печатными буквами: "(Бакунин)", внизу: "Иванъ Тургеневъ".
- 17) И.С. Тургенев - Алексею и Александру Бакуниным 3 (15) апреля 1842. Петербург. - Письма, т. I, с. 222.
- 18) А.Островский. Тургенев в записях современников. Л., 1929, с. 48.
- 19) И.С. Тургенев - Т.А. Бакуниной 20 марта (ст. ст.) 1842. Москва. - Письма, т. I, с. 220-221.
- 20) Холст, масло. 61, 5x48, 5 - № Кп 3789. Слева внизу надпись: "v. Lami": 1844". На обороте холста чернилами: "1843г. января 6;". На подрамнике карандашом: "Подарен мне фон Баумгартеном, снят с натуры и находился у родственников Мих. Юрьевича". Обе надписи утрачены при реставрации.
- 21) Ф.М. Достоевский - М.М. Достоевскому 16 ноября 1845.
- 22) П.В. Анненков. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 548, 381, 335, 339.
- 23) П.В. Анненков. - Там же, с. 391.
- 24) И.С. Тургенев - М.Н. Толстой 25 декабря 1856 (6 января 1857). Париж. - Письма, т. III, с. 65.
- 25) К. Леонтьев. Тургенев в Москве. - А.Островский. Тургенев в записях современников., с. 95.

- 26) П.В.Анненков. Литературные воспоминания, с.378.
- 27) И.С.Тургенев - Е.Е.Ламберт 10 (22) июня 1856г., Спасское.
- Письма, т.II, с.364.
- 28) И.С.Тургенев - Е.Е.Ламберт 22 декабря 1857 (3 января 1858).
Рим. - Письма, т.III, с.178.
- 29) И.С.Тургенев - В.П.Боткину 17 февраля (1 марта) 1857.
Париж. - Письма, т.III, с.91-92.
- 30) Бумага, акварель. 4I, 2x32,8 - № Кп 5312. Справа, у руки,
надпись карандашом: "Ар.Никитинъ Римъ 30 <...> 185<8>"
(правый край листа с частью надписи обрезан).
- 31) И.С.Тургенев - М.Н.Толстой 4 (16) июля 1857. Зинциг.
- Письма, т.III, с.129.
- 32) И.С.Тургенев - П.В.Анненкову 27 июня (9 июля) 1857.
Зинциг. - Письма, т.III, с.122-123.
- 33) И.С.Тургенев - М.В.Авдееву 6 (18) февраля 1866.
Баден-Баден. - Письма, т.VI, с.49.
- 34) И.С.Тургенев - М.А.Маркович 10 (22) июля 1859.
- Письма, т.III, с.320.
- 35) И.С.Тургенев - Е.Е.Ламберт. Середина июля (ст.ст.) 1859.
- Письма, т.IV, с.321.
- 36) И.С.Тургенев - Е.Е.Ламберт 28 ноября (10 декабря) 1860.
- Письма, т.IV, с.166.
- 37) Людвиг Шич. Из "Воспоминаний". - И.С.Тургенев в воспоминаниях современников, т.2, с.260.
- 38) Г.Джеймс. Иван Тургенев. (Из воспоминаний). - Там же,
т.2, с.337.
- 39) Л.И.Кузьмина. Посол от русской интеллигенции. К организации "Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже". - Тургеневский сборник. Вып. IY, Л., "Наука", 1968, с.275.
- 40) Л.И.Кузьмина. Тургенев и художник Н.Д.Дмитриев-Оренбургский. - Тургеневский сборник. Вып. III. Л., "Наука", 1967, с.264.
- 41) Бумага, карандаш. Восьмигранник. 17x17 - № Кп 2179.
Справа внизу подпись: "Н.Д.Оренб."
Указан в Бюллетенях Государственного Литературного музея.
№1. И.С.Тургенев. Рукописи, переписка и документы. М., 1935
с. 142.
- 42) Подробные сведения о художнике и его воспоминания о Тургене-
ве см.: публикация Р.Б.Заборовою "Художник о Тургене-
ве: Воспоминания Э.К.Липгарта, 1875". - Литературное наследство,
т.76. И.С.Тургенев. - Новые материалы и исследования. М.,
"Наука", 1967, с.423-432.

- 43) Бумага, карандаш. 14,8х22,5. № Кп 7323.
Указан в Бюллетенях Государственного Литературного музея,
с. 142. Впервые воспроизведен в Литературном наследстве,
т. 76, с. 427.
- 44) Т. Л. Сухотина-Толстая. Воспоминания. М., 1980, с. 237.
-

СКАЗКИ МЕЛЬПОМЭНЫ.

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

А. ЧЕХОНТѢ.

Владѣн. с. В. Иваненко

о р. литературного конгр.

Москва августа 26, 1894

А. Седяков

МОСКВА.

Типография А. Девенсонъ: Петровка. Рахманов. пер. собств.

1894.

Г.Ф. ЩЕБОЛЕВА

**Два автографа А.П.Чехова
(поступления последних лет)**

В последние годы чеховский фонд Государственного Литературного музея пополнился многими ценными материалами. Наибольший интерес представляют автографы писателя. Остановимся на двух из них, публикуемых впервые.

На титульном листе первого вышедшего в свет сборника Антоши Чехонте "Сказки Мельпомены" (издание 1884г.) надпись:

"Флейте А.И.Иваненко от литературного контрабаса
в день ангела 86.IV.IO

А.Чехов"

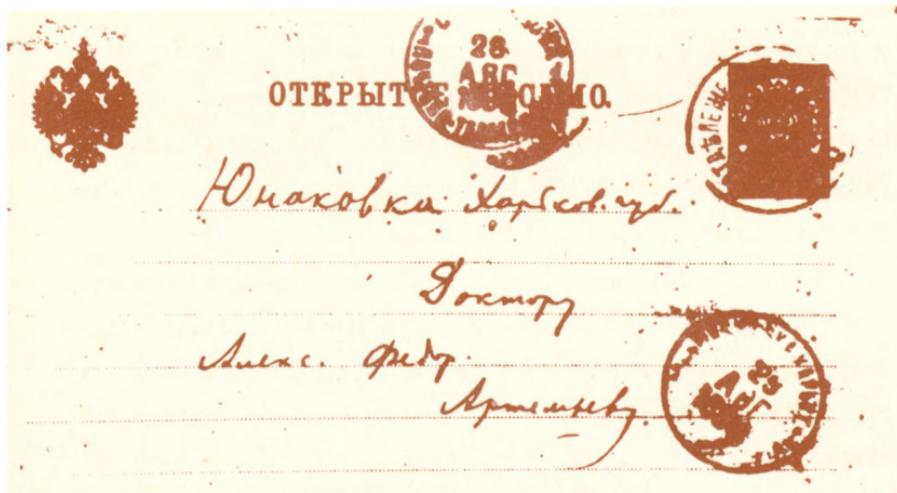
Из переписки известно, что у А.И.Иваненко было несколько автографов Чехова, но они не сохранились. Эта надпись в адрес Иваненко — пока единственная, дошедшая до нас.

Александр Игнатьевич Иваненко уроженец Малороссии. Родился около 1862 года, умер после 1926 года. В начале 80-х годов — студент Московской консерватории. Музыкант, преподаватель, печатался под псевдонимом "Юс Малыш".

История взаимоотношений Чехова с Иваненко началась в 1885 году и длилась на протяжении всей жизни Чехова.

В октябре 1885 года Чехов с семьей поселился на Якиманке в доме Лебедевой (ныне ул.Димитрова). В письме к Н.А.Лейкину он пишет: "По вторникам у меня вечера с девицами, музыкой, пением, литературой"¹).

15 октября 1885 года, в первый же вторник после переезда на новую квартиру, Николай Павлович Чехов привел на вечеринку своих новых приятелей и среди них — флейтиста Александра Игнатьевича Иваненко. Все они, в основном студенты университета и консерватории, жили в так называемых "медвежьих номерах" (угол

На этой стороне пишется только адрес.

Большой Никитской и Брисовского переулкa, ныне ул. Герцена и Неждановой)²⁾.

В своей книге "Вокруг Чехова" М. П. Чехов рассказывает о непринужденном веселье в доме Чеховых, о музыкальных вечерах, на которых играли "консерваторы". Многие гости этих вечеров остались друзьями Чеховых на всю жизнь.

Михаил Павлович Чехов называл А. И. Иваненко "вечным другом" семьи Чеховых: "...флейтист А. И. Иваненко как привязался к нашей семье, так и остался при ней совсем, вплоть до самого переселения Антона в Ялту"³⁾.

28 октября 1885 года в "Петербургской газете" (№296) появился рассказ Чехова "Контрабас и Флейта". Через полгода в дарственной надписи на книге обыгрывается название чеховской сцены. Судя по фотографиям Иваненко был невысокого роста, как

и флейтист Иван Матвеевич, в отличие от контрабасиста Петра Петровича. В сценке Чехова флейтист Иван Матвеевич как и Иваненко устал скитаться по меблированным комнатам ("медвежья номера"). А рассуждения Петра Петровича-контрабасиста о пейзажах Тургенева очень напоминают чеховские.

Можно предположить, что в дружеских отношениях молодых людей бытовали шуточные прозвища "флейтист" и "литературный контрабас", тем более, что в письме Иваненко 1889 года к Чехову (писатель в это время с больным братом Николаем жил в Сумах) пишет: "...ругайте меня на все бока за то, что не могу приехать к вам при всем моем великом желании, и, если бы Вы только знали, многоуважаемый литературный контрабас, как злится и тоскует бедная флейта, испытывая все удобства жизни московской"⁴⁾. И дальше Александр Игнатьевич сообщает: "...из дому пришло Вам, Антон Павлович, одно письмо, если его не сочтете нужным поместить куда-нибудь в газетину, то зато сами подорвете животы от смеха..."⁵⁾ Заканчивает письмо Иваненко словами: "...искренно уважающая и любящая Вас всех тоскующая Флейта"⁶⁾.

Теперь почти с уверенностью можно сказать, что некоторые сюжеты, рассказанные Иваненко, Чехов использовал в своих произведениях. Да и сам он (по воспоминаниям М.П.Чехова) в какой-то мере послужил прототипом образа Епиходова в пьесе "Вишневый сад"⁷⁾.

В Государственной библиотеке им. В.И.Ленина хранится 50 писем Иваненко Чехову, но известны только два письма Чехова Иваненко⁸⁾. Это говорит о характере каждого. Чехов хранил все, что приходило к нему. Иваненко не сумел уберечь почти ничего из присланного и подаренного ему Чеховым.

Автографы Чехова ценны сами по себе, но порою помимо литературного значения они открывают малоизвестные или неизвестные имена, высвечивают новые грани характера писателя.

"Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Получил Вашу телеграмму и письмо. Я ездил в Москву к В.А.Морозовой и взял место, на которое Вы меня порекомендовали..!"

Это письмо А.Ф.Артемова, хранящееся в чеховском фонде рукописного отдела Библиотеки им. В.И.Ленина. Кто такой Артемов? Почему Чехов обращается к многим адресатам с просьбой о помощи Артемову? Десятилетия на эти вопросы не было ответа. И вот перед нами пожелтевшая почтовая открытка с четким почерком Чехова!^{X)}

Доктору

Алек.Федор.Артемову

В автографе А.П.Чехова ошибочно - А.Ф.Артемьев

А.Ф.Артемову

28 авг. 1898г.

Открытка датируется по почтовому штемпелю 28 августа 1898 г. Место отправления на штемпеле не прочитывается. Вероятнее всего отправлена из Лопасни. Деловое письмо - вызов для переговоров об устройстве на службу:

"Многоуважаемый Коллега,

27 авг. утром я послал Вам телеграмму такого содержания:

"Варвара Алексеевна Морозова Москва Воздвиженка просит Вас пожаловать первого или шестого сентября десять утра"

Г-жа Морозова живет на Воздвиженке в собств. доме.

Застать ее можно (как она пишет мне в своем последнем письме) с 10 до 12. После же 12 до 4-х Вы найдете её в

---

x) Поступила от А.В.Андреевой. Рукописный фонд ГЛМ

Конторе "Тверской мануфактуры" на Варварке. Желаю всего хорошего. А.Чехов"

Лето 1898 года - трудное время в жизни писателя. Обострился процесс туберкулеза. Чехов вынужден отказаться от медицинской практики, но не оставляет общественной деятельности - принимает участие в заседаниях училищного совета, встречается с врачами, учителями, строит школу. Одновременно для больницы "Тверской мануфактуры" А.П.Чехов подыскивает хирурга. Выбор его падает на А.Ф.Артемова. "...земского врача, прекрасного хирурга"⁹⁾.

Вместе с открыткой правнучка доктора Артемова А.В.Андреева передала в музей его автобиографию, из которой мы узнаем, что Александр Федорович Артемов (1867-1937) родился в семье рабочего на Луганском заводе. Окончил медицинский факультет Харьковского университета. В 1895 году начал самостоятельную работу в земстве. В 1896 году принял больницу в Юнакове Сумского уезда Харьковской губернии. Был членом санитарного совета. На одном из заседаний поспорил с гласным - помещиком Карповым, который потребовал увольнения молодого врача. Дальше в автобиографии Александр Федорович пишет: "...ценившие меня земцы порекомендовали меня писателю А.П.Чехову..." Среди деятелей Сумского уезда - сестры Е.М. и Н.М.Линтваревы. Н.М.Линтварева гостила с 15 по 20 августа 1898 года в Меликове у Чехова¹⁰⁾ и, очевидно, просила Антона Павловича помочь Артемову.

Семья Линтваревых - старые знакомые Чеховых. У них в имении на Луке возле г.Сумы семья Чеховых жила на даче в 1888-90 годах. Дружеские отношения с членами семьи Линтваревых Чеховы поддерживали многие годы.

4 сентября 1898 года в ответном письме на телеграмму и письмо Чехова от 27-28 августа 1898года Артемов обращается к

Чехову: "...позвольте же принести Вам заочно искреннюю благодар-
ность за хлопоты и внимание к человеку Вам незнакомому, а также
пожелать здоровья для блага не только Вашего, но и всей читаю-
щей России. Уважающий Вас А.Артемов. Дняковка 18 $\frac{4}{\text{УШ}}$ -98"
Ошибочно поставлен УШ месяц. Это письмо написано 4. IX. 98 года.

9 сентября 1898 года Чехов в письме к Н.М.Линтваревой сооб-
щает об устройстве доктора Артемова и приводит упомянутые
слова благодарности. Свое письмо он оканчивает в свойственной
ему шуточной манере: "...хорошо пьют в Харьковской губернии"^{II}).

Таким образом Государственный Литературный музей приобрел
новые интересные автографы писателя, расширяющие наши знания о
Чехове и его окружении.

П р и м е ч а н и я

- 1) А.Н.Чехов. Полное собрание сочинений в 30 тт. Письма, Т. I.
с. 167.
- 2) М.П.Чехов "Вокруг Чехова" М., 1964, с. 170.
- 3) Там же, с. 171.
- 4) Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В.И.Ленина.
Чеховский фонд №331.
- 5) Там же
- 6) Там же
- 7) М.П.Чехов "Вокруг Чехова", М., 1964, с. 171
- 8) А.П.Чехов. Полное собрание сочинений в 30 тт. Письма, Т. УП
с. 187-188 и Т. X, с. 131 от 17 марта 1898г. и 6 декабря 1901г.
- 9) Там же, Т. УП, с. 225.
- 10) Дневник П.Е.Чехова. ЦГАЛИ, Чеховский фонд
- 11) А.П.Чехов. Полное собрание сочинений в 30 тт., Т. УП, с. 255

В.Г. КРИЖЕВСКИЙ

**Неизвестное письмо Блока
Н.Д. Телешову.**

В 1980–1981 гг. в залах Государственного Литературного музея была развернута выставка к столетию со дня рождения А.Блока. Создатели экспозиции хотели показать творчество поэта в широком контексте общественной, литературной и художественной жизни его времени.

Поэтому экспозиция включала немало материалов, с которыми специалисты по творчеству А.Блока и любители его поэзии познакомились впервые.

В частности, это относится к письму А.Блока к Н.Д.Телешову. Письмо это ранее не публиковалось. Не учтено оно и в каталоге переписки А.Блока. Приводим его текст полностью:

1 января 1915

Петроград, Офицерская, 57, кв. 21

Милостивый государь Николай Дмитриевич!

Прилагая к этому письму стихотворение для сборника "На помощь жертвам войны", покорнейше прошу Вас не отказать мне в присылке одного экземпляра этого сборника.

С совершенным уважением

Александр Блок.

Текст письма расположен на отдельном листе; на другом листе – автограф стихотворения, присланного поэтом Н.Д.Телешову. Письмо А.Блока – ответ на обращение группы московских литераторов, задумавших создать литературно-художественный и музыкальный сборник под названием "Клич".

Адресат письма – Николай Дмитриевич Телешов (1867–1957) – известный писатель. Знаменитые среды Н.Д.Телешова – одно

из замечательных явлений культурной жизни России начала XX века.

"Среда" объединяла писателей, художников, музыкантов. Среди них А.М.Горький, И.А.Бунин, В.В.Вересаев, Л.Н.Андреев, А.И.Куприн, С.Г.Скиталец, А.С.Серафимович, Ф.И.Шляпин, С.В.Рахманинов.

Участники "Среды" обладали большим издательским опытом.

В 1910-х годах А.М.Горький отошел от издательства "Знание". Группа литераторов, печатавшихся ранее в этом издательстве организовала "Книгоиздательство писателей", связанное с телешовской "Средой". Помимо сочинений самих писателей, большой популярностью пользовались издаваемые книгоиздательством литературные сборники "Слово", продолжавшие традицию сборников товарищества "Знание". К литературным сборникам, издаваемым "Средой", относится и сборник "Клич", история создания которого подробно изложена в воспоминаниях Н.Д.Телешова "Записки писателя".

"Во время войны "Среде" было поручено от всемоосковского дня печати составить сборник в помощь жертвам мировой войны. И "Среда" выделила из своего состава трех редакторов: И.А.Бунина, В.В.Вересаева, Н.Д.Телешова, которые составили этот сборник немедленно под названием "Клич", где участвовали лучшие современные писатели, крупные художники и знаменитые композиторы. Книга была распродана в три дня и дала чистой прибыли, согласно опубликованному отчету, тридцать четыре тысячи рублей. Эти деньги влились в общую, довольно значительную сумму, собранную "Днем печати" и распределенную между национальными организациями, оказывающими помощь пострадав-

шему от войны населению: армянскому, польскому, грузинскому, еврейскому, латышскому, литовскому, татарскому, украинскому — через Пироговское общество, в равной части каждой организации".¹⁾

В этом гуманном начинании приняли участие деятели культуры самых разных направлений. На страницах сборника мы встречаем имена А.А.Блока, И.А.Бунина, В.В.Вересаева, К.Д.Бальмонта, М.М.Пришвина, Ф. Сологуба. Сборник богато иллюстрирован работами Л.О.Пастернака, М.В.Нестерова, В.Д.Поленова, И.Е.Репина, В.М. и А.М.Васнецовых и Г.П.Пашкова, автора обложки издания.

В состав сборника включены были также ноты произведений композиторов А.Глазунова, А.Гречанинова, М.Ипполитова-Иванова.

Некоторые дополнительные сведения, связанные с выходом сборника из печати, находим в афише, объявляющей о появлении книги. "Все, участвующие в сборнике писатели, художники и композиторы — дали свои произведения безвозмездно; издательские, книжные, бумажные и типографские фирмы по подписке приняли на себя расходы по напечатанию книги, нот и рисунков, редакции газет и журналов помещают бесплатно объявления, поэтому вся вырученная от продажи сборника "Клич" сумма поступает полностью на помощь жертвам войны".

В письме А.Блока, как уже указывалось, включен автограф стихотворения. В собраниях сочинений А.Блока оно названо по первой строке: "В чужбину по гудящей стали..." и относится к тем стихам, которые сам поэт считал невозможным отнести "ни к раннему..., ни к более позднему периоду"²⁾, вследствие больших переделок и доработок.

Приводим текст а в т о г р а ф а:

В чужбину по гудящей стали
Лечу, опомнившись едва,
И, веря обещаньям дали,
Твержу вчерашние слова.

Теперь я знаю: где-то в мире
За далью каменных дорог,
На страшном, на последнем пире
Для нас готовит встречу Бог.

И нам не долго любоваться
На эти здешние пиры
Пред нами тайны обнажатся
Возблещут дальние миры.³⁾

Александр Блок

1902

История этого стихотворения любопытна. Оно создавалось более 12 лет из нескольких самостоятельных стихотворений, написанных в 1902 году. Окончательный текст сложился в 1914 году. Из блоковских датировок видно, что ранее всех в январе 1902 года была создана последняя строфа ("И нам недолго любоваться...")⁴⁾. Затем в августе того же года А.Блок пишет первую и вторую строфы⁵⁾. На черновике первой строфы пометка: "В поезде в Москву, 22 августа (1902г.)"⁶⁾. Комментарием этого стихотворения в восьмитомном собрании сочинений поэта не отмечена весьма интересная запись, которую Блок сделал в записной книжке в день посещения Новодевичьего кладбища, через несколько часов после создания первой строфы ("В чужбину по гудящей стали"):

"22 августа 1902

Деревянный крест: В.С.Соловьев. Лилии, искусственные розы... Скончался 31 июля 1900. Пальмы. Неугасимая лампада. Вечерняя заря. "Г у л ж е л е з н о г о п у т и".

Последняя фраза в записной книжке выделена поэтом. Это цитата из стихотворения В.С.Соловьева "Там, где семьей столпились ивы..."⁷⁾

В свою очередь у Соловьева это своеобразная реминисценция из "Последнего поэта", стихотворения Е.А.Баратынского: "Век шествует путем своим железным".

Совпадение содержания записи и стихотворного образа первой строфы, не случайно и подтверждают чисто соловьевский генезис будущего стихотворения.

Все написанные в 1902 году отрывки нигде отдельно не публиковались и впервые увидели свет в сборнике "Клич"⁸⁾.

Два четверостишья – второе и третье – были введены Блоком в состав книги "Стихи о Прекрасной даме" при подготовке первого тома собрания сочинений, вышедшего в 1922 году после смерти поэта.

Но еще раньше, в 1914 году, Блок соединил все перечисленные отрывки в одно стихотворение, подвергнув его небольшой редакции. Она коснулась слов: "Тебя я встречу где-то в мире", которые были заменены на строфу: "Теперь я знаю: где-то в мире..." В этом виде стихотворение было впервые опубликовано в сборнике "Клич".

Символика "пути", образ "пути" в творчестве Блока достаточно полно исследованы Д.Е.Максимовым⁹⁾.

Однако метафора "железного пути", проходящая через все

творчество А.Блока, имеет некоторые особенности. "Железный путь" для поэта прежде всего путь неотвратимый, роковой. Так, в одном из стихотворений 1901 года читаем:

Мчит меня мертвая сила,
Мчит по стальному пути ¹⁰⁾.

В апреле следующего 1902 года Блок вновь обращается к завладевшему им образу в стихотворении, которое он не включал в свои собрания сочинений:

Я тишиною очарован
Здесь на дорожном полотне.
К тебе я мыслями прикован
В моей певучей тишине.

Там ворон каркает далеко
И вдруг в лазури потонул
Из бледноватого далека
Ж е л е з н ы й   в о з н и к а е т   г у л .

Вчера твое я слышал слово,
С тобой расстался лишь вчера,
Но тишина мне шепчет снова:
Не так нам встретиться пора...

Вдали от суетных селений
Среди зеленой тишины
Обрести утраченные сны
Иных, несбыточных волнений ¹¹⁾.

Несколько месяцев спустя в письме от 23 декабря 1902 г. М.С.Соловьеву Блок вспоминает этот день и еще раз упомянет о "гуле железного пути". "По Москве бродил этой осенью, и никогда не забуду Новодевичьего монастыря вечером. Ко всему еще за прудами вились галки и был "гул железного пути..."¹²⁾

С железной дорогой в раннем творчестве Блок, как видим, устойчиво связывал и мотив иной, нездешней встречи. Стихотво-

рение, посланное Н.Д.Телешову, не составляло исключения.

В своем истолковании символа "стального пути" поэт опирался на две традиции русской литературы. Первая восходит к Е.А.Баратынскому и В.С.Соловьеву, вторая — к Н.А.Некрасову (поэма "Железная дорога") и Л.Н.Толстому ("Воскресение"). Последняя традиция связана со стихами Блока "На железной дороге" и "Петроградское небо мутилось дождем". В них — новое обращение к образу "стального пути". Последние стихи, ранее печатавшиеся в периодике, были помещены в сборнике Блока "Стихи о России", изданном в том же, что и "Клич", 1915 году в издательстве "Отечество". Выход его Блок тщательно подготавливал.

Публикация в 1915 г. в сборнике "Клич" стихотворения, по форме и содержанию относящегося к периоду "Стихов о Прекрасной даме", вряд ли случайна. На наш взгляд, она давала возможность читателю как проследить путь метафоры от одного поэтического контекста к другому, так и путь самого поэта. Именно эту цель преследовал Блок, издавая после революции в 1919–1920 гг. сборник "За гранью прошлых дней", куда было включено интересное нас стихотворение.

Более ранняя публикация стихотворения в сборнике "Клич", очевидно, преследовала те же цели. В настоящий момент подлинник письма и автограф стихотворения находятся в архиве В.Д.Телешова, которому мы приносим благодарность за предоставленную возможность ознакомиться с письмом Блока и поместить его в музейную экспозицию.

П р и м е ч а н и я

- 1) Н.Д.Телешов. Записки писателя. Московский рабочий, 1980 стр. 51-52
- 2) А.А.Блок. Собр.соч. в восьми томах. М.-Л., ГИХЛ, 1960-1963 Т.1, стр.352. В дальнейшем все ссылки даются на это издание.
- 3) В окончательном тексте стихотворения, напечатанном в сб. "За гранью прошлых дней" в 1919 году, в последней строке слово "дальние" заменено словом "новые". А.Блок "За гранью прошлых дней". Стихотворения, Изд-во З.И.Гржебина. П., 1919
- 4) На это указывал Блок в примечаниях к стихотворению "На железной дороге". Бессознательное подражание эпизоду из "Воскресения" Толстого: Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне Нехлюдова. Т.3, стр. 593
- 5) Т.1, стр.356, 214 и 645
- 6) Т.1, стр.645
- 7) Блок. Записные книжки. М., Художественная литература, 1965
- 8) Вл.Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., Сов.писатель, 1974, стр.90
- 9) "Клич". Литературный, художественный и музыкальный сборник. М., 1915
- 10) Д.Е.Максимов. Идея пути в поэтическом сознании Ал.Блока - в кн. Д.Е.Максимов."Поэзия и проза Ал.Блока", М., Сов. писатель, 1975
- 11) Впервые в сборнике "За гранью прошлых дней". Стихотворения. Издательство З.И.Гржебина. П., 1920
- 12) Т.1, стр.497
- 13) Литературное наследство. Т.92, М., Наука, 1980, стр.412

Л.А. РЯЗАНОВА

О библиотеке М.М. Пришвина

Большой библиотеки у М.М.Пришвина никогда не было. В дневниках есть короткое упоминание о погибшей во время революции библиотеке в родовом имении Хрущево под Ельцом, где прошли детские годы писателя. В послереволюционные годы Пришвин кочует с места на место: живет то на родине в Ельце, то на Смоленщине (работает учителем), а в 1922 году перебирается поближе к Москве в Талдомский район, некоторое время живет в Переславле-Залесском.

Только в 1926 году он покупает дом в Загорске. Отсюда он выезжает на охоту в недалекие подмосковные и костромские леса и в большие путешествия на Урал, Дальний Восток, в северные Пинежские леса, Кабардино-Балкарию.

В загорском доме налаживается быт, начинает собираться библиотека. В дневниках появляются записи о том, что нужно прочесть, списки книг, которые необходимо купить, размышления о прочитанном. Упоминаются дневники Авдотьи Панаевой, Суворина, мемуары Витте, а рядом — Диккенс, Пушкин, Толстой, Горький, Белый и тут же "Хулио Хуренито" Эренбурга, "Князь мира" Клычкова, "Цемент" Гладкова.

Вот некоторые записи¹⁾: 1 янв. 1927: "...Начитался Франса. А как же умному человеку и не быть скептиком в наше-то время!"

Из письма к А.М.Горькому 3 янв. 1927: "...у меня на столе лежит книга Флоренского, который посредством новой, недоступной мне математики возвращается к Птоломеевой системе"²⁾.

9 февр. 1927: "... надо купить всего Блока, перечитать".

9 марта: "...купить непременно дневник Короленко: сегодня я читал выдержки из этого дневника".

25 мая: "Надо купить следующие книги:

Есенин

Казин

Кириллов

Волошин

Сельвинский (конструктивист)

Лапин

Кочетов

Багрицкий

Ахматова

Мандельштам

Всеволод Рождественский "Лето" и "Б.Медведица"

Луговской

Клюев: Ленин. Избанные песни

Сергей Городецкий: новые стихи

Тихонов: Орда. Брага

Грузинов

Иннокентий Анненский".

Приписки на полях дневника: "Что купить: Переписка Николая и Алексея Романовых. т.У. 1914-17. ГИЗ. - Марсель Пруст "Под сенью девушек". Изд. "Недра", Л., 1927. Купить "Декамерона".

Собирается на охоту, составляет список, что взять с собой: "Поездка в болото: дробь, пенсне и лупу, керосинка,

книги". В деревне после охоты читает "Одеты камнем" О.Фортиса. Возвращается домой, отмечает в дневнике: "...я сегодня прошел до книжного магазина", "...связаться с букинистом, который будет доставать охотничьи книжки. Писать об охоте, как о свободе".

В дневнике от 11 ноября 1927 года на нескольких страницах идут выписки из книги Рамакришны.

Осталось неизвестным, сколь обширна была собранная Пришвиным библиотека в Загорске. Известно только, что переехав в конце 30-х годов в Москву во вновь полученную квартиру в доме писателей, Пришвин захватил с собой из загорской библиотеки некоторые особо ценные им книги. О них мы расскажем ниже.

Жена и помощник писателя Валерия Дмитриевна Пришвина в книге "Наш дом" (М., 1977) рассказывает о московском периоде жизни Пришвина, его увлечении темой города как копилкой культуры. Поселившись в Москве, Пришвин мечтает жить в городе "эстетически, то-есть свободно как в лесу" (март, 1937).

"Любуя книгу прочесть и купить!" - радостно отмечает он в московском дневнике свое первое желание. Начинается новая жизнь и вновь собирается библиотека. Одним из первых приобретений был многотомный энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (СПб, 1890-1904). Интересна дневниковая запись от 1 февраля 1938 года, сделанная Пришвиным по поводу появления словаря в его библиотеке: "Парень огромного роста, косая сажень в плечах, один принес на шестой этаж 86 томов Энциклопедического словаря.

- Завидую, вот бы мне!

Он посмотрел на меня сверху вниз с недоумением, может быть, даже подумал, что я хочу посмеяться над ним.

— Нет, повторил я, — не смеюсь, завидую вам.

Он поверил мне: я не смеюсь. Он огляделся вокруг, оглядел обстановку моей превосходной комнаты: бронзовые часы, мраморную статуэтку, пишущую машинку и с глубоким изумлением спросил:

— На что вам сила?

Я же сам хорошо не знаю, на что мне такая сила.

— На что мне сила... — замялся я.

— Да, на что вам она?

Обтирая липкой глицериновой тряпкой пыль с книг, я вставлял том за томом словарь в книжный шкаф.

— Вот книги, — сказал я, — желал бы ты иметь такую силу, чтобы их написать?

— Очень бы желал, — ответил он, — писал бы книги, а меня бы и грели, и освещали, и... ну вот, как бы я жил хорошо! А на что вам моя сила?³⁾

Московская жизнь писателя длилась недолго. Началась Великая Отечественная война. Пришвин уезжает из Москвы под Переславль-Залесский в дер. Усолье. Вместе с рукописями и самым необходимым для жизни он берет с собой любимые книги. По воспоминаниям Валерии Дмитриевны, среди них были сочинения Достоевского, Пушкина, Гоголя, Шекспира.

В самые тяжелые дни войны 1941 года в дневнике появляются записи: "Никто не скажет теперь про себя наверно, перейдет ли он живым через Порог.

...Теперь даже один наступающий день нужно считать за все время. Никто и никак не может сказать — будет ли за этой

жизнью в Усолье какая-нибудь другая, благополучная, но все равно, эти дни суда всего нашего народа, всей нашей культуры, нашего Пушкина, нашего Достоевского, Толстого, Гоголя, Петра I и всех нас будут значительнее всех дней⁴⁾.

"Утром в полумраке я увидел на столе в порядке уложенные любимые книги, и стало мне хорошо на душе. Я подумал: сколько чугуна пошло на Днепрострой, на Донбасс, и все взорвано, страна пуста, как во время татар или в "Слове о полку Игореве". И вот оно слово, и я знаю - по слову все встанет, заживет. Я так давно был занят словом, и так недавно понял это вполне ясно: не чугуном, а словом все делается⁵⁾.

В годы войны Пришвиным были написаны "Рассказы о ленинградских детях", "Повесть нашего времени". "Тема человеческих страданий, материнского подвига во время войны - все это соединилось теперь для писателя в лице матери-родины⁶⁾ - пишет в своей книге Б.Д.Пришвина, характеризуя произведения военных лет. Победу над фашизмом писатель встречает "Кладовой солнца" - сказкой, в которой светлое человеческое начало побеждает силы зла. "Кладовая солнца" сразу же получила широкое признание у читателя.

После войны Пришвин поселяется в Дунино, здесь он проводит большую часть года - с ранней весны до поздней осени (зимой Пришвин жил в московской квартире).

Дунинский дом хранит простоту и скромность пришвинского быта, сложившегося в первые послевоенные годы. В числе первой мебели, привезенной из Москвы в Дунино, были два небольших книжных шкафа. Стоящие в кабинете-спальне писателя они не выделяются из общего интерьера комнаты, а как бы завершают его.

М. М. Пришвин

Дунинские годы для писателя были итоговыми. Позади — большая и трудная жизнь (Пришвин скончался в 1954 году на 81 году жизни). Дневники этих лет отражают раздумья писателя об искусстве, литературе, творчестве, своей писательской судьбе. В эти годы окончательно оформляется центральная идея его философии, в которой соединяются жизнь и творчество — искусство как образ поведения. Мысль эта — итог всей жизни, до конца отданной искусству слова.

Человечество на своем долгом пути создало столько прекрасных памятников искусства — слова, музыки, живописи — они освещают жизнь человека. Но пришло время, пишет Пришвин, когда уже невозможно жить разделенной жизнью, в которой художник, создавая прекрасное произведение, порой стыдится огля-

нуться на свою собственную жизнь. Пришло время - созидать свою жизнь как произведение искусства.

Оттого Пришвину всегда были дороги слова Грибоедова: "Я как живу, так и пишу, свободно и свободно"⁷⁾. Об этом же сказал К.Паустовский, характеризуя личность самого Пришвина: "Нравится многое, но больше всего нравится, как он живет"⁸⁾.

Целомудренная строгость души, бережное охранение ума от излишней засоренности информацией, от перенасыщенности его, как говорил Пришвин, "чужими мыслями", нашли выражение, прежде всего, в отношении писателя к книге. В дунинские годы Пришвин очистил библиотеку от всего лишнего и оставил своих "вечных спутников".

В мемориальном фонде музея Пришвина в Дунине библиотека занимает одно из основных мест. Небольшая по объему (всего 265 названий) она состоит из книг, оставшихся после тщательного их отбора Пришвиным.

При небольшом объеме библиотеки трудно провести четкое тематическое ее разделение. Примерно, складывается она из следующих разделов:

1. Энциклопедические словари, справочники
2. Былины и сказки
3. Русская классическая литература
4. Зарубежная классическая литература
5. Художественная советская литература, включающая книги с авторскими дарственными надписями
6. Произведения М.М.Пришвина
7. Литература по философии, истории, другим научным дисциплинам

8. Литература по вопросам охоты, руководства по фотододелу, уходу за автомобилем, садоводству.

В первом разделе рядом с уже упоминавшимся словарем Брокгауза и Ефрона, языковыми словарями, справочной литературой стоит один из самых старых "спутников" писателя словарь В. Даля (т. I-4, Спб.- М., 1912). Он был привезен в московскую квартиру из Загорска, а когда Пришвин стал обживать дунинский дом, в числе первых книг здесь появился и словарь Даля. Михаил Михайлович любовно его переплел, на корешках его рукою сделаны бумажные наклейки с надписанными буквами алфавита. Мы нашли отчеркивания кара дашом, сделанные Пришвиным около двух пословиц: "Домом жить - обо всем тужить" и "Зачем в люди по печаль, когда дома плачут".

В книге "Наш дом" Валерия Дмитриевна рассказывает историю появления в пришвинском доме еще одного словаря. Это "Словарь церковно-славянского и русского языка", т. I-4 в одной книге. Спб., 1867. Вот она: "Как-то ранней весной 1941 года (мы жили еще в городе) раздался звонок. Я открыла дверь, там стоял человек. Он подал мне тяжелый, много раз перевязанный бечевкой предмет и быстро ушел. Я развязала бечевку... Это была толстая книга - старинный словарь, тщательно, хотя и очень кустарно отремонтированный. Под крышкой ветхого переплета на развороте были вклеены страницы, на которых мы прочли нарисованную в детской манере надпись: "Другу всего живущего, ваятелю красоты словом - Михаилу Михайловичу Пришвину от признательного читателя. Москва. 1941". Вокруг надписи были наклеены, тоже, как это сделал бы ребенок, вырезанные из какой-то книги изображения "всего живущего" - разных тварей,

начиная с медведя и кончая пчелой и ржаным колосом.

На обороте страницы наклеена одна фраза славянским шрифтом из Экклезиаста: "В заутрии сей семя твое, и в вечер да не оскудевает рука твоя".

Мы так и не узнали никогда, кто был даритель..."⁹)

Во втором разделе рядом со "Словом о полку Игореве", беломорскими и печерскими былинами, сказками А.Н.Афанасьева хранятся и "Северные сказки" – книга, в которую вошли 38 сказок, записанных Пришвиным.

Начало писательского пути Пришвина связано с его первым путешествием на север в 1906 году, когда он, оставив свой заграничный диплом и карьеру начинающего ученого агронома, уезжает по поручению Географического общества собирать былины и сказки. Это путешествие послужило толчком к созданию первой книги "В краю непуганых птиц". Пришвин навсегда остался верен в своем творчестве северному краю, считая его своей писательской родиной.

"Житие протопопа Аввакума" открывает раздел русской классической литературы, наиболее значительный в библиотеке. Рядом с этой книгой – **полные собрания** сочинений А.С.Пушкина, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, пятитомное собрание сочинений Н.В.Гоголя, четыре тома произведений М.Ю.Лермонтова, отдельные сочинения Тургенева, Лескова, Чехова, Некрасова, томики стихов Баратынского, Тютчева, Фета, Блока, Цветаевой. Завершает раздел антология Ежова и Шамурина "Русская поэзия XIX века".

На многих книгах Пришвиным сделаны пометы, часто встречаются упоминания о прочитанных книгах в его дневниках.

Размышления писателя о русской литературе, если их собрать воедино, составят внушительный том. Герои произведений Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого сопровождают творческую мысль писателя на протяжении всей его жизни.

Для примера несколько записей:

"...Русская литература, конечно, в красоте вырастает как всякое искусство, но ее поддерживает вот это нечто, существующее в жизни вне красоты. Что это?

Вот "Война и мир" и в ней лучатся глаза некрасивой княгини Марьи" ¹⁰).

"Читаю - оказалось - в первый раз! поэму Некрасова "Кому на Руси жить хорошо?" Я ее в детстве слишком рано читал и ничего не понимал. А теперь прочитал при свете пережитого, и Боже мой, какая это скорбь, какие слезы, какая правда и какая революция. Диву даешься, как люди могли, прочитав это спокойно устраивать свою жизнь в деревнях, как они могли растить свои виноградники, уже видя своими глазами, какой выходит чад и смрад из этого вулкана! Вот и пришло наконец-то равновесие политического сознания..."¹¹)

О Пушкине: "Если мне удастся совершенно очистить душу от эгоизма, у меня останется одна тема - Евгений из "Медного всадника"¹²).

В этом разделе хранятся два редких издания: прижизненные издания стихов Е. Баратынского (1827 и 1835 гг.). Эти книги были подарены Пришвину Т. В. Розановой, дочерью писателя В. В. Розанова в загорские годы их знакомства. Первая книга имеет дарственную надпись: "Михаилу Михайловичу Пришвину на память о нашем знакомстве в Сергиеве"¹³). 20 ноября 1928 г. Из книг В. В. Розанова"

С В.В.Розановым Пришвина связывали давние отношения еще с гимназических лет. Розанов был учителем географии в Елецкой гимназии, где учился Пришвин¹⁴). Позже начинающий писатель встречается с Розановым в Петербурге. В ту встречу Розанов подарил своему бывшему ученику книгу, на которой сделал знаменательную надпись: "Поближе к лесам, подальше от редакций". Эти слова Пришвин хранил в памяти как завет. Подарок Т.В.Розановой был дорог Пришвину. На сборнике 1835 г. Михаил Михайлович наклеил собственноручно сделанный экслибрис (оставшийся в единственном экземпляре)¹⁵). Это маленькая фотография с изображением собаки в стойке у птичьего гнезда с надписью: "Из книг М.М.Пришвина 1929. Ex Libris по завету В.В.Розанова М.Пришвину: поближе к лесам, подальше от редакций".

Зарубежная классика представлена в библиотеке переводами "Илиады" Гомера, драмами Еврипида, полным собранием сочинений Шекспира, изданиями "Фауста" Гете на русском и немецком языках. Тут же стоят книги о Св.Франциске Ассизском, "Исповедь" Руссо, произведения Лонгфелло, Диккенса, романы Гюго, Жорж Занд, письма Флобера, стихи и проза Тагора.

Собрание сочинений Шекспира было привезено Пришвиным из загорского дома. Упоминания в дневниках о чтении великого классика мировой литературы встречается на протяжении всей жизни Пришвина. Конечно, в его руках, побывали многочисленные его издания, но это, хранящееся в дунинской библиотеке, Пришвин особенно любил. Эвакуируясь из Москвы в разгар войны, писатель захватил с собой и эти тяжелые тома. В глухие уральские вечера Пришвин перечитывал знакомые страницы. Перед лицом совершающихся страданий в новом свете встанут вечные образы.

"...перечитал "Гамлета" с упоением. От "Гамлета", вероятно, и начинаются все Фаусты и демоны индивидуализма, мировая скорбь и все такое.

В муках творчества, столкновении добра и зла, поэзия в безумном лепете Офелии: поет и утопая. Читал эту "библию искусства" Шекспира – считал себя обладателем такого сокровища"¹⁶

"Сочинения Шекспира – это совершенно как храм, в который собираются молиться"¹⁷) – записывает он.

Автор статьи "Пришвин о зарубежной литературе" В.В.Круглеевская рядом с Шекспиром отмечает в числе избранных "спутников жизни" – "Фауста" Гете.

С творчеством Гете писатель познакомился в Германии, будучи студентом Лейпцигского университета и сохранил интерес к нему в течение всей жизни. В дневниках встречаются выписки из "Фауста", размышления, связанные с художественными образами этого произведения. Пришвин обращается к "Фаусту" в Дунине, когда приступает к написанию романа "Осударева дорога". В ноябре 1952 г. он записывает: "Читаю "Фауста" и нахожу много сказанного, о чем сам собираюсь сказать в том расчете, что если я по-своему скажу, то оно выйдет как новое "¹⁸)

Рамки статьи не позволяют подробно останавливаться на других произведениях, чтение которых вызывало живой отклик Пришвина-читателя. Отмечу только, что в "Исповеди" Руссо целые абзацы текста хранят след характерных отметок, сделанных пришвинской рукой. После чтения "Собора Парижской богоматери" Гюго Пришвину так понравилась героиня романа Эсмеральда со своей козочкой, что появившийся в эти дни в доме щенок – ирландский сеттер – был назван именем козочки – Джали.

Долгое время Пришвин находится под обаянием романа "Консуэло" Ж.Занд. Запись в дневнике: "Читаю "Консуэло" Ж.Занд (впервые) и радуюсь гению этой женщины. О господи, как мало я понимал... женщину, и как мало, кроме избранных, и сейчас вокруг меня ее понимают..."

Восхищаюсь и редкостной темой (святая певица), и творческим размахом "19).

Роман давно прочитан, а в дневнике все появляются отблески мыслей, рожденных чтением этого романа.

Отдельную полку занимают произведения советской художественной литературы. Прежде всего, это книги, подаренные М.Горьким. Горький был одним из глубоких почитателей и ценителей таланта Пришвина еще до революции, издателем его первого собрания сочинений. Сохранилась большая переписка Горького с Пришвиным, которая частично опубликована в "Литературном наследстве" в 1963 г. т. 70. Из Италии Горький посылал в Загорск свои книги, изданные в 20-е годы в Берлине. "Заметки. Из дневника. Воспоминания", "Дело Артамоновых", "Жизнь Климса Самгина", "Мои университеты" - "собрату М.М.Пришвину" - так надписал он одну из книг. Пришвин высоко ценил "Детство" Горького. Вот одна из записей дневника: "Бабушка в "Детстве" Горького мне кажется самым удачным в русской литературе образом нашей родины. Думая о бабушке, понимаешь, почему родину представляют у нас всегда в образе женщины-матери, и тут же хочется вспомнить, кто в русской литературе нашу родную землю представил так же хорошо не только как мать, а и как землю наших отцов - как наше отечество"20).

В библиотеке хранятся произведения Шолохова, Фадеева, Маяковского, Федина, Вс.Иванова, Вяч.Шишкова, Маршака, Паус-

товского, Яшина, Бианки и др. Значительная часть их была подарена Пришвину авторами. Об одном таком подарке хочется рассказать особо.

Во время войны, в 1943 году на юбилейном вечере, посвященном семидесятилетию Пришвина и награждению его орденом Трудового Красного Знамени, впервые с ним познакомился поэт Николай Асеев. Он был так восхищен личностью Пришвина, что на следующий день пришел к нему с подарком – своей книгой "Маяковский начинается". На ней – дарственная надпись и обращенные к Пришвину стихи, написанные поэтом сразу же по возвращении с юбилейного вечера.

Есть там такие строки:

Он – в глину дыканье вдунувши,
Ноги не преткнувши о камень,
Идет непогнувшимся юношей
Меж травами и облаками.

О чтении Маяковского в разные годы говорят записи в дневниках Пришвина, пометки на страницах "Избранного"(М.1948), хранящегося в дунинской библиотеке. Приведем одну из записей:

"Читаю вчасос Маяковского. Считаю, что поэзия – не главное в его поэмах. Главное то, о чем я пишу каждый день, чтобы день пришил к бумаге. Потомки, может быть, и будут ругаться, но дело сделано – день пришпилен.

И это пришитое есть правда, которой, оказалось, служил Маяковский "21).

Рядом с книгами советских авторов хранятся некоторые издания произведений самого Пришвина на русском и иностранных языках. Одни из них были привезены писателем из Москвы

для работы над текстами при подготовке очередного издания, другие привлекли его внимание своим художественным и полиграфическим оформлением. Эти пришвинские книги — живая иллюстрация к творческой биографии писателя.

Здесь хранятся и книги Пришвина-агронома "Картофель в полевой и огородной культуре" и первые издания его художественных произведений: "В краю непуганых птиц", "За волшебным колобком", "У стен града невидимого", "Заворошка". В основном они были изданы в Петербурге в издательстве А.Ф.Девриена.

В молодую советскую литературу Пришвин вошел с темой природы. На полках дунинской библиотеки стоит первое издание книги "Родники Берендея" (М., 1926).

В 1934 году выходит поэма Пришвина "Жень-шень", сделавшая его известным не только в нашей стране, но и за рубежом. Книга эта была дорога Пришвину еще и тем, что иллюстрировал ее известный художник-график В.Фаворский. Пришвин познакомился с ним в 1930 году в Загорске, где оба они жили в те годы. Они подружились, встречались. Свидетельством творческого содружества писателя и художника явилось издание поэмы "Жень-шень". Память об этой дружбе хранит еще одна книга — подарок В.Фаворского: Л.Толстой "Рассказы о животных" М.1932 со следующей надписью художника: "Любезный Михаил Михайлович, эта книга попытка поучиться у Толстого простому рассказу. Вам, поклоннику простоты, судить, удалась ли она. С приветом В.Фаворский. 10/1-33 г. Сергиев".

Рядом с поэмой "Жень-шень" стоит небольшого формата, скромно оформленная книга. Плохого качества бумага пожелтела от времени: издана она во время войны — "Лесная капель"

(М., 1943) – первый сборник поэтических миниатюр, созданный на основе дневников. Публикация "Лесной капли" началась до войны, в 1940 году в журнале "Новый мир", но она была приостановлена из-за "неактуальности" темы. "Война на носу, – писали о ней, – а он радуется". Пришвин тяжело переживал случившееся. Он писал тогдашнему редактору "Нового мира" В.П.Ставскому: "31 янв. 1940. Предупреждаю Вас, что борьба за "Лесную капель", "Жень-шень" и т.п. для меня есть такая же борьба за ту же родину на фронте... Я очень боюсь, что литераторы... умышленно не хотят понимать, что за моими цветочками и зверушками очень прозрачно виден человек нашей родины, что борьбу с ними мне предстоит вести упорную..."²²⁾.

"Лесная капель" так и не была напечатана.

Началась война. Пришвин уезжает в Переславль-Залесский в усольские леса. Изредка появляется в Москве. Запись в дневнике: "4 ноября 1943 г. Прихожу в "Советский писатель", там мне говорят, что книжка моя о радости напечатана, та самая книжка, которую именно за радость ее запретили перед войной... Теперь понадобилась радость, и книжку напечатали..."²³⁾.

"Лесная капель" хранится в дунинской библиотеке как свидетельство победы писателя **борьбе за свою тему в искусстве.**

Конец войны и нашу победу Пришвин встречает "Кладовой солнца" (1945), признанной в тот год лучшим произведением для детей и вошедшей в золотой фонд советской литературы. По глубине замысла и его художественного воплощения – это одно из серьезных и глубоких поэтических произведений Пришвина, написанное в простейшей форме сказки-были. После журнальной публикации "Кладовая солнца" выходит сразу в двух

изданиях — для детей и для взрослых. Оба издания хранятся в дунинской библиотеке. На обложке книжки, изданной в приложении к "Огоньку" (М., 1946), помещен портрет Пришвина, не понравившийся писателю. Михаил Михайлович чернилами замазал на нем глаза, уменьшил рот и сбоку сделал полусутиливую надпись: "Глаза свои замазываю. Действительная величина моего рта (см. ←→) и фотографическая. Очень обидно! Зубные врачи даже жалуются — что рот мал, а они, подлецы, что сделали! И тоже глаза! Но глаза я нарочно замазал — не мои!"

Последняя книга на полке с произведениями Пришвина — сборник в голубой обложке — "Весна света" (М., 1953). Сборник готовили к изданию в связи с юбилеем — восьмидесятилетием М.М.Пришвина. Пришвин был тяжело болен. Его близкие и редактор сборника спешили обрадовать Михаила Михайловича выходом новой книги. "Весна света" вышла за две недели до кончины писателя. На экземпляре, хранящемся в библиотеке, Пришвин сделал дарственную надпись Валерии Дмитриевне: "Экземпляр Валерии Дмитриевны Пришвиной, моему другу, во многом и соавтору, полностью сотруднику, жене и чуть-чуть шоферу и охотнику: шоферу без езды, охотнику без чего-нибудь убитого. Михаил Пришвин. 1 января 1954 г."

Умер Пришвин 16 января 1954 года.

Литература по философии, истории, геологии, астрономии, лесоведению была необходима Пришвину в его работе над двумя последними произведениями: романом "Осударева дорога" и повестью "Корабельная Чаша".

Во время работы над романом "Осударева дорога" Пришвин обращается к произведениям В.И.Ленина, работам по диалекти-

ческому и историческому материализму. В связи с изучением этих работ в дневнике появляются записи: "Ленин гениален потому, что перешел черту, который всякий другой не смел перейти (нажал гашетку взведенного народом курка). В этом действии Ленина народ узнает свое дело, спуск гашетки - момент превращения народного дела в личное, и в этот момент личность делается вождем народа"²⁴).

"Решение Ленина - взять власть, то есть то, что всякому интеллигенту было ненавистно - есть решение гения.

Он шел против всех и в этом был прост, как ребенок"²⁵).

На особой полке хранятся работы В.И.Ленина "Государство и революция", "Социализм и война", Звонов Л.Ю. "Философские тетради В.И.Ленина" и др. книги.

Серьезное влияние на творчество Пришвина оказала школа научного мышления, которую он прошел в молодости. Пришвин полагал, что научный метод в какой-то мере необходим и в художественном творчестве. Многие исследователи подчеркивают, что в произведениях Пришвина поэтический образ, казалось бы далекий от науки, всегда зиждется на точном знании предмета. Вот почему в работе над последними произведениями, названными писателем сказками, Пришвину понадобились строгие научные знания в области истории, философии, геологии, лесоведения.

Последнюю полку дунинской библиотеки занимают книги, отражающие многолетние увлечения Пришвина: литература по охоте, охране природы, практические руководства по фотоделу, уходу за автомобилем, литература по садоводству.

В Дуничне при всей отданности своему главному делу - ли-

тературе – Пришвин живет разнообразной, насыщенной жизнью. Охота преобразилась в натаску собаки – сеттера Джали – последней собаки Михаила Михайловича. Пришвин – шофер еще с 20-х годов – сам ухаживает за своей машиной "Москвич-407". На книгах по автоделу – многочисленные пометы, расчеты его рукой, связанные с ремонтом машины, ее вождением и т.д. Пришвин с давних лет увлекался фотографией. На стенах дунинского дома множество фотоснимков его работы.

Валерия Дмитриевна занималась планировкой всего участка вокруг дома, закладкой нового сада. Михаил Михайлович покупал и дарил ей книги по садоводству (их набралось значительное количество), хотя и сдерживал ее хозяйственные порывы, считая, что она должна в первую очередь помогать ему в литературном труде.

Из книг этого раздела хочу отметить работы, подаренные Пришвину их автором, известным ученым А.Н.Формозовым: "Шесть дней в лесах" (М., 1948), статьи из сборника "Природа города Москвы и Подмосковья" (М.-Л., 1947). На первой книге дарственная надпись: "Замечательному певцу русской природы и охоты Михаилу Михайловичу Пришвину с искренним уважением и приветом. А.Формозов. X.1949".

Библиографической редкостью в этом разделе является подарок В.Шкловского: "Книга для охотников до звериной и птичьей ловли". ч. I-3. М., 1814. с надписью: "Михаилу Михайловичу Пришвину передаю эту плохую и почти дилетантскую книгу. Виктор Шкловский. 17 февраля 1936 г."

Здесь мы дали наиболее общую характеристику библиотеки Пришвина, выделив лишь некоторые интересные экспонаты. О би-

библиотеке писателя рассказано так же на страницах книги В.Д. Пришвиной "Наш дом".

Пришвин, будучи широко и разносторонне образованным человеком, пронес через всю жизнь глубокое преклонение перед достижениями мировой культуры. Через литературу, писал он, "я прикоснулся своей личной жизнью с жизнью всего мира"²⁶⁾.

Глубокая внутренняя жизнь писателя соединила в гармоническое единство наблюдения природы, чтение книг и "просто жизнь". Каждое входило своей соразмерной частью в полноту восприятия мира художником, дополняя друг друга. В последние годы Пришвина волновала мысль о том, что можно так очистить свою жизнь от всего лишнего, что каждый прожитый день может быть записан в книгу. И тогда не количество лет, а качество дней твоих будет мерилом полноты человеческой жизни.

Вот почему Пришвин очистил свою библиотеку и оставил своих "вечных спутников". Он нередко вспоминал слова философа XVIII века Г.С.Сковороды, который учил читать мало и углубленно:

"Мы шатаемся по бесчисленным и разнородным книг стадам — без меры, без разбору, без гавани. Большой разных тварей беспокоит, а здоровый одной ядью сыт. Скушает одно со вкусом — и довлеет.

Нет вреднее, как разное и безмерное. Пифагор, разжевав один треугольник, сколько насытился?"²⁷⁾.

П р и м е ч а н и е

- 1) Записи М.М.Пришвина 1927 года - из личного архива автора.
- 2) Надо полагать, имеется в виду книга П.А.Флоренского (1862-1943) "Мнимости в геометрии". М., 1922.
- 3) В.Д.Пришвина "Наш Дом". М., "Молодая гвардия", 1977, стр.35.
- 4) Там же, стр.46.
- 5) Там же, стр.46.
- 6) Там же, стр.52.
- 7) Письмо к П.А.Катенину (январь - 14 февраля 1825г. Петербург). - А.С.Грибоедов. Сочинения. М.-Л., ГИХЛ, 1959, стр.558.
- 8) В.Д.Пришвина "Наш Дом". стр. 199
- 9) Там же, стр.322.
- 10) Там же, стр.323.
- 11) В.Д.Пришвина "Жизнь как слово". "Москва", №12, 1975,стр.166
- 12) В.Д.Пришвина "Жизнь как слово". "Москва", №9, 1972,стр.209
- 13) Сергиев - старое название Загорска.
- 14) Годы учебы и роль учителя В.В.Розанова в судьбе М.М.Пришвина освещены в его автобиографическом романе "Кашеева цепь".
- 15) В 1952 г. курский художник и архитектор Л.А.Литошенко подарил М.М.Пришвину для его библиотеки сделанный им эскиз. Сюжет его взят с гравюры В.Фаворского к поэме

М.Пришвина "Жень-шень": самка оленя тянется за виноградными листьями. (См. об этом в книге: О.Ласунский "Книжный знак", Воронеж, 1967).

- 16) В.В.Круглеевская "Пришвин о зарубежной литературе" - В сб. "Пришвин и современность", М., "Современник", 1978, стр.127.
- 17) Там же, стр.126.
- 18) Там же, стр.122.
- 19) В.Д.Пришвина "Наш Дом", стр. 323.
- 20) Там же, стр.323.
- 21) Там же, стр.323.
- 22) В.Д.Пришвина "Жизнь как слово". "Москва", №9, 1972,стр.206
- 23) Там же, стр.207.
- 24) М.Пришвин "Незабудки". М., Художественная литература, 1969, стр.239.
- 25) Там же, стр.239.
- 26) В.В.Круглеевская "Пришвин о зарубежной литературе" - В сб. "Пришвин и современность". М., "Современник", 1978, стр.132.
- 27) В.Д.Пришвина "Наш Дом", стр.21

—

Я.З. ГРИШИНА

Последняя записная книжка

М.М. Пришвина

Дом-музей Михаила Михайловича Пришвина в деревне Дунино — последнее место его жизни. Он жил здесь с весны 1946 года до осени 1953 года. В Дунино им написан роман-сказка "Осударева дорога" и повесть-сказка "Корабельная чаща", рассказ "Заполярный мёд", подготовлена книга "Глаза Земли", последние дневники и записные книжки.

В доме все оставлено так, как было при жизни писателя: мебель, личные вещи, охотничьи и фотографические принадлежности, инструменты. Нет ничего случайного, все связано с жизнью и работой Пришвина. И эта причастность к его жизни делает их одинаково ценными, воссоздающими облик дунинского дома.

Вот перед нами бумажник М.М.Пришвина с маленьким карандашом. Бумажник кожаный, коричневого цвета, тисненый, состоит из трех отделений, одно из которых закрывается "конвертом" с косо срезанным краем и коротким "язычком"; в нем лежит металлическая вставка для карандаша в виде кинжальчика с ножнами; поверхность ножен матирована; карандашик плоский, графитный, с фабричной надписью: "A.W. FABER".

Привычка писать маленькими карандашиками осталась у Михаила Михайловича, по свидетельству его жены В.Д.Пришвиной, от военного времени. В ящике его письменного стола и сейчас лежат запасные, остро отточенные, графитные карандашики.

В одном из отделений бумажника мы видим небольшой листок, на котором рукой В.Д.Пришвиной написано: "Для "малой" зап. книжки (карманной)!" В другом отделении лежат листки записной книжки^{х)}. Из рукописных экспонатов это единственный в коллекции музея. На нем мы остановимся подробно.

Вот что писала о записных книжках писателя В.Д.Приш-

х) ГЛМ. Фонд М.Пришвина № 52060-328

вина: "Самой начальной, краткой была запись в малую карманную записную книжку". (...) "Иногда записная книжка состояла из отдельных перекладных листков, которые перемешивались, нередко вынимались для текущей работы над каким-нибудь произведением и часто терялись. Большая часть малых записных книжек с начала писательства и до 1937 года утрачена. В последующие годы М.М.Пришвин относился к ним бережнее и передавал на домашнее хранение. Некоторые из них имеют уже подробные датировки и надписи его рукой"¹).

Там же В.Д.Пришвина продолжает:

"Днем мы постоянно заставляли Михаила Михайловича с записной книжкой. Среди разговоров, за рулем машины, во время прогулки по лесу Пришвин неожиданно вынимал свою записную книжку и с характерным выражением сосредоточенного внимания к посетившей его мысли делал короткую отметку карандашом. На следующее утро эти заметки (...) переносились в дневник"²).

А вот одно из свидетельств Пришвина о том, как он работал с записной книжкой: "23, VI. 53. Так однажды я шел ранней весной берегом ручья и это почувствовал. Вынув записную книжку, я на ходу стал записывать все в том порядке, как возникали во мне впечатления. После, дома, переписав с карандаша на машинку, я получил рассказ "Лесной ручей"³).

В дунинском доме среди фотографических портретов писателя есть один, на котором Пришвин изображен сидящим на пне в лесу с записной книжкой и карандашом в руках (Дунино, 1949г. фото В.Д.Пришвиной. 16.8.24).

Он очень ценил такие "мгновенные" записи, в которых "писатель еще не успел излукавиться, как это бывает в каждом почти произведении"⁴). Пришвин стремится к тому, чтобы

запись сразу рождалась в своей окончательной форме, поэтому он иногда отказывается от записных книжек и носит с собой дневниковую тетрадь. Однако, записные книжки продолжают появляться. Записную книжку 1953 года, последнего года его жизни (он скончался 16 января 1954 года), Валерия Дмитриевна отделила от архива и оставила на хранение в Дунине, где и были сделаны записи.

Записная книжка представляет собой расшитые листки линованной бумаги размером 7,5х13, с дырочками для скреп, без обложки. Листков всего 25, из них 4 не использованы, а на остальных сделаны графитным карандашом записи Пришвина (две странички использованы им для записи адресов). Все записи, за исключением четырех, датированы, и относятся к лету-осени 1953 года, первая запись от 12 июня, а последняя от 8 октября (одна запись датирована "15.IV", видимо, ошибочно). Спустя две недели - 22 октября - Пришвины переехали в Москву, и в Дунино Валерия Дмитриевна вернулась уже одна весной 1954 года.

Листок с последней записью в 1956 году был передан В.Д.Пришвиной в Музей писателей-орловцев (г.Орел), в экспозиции которого среди писателей уроженцев Орловской губернии представлен Пришвин.

Валерия Дмитриевна частично расшифровала текст записной книжки, чем значительно облегчила работу с ней, так как почерк писателя поначалу оказывается трудным для чтения. К тому же записи делались, вероятно, в разных условиях, и это видно по почерку: по своей природе почерк писателя склонен скорее к остроте, чем к круглоте, он убористый, торопящийся, но устойчивый. Записи в книжке расположены в порядке

хронологии; сделанные часто в разные дни, они начинаются с двух сторон одной страницы, и это подтверждает характер работы: запись — "мгновенная" — делалась на любом свободном месте. Иногда она тут же дополнялась, переписывалась несколько иначе:

"Без даты. Трясогустик такой еще маленький, что не умеет трясогусткой трясти.

Трясогустик такой еще маленький, что ни пестик, ни копеечки, ни фартучка и даже не умел трясогусткой трясти".

Чаще перечеркивалось и заменялось другим какое-нибудь слово; большинство же оставалось без всякой правки и переделялось при записи в дневниковую тетрадь. Из этого, однако, не следует, что записные книжки велись писателем для удобства быстрой записи, а затем использовались им в качестве черновика при работе над дневником. Такое утверждение было бы неверным, по крайней мере, в отношении последней записной книжки и соответствующего ей дневника 1953 года. Скорее записную книжку надо рассматривать в единстве с дневником, потому что чаще всего мысли писателя, появившиеся в записной книжке, продолжались в дневнике и наоборот. Характерно, что законченные формы записи он в дневник не переносит.

Можно привести несколько примеров. 13 июня 1953 года в дневнике писателя появилась такая запись: "...немедленно по окончании повести я перехожу на автобиографию, и это значит, что я собираюсь жизнь свою обратить в слово".

В тот же день, видимо, позже, если учесть, что дневник обычно писался рано утром, в записной книжке мы читаем: "Автобиография — это есть жизнь, обращенная в слово: так и надо смотреть: то жизнь некоего Михаила, а то вот что от

жизни этой останется для всех".

Запись эта не повторяет предыдущую, она становится обобщением и вскрывает смысл того, что имеет в виду Пришвин, говоря об обращении жизни в слово. Спустя два дня, 16 июня он пишет в дневнике: "Боже мой! как нелегко жилось, как удалось уцелеть! И я хочу все-таки в автобиографии представить жизнь эту как счастливую.

И сделаю это, потому что касался в творчестве природы и знал, что жизнь есть счастье".

Для Пришвина автобиография — это слово. Не сочиненное, а рожденное внутри самой жизни слово, в котором воплощается жизнь и которое остается после нее. Писатель хочет наполнить его не страданием, а выходом из страдания к свету, смыслу и радости. И художнику в его даре дается прозрение, поначалу кажется простое, а на деле, в осуществлении очень трудное: близость к природе и понимание того, что счастье содержится в самой жизни. Слово писателя не о себе, как "некоем Михаиле", а о той части своей души, которая волеется в общую жизнь. Это он и хотел бы оставить своим читателям.

Так записи дневника и записной книжки дополняют друг друга.

В записной книжке есть короткие записи, которые, как можно предположить, рисуют ту или иную картину природы и возникающие в связи с ней образы и мысли. В дневнике же появляется совершенно новая по форме запись, в той или иной степени включающая сделанную в записной книжке.

Записная книжка, 30 июня.

"Колокольчики лиловые и очень крупные, и в них язычки белые, такие заметные, что хочется взять за язык и позвонить

на всю вырубку".

Дневник следующего дня. 1 июля.

"Какой день! А сказать нечего: все в такой день само собой говорит. Только вот в больших синих колокольчиках впервые заметил внутри белые язычки, такие большие и заметные, что, кажется, взял бы за язык и принялся звонить на всю вырубку, на весь лес и во весь июль".

В первой записи — образ крупного колокольчика, а во второй образ усилился, охватил собой другое пространство и время — весь лес и весь июль, стал характеристикой роскошного летнего дня, о котором сказать что-либо было трудно.

В июньские дни 1953 года, судя по дневнику, Пришвин заканчивает работу над последней своей повестью-сказкой "Корабельная чаша". В эти же дни в записной книжке появляется образ тропинки, по которой прошли тысячи людей, прокладывая её, выпрямляя и утверждая. Эти записи прямо относятся к повести. Образ тропинки говорит о невидимой связи людей между собой, об общности их дела, и переходит в образ "единого человека" — один из главных в повести и в творчестве писателя.

"12.У1. Тропинка вьется — почему? Человек же ее вытропил, но у каждого человека сердце бьется по-разному и от каждого по-разному вьется след. Сотни и тысячи людей прошли мало-помалу и сравняли и сделали так, что шел это все-таки не плут, а человек: не ты это и не я и никакой человек, но все-таки это человек".

"15.У1. Не в том правда, что в лесной тесноте ступал человек и деревья вслед ему роняли листья свои и семена. А правда лесной тропинки в том, что тысячи людей по ней шли и, направляя след каждого, поджимая след, где с носка, где с

пятки, создали в лесу тропу человеческую и всем миром ее утвердили проходить насквозь через весь сузем".

В романе записи эти соединились и выглядят так:

"Какая же это красивая, сухая, белая тропа, сколько на ней чудесных изгибов. И вот что всего удивительнее: тысячи людей, может быть в тысячах лет шли среди них, может быть, не раз проходили и я и ты, друг дорогой, но не я и не ты один являемся творцами этой тропы. Один шел, другой обсекал этот след с носка или пятки. То удивительно, что весь прошедший человек не вывел общую свою тропу, как рельсу, прямо. Но у общей тропы, извилисто красивой и гибкой сохранился особый характер, и это не мой характер и не твой, мой друг дорогой, а нового какого-то, созданного нами всеми человека".

В записной книжке образ "всего человека" намечен - в его движении, в его действии создается правда.

В романе мы видим образ большой художественной силы - "нового", "созданного нами всеми человека", включающий в себя и читателя, к которому открыто обращается автор: "мой друг дорогой".

В дневник записи о тропинке не попали, а образ "всего человека" на протяжении многих лет разрабатывался в дневнике и стал центральным в последнем романе-сказке Пришвина "Осу-дарева дорсга".

Смысл повести "Корабельная чаша" заключается в напряженном поиске всеми героями "правды истинной". Её радостное осуществление состоит в том, что корабельная чаша, которую веками хранили старики на севере как олицетворение духовного сокровища народа, спасена, и в том, что в самих героях

происходит переворот, приближающий каждого из них к этой же правде.

В записной книжке мы находим еще одну запись, которая также относится к роману — к каждому герою романа на его личном пути к правде:

"15.УІ. Тема эта великая, что до правды надо дожить".

В ряде записей последнего года своей жизни Пришвин противопоставляет творчество, как поиск "небывалого" — безличному, "механическому" повторению проторенного пути, который, невзирая на результаты, не имеет для него цены.

"24.УІ. Вдруг понял, чем оскорбляет меня повседневность, откуда берется страстное движение к небывалому.

Понял я, что все органическое в мире движется и постепенно, совершив свое небывалое, останавливается, чтобы потом повториться механически.

Разговор с Л.о том, что будет в литературе".

"Без даты. Что творится во мне органически, то потом повторяется механически".

"Без даты. В жаркий день над желтой спелой дорожкой часто стоит на крыльшках мушка желтая с частыми черными кольцами на брюшке. Стоять она так может не больше минуты, вдруг резко порывает со всем, из-за чего она так трудно стоит, и глядишь — уже стоит, дрожит на другом месте, над какой-то другой землей.

Я понимаю ее, тоже и я мучаюсь, трепещу, и вдруг все это бросаю и над чем-то снова тружусь. Не знаю, как у самой мушки, а я бросаю, когда все начинает повторяться и я все знаю наперед".

"I окт.53. Самое обидное в мире, что новое, обгоняя нас механическим путем, успевает нам на ходу похвалиться достижениями и нам, старикам, язык показать".

Эти записи касаются самого существа жизни, как органического целого; без личного усилия человека — муки, тревоги, труда, — возможны "достижения", но смысл жизни человека на земле писатель видит в движении к небывалому, в рождении "нового какого-то созданного нами всеми человека".

К этой же теме творчества "небывалого" можно отнести размышления о писательском долге, о назначении художника. Пришвин видит гражданский долг писателя в том, чтобы участвовать в общем движении жизни, создавая на своем пути новые формы этой жизни для настоящих и будущих людей.

"5.УП.53. Счастье мое, как писателя, в особенности моей памяти: я хорошо запоминаю сущность сказанного, но как оно говорится забываю совершенно, и, когда вспомнив сущность, хочу об этом сказать, то говорю по-своему. И вот это "по-своему", если выйти в поле, представляется, как колосья на поле ржи: все разные, а сущность одна.

Вот и у нас теперь переживается какая-то общность, о которой сказать можно только по-своему".

"2.XI.53. Андリュше^х), писателю: — По-моему, сейчас тот писатель, кто показывает обществу не готовые для него казенные пути, а свои собственные, пусть и неверные, но как ему самому кажется, лучшие, а критики"(недописано)...

Пришвин как писатель не склонен к вымыслу, он живет в постоянном творческом внимании, напряженной внутренней жиз-

---

х) Андрей Пришвин, писатель, племянник М.М.Пришвина

нью, и жизнь как бы сама претворяется в слово – трудность здесь в том, что до слова "надо дожить". В этом нет отказа от писательства – художественный образ остается для Пришвина единственной формой выражения мысли. И для уверенности в том, что воплощенное в слове – действительно правда, писатель ищет свидетеля в самой жизни – своего читателя.

"7.УШ. Когда встречаешь удивительное, то первое, чего хочется, это кому-то сказать, показать и тем самым самому убедиться, что не я один вижу и слышу, а вот и свидетель того, и если мы двое скажем 3-му, то он нам поверит, и нам все поверят, и все виденное останется правдой. Когда же смотришь на облака и что-то увидишь – показать нельзя: его уже нет".

Внимательно всматриваясь в свою жизнь и творчество, Пришвин не отделяет одно от другого, он жизнь как бы измеряет словом – на глубину: можешь ли, "смеешь" ли по правде сказать.

"15.УІ. Есть вещи в мире, их чувствуешь, но сам не дожил до них и ничего сказать правдивого не можешь. И ты, честный человек, стоишь сам перед собой, как лист перед травой: и знаешь, где правда, а слово правды не смеешь сказать, если же выдумашь, то это будет ложь".

"12.УШ.53. Слово должно сотни раз в себе повториться, чтобы выйти из себя (зачеркн.:обратить) возбудить в людях внимание".

Понимание правды у Пришвина не однозначно, речь идет о художественной правде и о честности писателя перед словом, о том, что писатель должен своим словом возбуждать мысль.

"23.УШ. И кто будет спрашивать с художника правды, если

любое существо от его перемен становится существенней и правдивей".

От строгости и требовательности к себе идет и вечное сомнение подлинного художника, характерное для Пришвина.

Без даты. "Признаюсь, с тех пор, как я взялся за перо, с того самого разу, когда меня, хотя и умеренно, начали читать, разбирать и даже хвалить, я всегда удивляюсь, за что же это мне. Конечно само собой было и приятно".

Источник писательства Пришвин видит не только в таланте, чаще он говорит о том, что не менее важно: "каков ты сам", взявший в руки перо. Именно от этого прежде всего зависит, куда ведет свое "дело" писатель. Пришвин видит свою задачу в том, чтобы "дело свое вести в светлую сторону". Для него это означает, что приобщение к радости возможно для каждого человека, и об этом он с уверенностью пишет.

"3. УП. 53. Успех живописца складывается, первое, в каком свете является перед ним пейзаж, при ярком солнечном свете, или в свете, смягченном облаками, или же в свете при моросящем дожде. Второе, одинаково важно, как и первое: какой сейчас ты сам, в ярком свете души, или в тени облаков, или в тусклой повседневности".

"Мы страдаем не от того, что у нас мало радости, — нет! напротив того, что много всего и все движется, и ты не можешь ни за что ухватиться и все боишься, что свое пропустишь. Растерялись".

Большинство записей последней записной книжки — о природе. Даже по этой одной записной книжке видна глубина и слож-

ность пишвинского отношения к природе, далеко выходящая за пределы долгое время распространенной характеристики Пришвина как "певца природы".

Пришвин действительно не устает любоваться живописными картинами, никогда не повторяющимися, приходящими и исчезающими мгновениями в жизни природы. Но в его записях нет простой описательности, в них всегда заключен поэтический образ, преобразующий привычное видение. Часто запись связана с постоянными пишвинскими темами: поиском совершенной формы в природе или мотивом ее преобразования.

"24.УІ. Когда под вечер в темнеющий лес ворвется острый луч вечернего солнца, то зелень загорится: кажется будто придорожная трава в зеленом огне".

"26.УІІ.53. Иногда луч солнца проходит через лес в такой темноте, что в лесу на его пути все преобразается. Серые стволы толстых елок сверкают серебром, желтые сосновые — золотом".

"След луча в темном лесу остается даже на паутинке и есть горячие травинки (курочка и петушок), в первый раз обратил внимание и подумалось: чего же я так долго искал правильной формы в большем, чем травинка".

"І окт.53. В садике за решеткой был куст и листья с него желтые понемногу слетали всю половину сентября. В октябре осталось на дереве немного листьев и они уже больше не слетали, а сидели и оставались в воздухе, как пламенные языки".

Картина природы для Пришвина часто примета времени.

Так, наблюдение за тем, как бурееет рожь, говорит ему о движении лета.

"5.УП.53. Бурееет, желтеет и все больше отделяется рожь, зато рядом все гуще зелень овса".

"26.УП.53. Близко стоять - рожь зеленая, а издали глянешь на поле и явно - рожь начинает буреть".

В художественном отношении всегда все просто, даже строго. Для писателя нет в природе ничего незначительного, везде он видит проявление жизни. Особенность поэтического дара Пришвина состоит в том, что он видит в жизни природы такие примеры ее единства с жизнью человека, которые позволяют ему говорить просто, с большой достоверностью, так, что отрицать это единство уже невозможно:

"3 августа. Жизнь дерева так просто рассказывает нашу сложную человеческую жизнь. Сколько ему нужно всего вытерпеть и выдержать, чтобы на какой-нибудь вершок подвинуться к солнцу?

А чем наше человеческое...

Мы были тоже, как наши братья растения, но мы двинулись...

И мы что-то утратили...

А деревья э т о в себе удержали.

Дерево тихо движется, но уверенно: на вершок к солнцу. А человек много, только неизвестно куда, есть ли вершок".

"26.УІ. Стоит хвоинкам, падающим на пень, найти себе на пне ямку и ложбинку, налететь на нее, полежать и уплотниться, как непременно в этой бурой ложбинке заводится что-нибудь живое".

Мысль писателя в записях последней его записной книжки наполняется все более глубоким символическим значением: каждая "травинка делается существом", "маленькое событие" в природе приравнивается к человеческой жизни, все облекается смыслом, все живет в ожидании слова художника. Напряженность картины в природе усиливается до того, что в лесу, в молчании возникает потребность слова.

"8 июля. Синяя стрекоза села на липовый лист и надо бы спросить в Большой Кузнице, чтобы это маленькое событие понять во всем смысле и оно бы сделалось по крайней мере не меньше того, что я существую и скоро сделаю новую книгу".

"15 июля. Тишина в лесу выразительная. Каждый ствол, каждый куст, каждая цветущая травинка делается существом. И до того каждое существо выразительно, что спрашиваешь себя: — Так чего же все они стоят, все глядят и никто не скажет? И оглянувшись кругом вдруг поймешь: — Это они все ждут от тебя".

"25 июля. С конца мая до сентября прошло столько великих дней в нашей природе. И вот еще когда одуванчики начали лететь, одно семечко на своем парашютике село на елочку, и паук все ниточки парашюта перевязал паутиной и все семя распял на еловой ветке. Зачем это ему? Я ищу смысла и думаю, что не так оно висело, в чем-то нужно было оно пауку, а в чем — сказать не могу".

В последних записях писателем как бы намечена граница возможного проникновения в тайну природы для художника. Ему самому не приходится делать для этого никаких усилий, кроме одного: "родственного внимания", с которым он смотрит вокруг

себя. Он создает образ Большой Кузницы, в которой уются и уются невидимые нити, связывающие все в единое гармоническое целое. Художнику достаточно чувствовать, что все пронизано смыслом и искать его. Прекрасны слова писателя о тайне природы: она есть, "а в чем — сказать не могу".

Среди известных рассказов Пришвина встречаются такие, которые так просты по сюжету и языку, что, кажется, будто не писателем написаны, а одним простым человеком рассказаны другому. Такова же по характеру и следующая запись.

"6.IX.53. Семь лет было при мне и это я видел своими глазами: при первых хороших дождях вода в Москве-реке прибывала, и мостики сносило, и попадать на ту сторону стало можно только на лодке. Семь лет это было у меня на глазах, а сколько времени там велось до меня.

Но в этот год было сто наводнений и мостики из воды выходили целехоньки.

— Почему так? — спросил я.

— А потому что лодочник-инвалид помер.

— Лодочник?

— Ну да, из-за него и были живые мостики".

Среди записей привлекает внимание запись о войне. Мысль в ней не очень ясно выражена, но написана она с большой внутренней силой. Видно, что война не ушла и не может уйти из памяти писателя.

"15.XI. И что ты спрашиваешь, неужели непонятно, что лучше я за человека, чем потом, не требуя подписи и не спрашиваясь, зверь войны пройдет и, не спрашиваясь, все разнесет".

Есть в записной книжке заметки, которые трудно охаракте-

ризовать. Что-то остановило внимание писателя и появилась запись.

"12.УІ. Луч ли солнечный встретился с окошком на той стороне реки или забыли на окне электрическую лампочку?"

"5.УІ. На осине листики не только вечно качаются, но пока еще ветер чуть-чуть в лесу держится, вечно друг о друга стучат".

"5. ІУ (видимо УІ). Измучили дуб снегопады".

Вместе с другими записями все эти заметки помогают заглянуть в творческую лабораторию писателя. А последняя — и как слово о себе самом.

П р и м е ч а н и я

- 1) В.Д.Пришвина. "Жизнь, как слово". Ж. "Москва", 1972, №9, стр.205
  - 2) Там же, стр.206
  - 3) М.М.Пришвин. Собрание сочинений, М., 1957, т.УІ, стр.720
  - 4) В.Д.Пришвина. "Жизнь, как слово". Ж. "Москва", 1972, №9, стр.205
  - 5) М.М.Пришвин. "Глаза Земли", "Корабельная чаша", Челябинск, 1981, стр.414
-

А.П. СВЕТЛОВ

**Книги с автографами
в адрес Д.Бедного в коллекции
Государственного Литературного
музея**

В настоящее время автографы на книгах все больше привлекают внимание не только книголюбов, но и ученых-литературоведов и писателей. В 1979 году по инициативе журнала "Вопросы литературы" на заседании, посвященном теме "Писательский автограф"¹⁾ ученые, писатели и книголюбы поставили ряд существенных вопросов, касающихся самых различных аспектов изучения автографов на книге. Заклучая конференцию, председательствовавший на ней писатель и критик Е.Осетров подчеркнул, что проблема писательского автографа — это огромный, мало изученный материк, который ждет своих исследователей²⁾.

Таковыми исследователями в первую очередь должны стать научные сотрудники литературных музеев, в фондах которых собрано большое количество книг с автографами. В Государственном Литературном музее коллекция таких книг составляет более 12.000 единиц хранения. Разумеется, атрибуция собрания книг-экспонатов требует продолжительной и упорной работы, запланированной музеем.

Предлагаемая статья ставит перед собой довольно узкую задачу — выбрать из книжного собрания музея небольшую часть книг с автографами в адрес Демьяна Бедного, прокомментировать некоторые из них как материал, помогающий изучить биографию писателя, его творческие и дружеские связи, а также проследить, как поэт передавал свой творческий опыт молодым писателям.

Демьян Бедный, один из основоположников советской литературы, был одновременно и крупнейшим книголюбом и книговедом. Если творчество Д.Бедного — поэта хорошо изучено советским литературоведением, то деятельность Д.Бедного как книговеда

и зачинателя советского библиофильства еще ждет своего исследователя. В этой области предстоит нелегкая работа, поскольку Д.Бедный никогда не писал и почти не говорил о своей собирательской деятельности.

Среди коллекционеров и библиофилов он был известен под своей настоящей фамилией – Е.Придворов. Монограммой "Е.П." он обычно метил приобретенные им книги. За свою многолетнюю деятельность на ниве библиофильства Придворов собрал уникальную коллекцию книг по отечественной и зарубежной литературе, начиная старопечатными изданиями и кончая книгами писателей-современников. Особое место в коллекции занимают самые дорогие для Д.Бедного имена: А.С.Пушкин, И.А.Крылов, Н.А.Некрасов. Их издания собраны с наибольшей полнотой.

Большое внимание уделял коллекционер собиранию книг по фольклору и истории. Среди исторических изданий преимущество отдавалось книгам, рассказывающим о революционном движении в России – от крестьянских восстаний С.Разина, И.Болотникова и Е.Пугачева до декабристов и народников. С исчерпывающей полнотой в коллекции представлены книги по истории большевистского движения, напечатанные на папиросной бумаге и нелегально издававшиеся газеты и журналы периода подготовки Октябрьской революции. Громадную ценность представляют собранные Е.Придворовым прижизненные издания В.И.Ленина.

Необходимо отметить еще одну важную особенность коллекции. В своей собирательской деятельности Е.Придворов стремился подбирать книги в их первоизданном виде – в издательских переплетах и обложках, с полной сохранностью всех иллюстраций. Поэтому коллекцию можно рассматривать еще и как свое-

образный музей книги, достаточно полно раскрывающий историю отечественного книгопечатания.

Важное место в ней занимают книги с автографами. Трудно найти среди советских коллекционеров собирателя, уделявшего такое большое внимание книгам с дарственными надписями и маргиналиями в текстах.

Все собрание книг Е.Придворова, примерно 30.000 единиц хранения, переданное в 1939 году Государственному Литературному музею, стало основой его книжных фондов.

Первый автограф в адрес Е.Придворова относится к годам его учения в Фельдшерской школе, когда будущий сатирик и баснописец делает робкие шаги в поэзии. Он пишет шуточные эпиграммы на своих одноклассников и надзирателей в школе, лирические стихи. Все это еще очень незрело и носит явно подражательный характер. Но тем не менее два стихотворения Ефима Придворова "Да будет" и "Пылая радостью" были напечатаны в газете "Киевское слово" 24 апреля и 2 мая 1899 года и юноша в кругу своих одноклассников и знакомых прослыл поэтом.

В библиотеке Демьяна Бедного хранится брошюра, написанная малоизвестным литературоведом А.Сусловым: "Разбор комедии "Горе от ума", читанный на литературной беседе в м.Хони по случаю столетия со дня рождения А.С.Грибоедова. Тифлис, 1895". На обороте титульного листа надпись: "От автора Е.Придворову, юноше-поэту . Веленью божию о, Муза, будь послушна. Обиды не страшась, не требуя венца, хвалу и клевету приемли равнодушно. И не оспаривай глупца. 1899, Киев".

К чести юноши-поэта надо сказать, что он очень трезво смотрел на свои поэтические попытки, считая ранние стихи

незрелыми и компилятивными: впоследствии Д.Бедный не включил ни одного из этих стихотворений в многочисленные сборники и собрания своих сочинений. Будущему поэту предстояло еще пройти сложный путь учения, прежде чем он найдет свое место в литературе. И тут вноше повезло. Он встретил двух людей, которых с полным основанием считал своими наставниками в литературе и в жизни. Это были поэт-народоволец Петр Филиппович Якубович и крупный революционный деятель Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. П.Ф.Якубович - личность почти легендарная, один из популярнейших поэтов своего времени. В конце 70-х годов, как вождь организации "Молодая народная воля" он был приговорен за революционную деятельность к смертной казни, замененной 18 годами каторги.

Знакомство с Якубовичем происходит в 1907 году. К этому времени Ефим Придворов - студент третьего курса историко-филологического факультета Петербургского университета. Якубович заведовал литературным отделом народнического журнала "Русское богатство". Ему-то и принес свои стихи Ефим. Три года жизни в Петербурге не прошли даром. Студенческие волнения в университете, кровавое воскресенье, трагические для России годы столыпинского режима на многое открыли глаза. В творчестве Придворова внятно зазвучали мотивы гражданской поэзии. Среди стихов, принесенных в редакцию журнала, особенно выделялись "memento", в эпиграфе к которому перечислялись города, где происходили смертные казни.

Стихотворение завершалось такими строчками:

"Виденья страшные терзают сердце мне

И мозг отравленный мой сумат.

Бессильно бьется мысль... Мне душно...И в огне

Спасите! В этот час в родной моей стране

Кого-то, где-то злобно думат".

Впервые изданы в 1910 году
в издательстве П. Я. Якубовича
« П. Я. ЯКУБОВИЧЪ-МЕЛЬНИКЪ »
1910

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Книга в стихах — стихи
В. А. Жуковский

ТОМЪ I

ШЕСТОЕ ИЗДАНИЕ.

— 000 —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1910.
Издательство Товарищества «Пресса».
Знаменский пр., отд. 2 № 75.

Тут уже был прямой намек на "стольпинские галстуки". Стихи понравились Якубовичу, но напечатать их он не решился — не пропустила бы цензура.

С этих пор началась дружба начинающего поэта с маститым писателем и революционером-народовольцем. Не много стихов удалось напечатать Придворову в "Русском богатстве", но долгие беседы в Удельной на даче Якубовича о жизни, о русской литературе, близкое общение с человеком, вся жизнь которого была служением народу, помогла Придворову задуматься о своем собственном пути в жизни, в революции, в литературе.

На одной из книг, подаренных Придворову, сборнике стихотворений (Спб., 1910г.) Якубович пишет: "Дорогому с о б р а

т у - п о э т у (разрядка моя - А.С.) Ефиму Алексеевичу Придворову на добрую память от автора. 1910.8.X." К шмуцтитулу книги прикреплено фото Якубовича. По всей видимости автограф не был знаком обычной вежливости. Маститый писатель уверен в том, что Придворов имеет право на поиск своего места в большой литературе.

Но путь в большую литературу был нелегким. Предстояло обрести свой собственный голос, преодолеть влияние других поэтов, особенно Надсона, стиль и настрой которого очень заметен в первых поэтических опытах Е. Придворова. Об интересе к поэзии Надсона свидетельствует ещё одна книга, подаренная Якубовичем Придворову - "Очерки русской поэзии", в которой речь идет о творчестве А.С.Пушкина, Н.А.Некрасова, А.А.Фета, Ф.И.Тютчева и С.Я.Надсона. В этой книге интересен не столько автограф - он по сути дела ничего не прибавляет к предыдущему ("Е.А.Придворову на добрую память"), сколько тот факт, что именно очерк "Певец тревоги юных сил", посвященный Надсону, особенно привлекает Е. Придворова. Он делает пометки, подчеркивает наиболее важные места с характеристикой творчества поэта. По ним можно догадываться о тех мучительных сомнениях, которые рождаются в душе молодого поэта. С одной стороны он сохраняет великий пиетет перед кумиром 80-х годов, а с другой - ощущает необходимость уйти от тоскливого и беспросветного пессимизма, характерного для Надсона.

Один из последних русских революционеров-народовольцев, Якубович на многое открыл глаза Придворову: помог увидеть трагедию народа нищего и обездоленного под гнетом самодержавия, поверить в силу народа. Но вряд ли Якубович мог указать моло-

дому поэту верную дорогу в жизни.

В 1911 году Якубович умер. Е. Придворов очень тяжело переживал смерть своего друга. В одном из своих писем он писал: "Тягчайшим ударом для меня была смерть П.Ф. Якубовича, которого я так полюбил (могло ли быть иначе?), как никогда не любил никого. Это был самоценный, удивительный человек по необычайной чистоте, по благородной привлекательности своего внутреннего и внешнего облика, которого не могло затемнить ничто... Тяжелая, но красивая была жизнь у П.Ф. И сам он умел увлекать на этот тяжкий, но красивый путь".³⁾

А два года спустя, вспоминая о Петре Филипповиче, Придворов, ставший к этому времени постоянным автором большевистских изданий и известным поэтом-сатириком Д. Бедным, уточнил отношение к Якубовичу: "Любил я его до самозабвения. А вот суду его всецело не поддавался". (Письмо П. Мирецкому от 12 августа 1913г. Собр. соч., т.8, стр.417).

К тому времени, когда Д. Бедный стал печататься в "Звезде" относится его сближение с В.Д. Бонч-Бруевичем, соратником В.И. Ленина, одним из ведущих сотрудников большевистских газет.

В книжных фондах Государственного Литературного музея хранятся 8 книг с дарственными надписями В.Д. Бонч-Бруевича в адрес Е. Придворова. Каждый из автографов - свидетельство большой дружбы, длившейся больше сорока лет.

Все автографы на книгах сделаны в тридцатые годы, но текст их заставляет вспомнить предреволюционное время, очень важный период в творчестве Придворова.

Свою книгу "На боевых постах Февральской и Октябрьской

революций" Бонч-Бруевич сопровождает дарственной надписью: "Дорогому Ефиму Алексеевичу Придворову на память о столь далеких и столь близких временах борьбы за Февраль и Октябрь от автора. 29 января 1931 г."

В революцию поэт пришел не сразу. Вот как вспоминает свое первое знакомство с поэтом В.Д.Бонч-Бруевич: "Достаточно было появиться первому газетному извещению о возникновении нашей новой газеты, как сейчас же редакция получила по почте от неизвестного нам поэта строки прекрасного стиха, полные молодой жизненной силы, бодрого призыва!"⁴⁾ Неизвестным поэтом, о котором пишет Бонч-Бруевич был Е.Придворов. 2 декабря 1908 г. он послал письмо на имя Бонч-Бруевича, приложив к нему стихотворение "Мemento", в свое время предложенное Якубовичу для публикации в журнале "Русское богатство".

Бонч-Бруевич, так же как и Якубович, посчитал невозможным опубликовать стихотворение по цензурным соображениям, хотя позднее всё-таки напечатал его (заменяв название "Мemento" на "Сынок") в №35 большевистской газете "Звезда" за 1911 год.⁵⁾ Но важно другое: Бонч-Бруевич увидел в "Мemento" стихи, "полные молодой жизненной силы, бодрого призыва", сумел разглядеть в начинающем поэте талант публициста и сатирика, привлечь его к постоянному сотрудничеству в большевистской печати.

С 1910 г. начинается интенсивная переписка между Бонч-Бруевичем и Придворовым, а в 1911 г. в газете "Звезда" за 16 апреля появляется стихотворение "О Демьяне Бедном - мужике вредном". С этого дня исчезает поэт Е.Придворов и появляется новый поэт, публицист и сатирик Демьян Бедный. Разницу

между этими поэтами очень четко определил И.Эвентов в книге о Демьяне Бедном: "Лирика Ефима Придворова, — писал исследователь творчества поэта, — основывалась на социальных переживаниях, вызванных общими условиями жизни страны после революции 1905 года. Поэзия Демьяна Бедного опиралась на конкретные факты политики и преследовала хорошо осознанную цель. Лирика Придворова была во многом лирикой настроений, поэзия же Демьяна Бедного стала поэзией обличения и борьбы. Журнал, печатавший Е.Придворова,⁶⁾ был для него местом публикации стихов, газета же стала школой его политического воспитания, литературной наставницей и трибуной"⁷⁾

И действительно, дружба с Бонч-Бруевичем, связь, установленная через него с большевистской газетой "Звезда", вдохнула новые силы в поэта, оказавшегося, по его собственному выражению, — "в бездорожье"⁸⁾ — особенно ошутимом после смерти П.Ф.Якубовича.

"В ваших газетах, — вспоминает Бонч-Бруевич одну из бесед с Демьяном Бедным, — нашел для себя какое-то упование на лучшее будущее, я вычитывал в них для себя какую-то надежду, призыв, силу, и меня все больше и больше тянуло к Вам, в вашу среду".⁸⁾

Бонч-Бруевич все больше привлекал Демьяна Бедного к сотрудничеству в большевистской печати, познакомил его с видными деятелями партии М.С.Ольминским, В.В.Воровским, Я.М.Свердловым: приобщал поэта к партийным делам. Когда 22 апреля 1912 года вышел номер "Правды", в газете было напечатано стихотворение "Полна страданий наша чаша", в котором звучал призыв к борьбе с самодержавием. Оно принадлежало перу Д.Бедного.

В том же году, не без помощи В.Д.Бонч-Бруевича, вышла первая книга Демьяна Бедного "Басни". И тотчас же в газете "Утро" появилась рецензия на книгу, написанная Бонч-Бруевичем. В ней давалась высокая оценка сатирическому таланту поэта и говорилось о большой роли, которую играют его стихи в борьбе большевистской партии с царским правительством. "Поэт явился в нашу литературу, - писал Бонч-Бруевич, - не божьей милостью, а божьим гневом, и мы твердо верим, что гнев его:

Велик будет и страшен
И отраден, как в засуху гром."⁹⁾

В 1912 году произошло еще одно важное событие в жизни Демьяна Бедного - поэт стал коммунистом. Отныне он большевистский писатель-агитатор. Теперь он ясно видит свою цель и свое место в литературе. "Моё искреннее и горячее желание - посылить служить скорейшему пробуждению и прояснению сознания того простого рабочего народа, из недр которого я вышел"¹⁰⁾

Вторая книга, которую хочется выделить из книг с автографами В.Д.Бонч-Бруевича в адрес Демьяна Бедного - это брошюра "Три покушения на В.И.Ленина" (М., 1930). На ее титульном листе надпись: "О страшных днях мучительных переживаний смертельной опасности августа-сентября 1918 г. в знак памяти и воспоминаний от автора Влад.Бонч-Бруевича". (М., 1931г.). В брошюре Бонч-Бруевича описываются трагические события августа-сентября 1918 года, когда было произведено три покушения на жизнь В.И.Ленина. Но подпись на книге напоминает не только о тех днях, когда Бонч-Бруевич и Демьян Бедный вместе со всем советским народом мучительно переживали каждую сводку о здоровье раненого Ильича. Это и "знак памяти и воспоминаний" о В.И.Ленине, о близком и дорогом для этих

двух людей человеке.

В становлении Демьяна Бедного как пролетарского поэта В.И. Ленин сыграл исключительную роль. Он приветствовал появление стихов Д. Бедного в "Правде" и сразу оценил ту роль, которую поэт может сыграть в борьбе за пролетарскую революцию. С 1912 г. начинается переписка Д. Бедного с В.И. Лениным. Ленин интересуется творчеством поэта, его взаимоотношениями с редакцией.

Работа Демьяна Бедного в "Правде" не всегда шла гладко. Поэт подвергался травле со стороны меньшевиков. И среди правдистов оказался сотрудник, мешавший работе и третировавший поэзию Д. Бедного. Это был Черномазов, впоследствии обличенный как тайный агент полиции. Иногда Демьяну Бедному вредил его собственный взрывчатый характер. В.И. Ленин в таких случаях призывал к терпимости, указывал на пользу, которую приносит и принесет в будущем делу большевизма незаурядный талант поэта. В известном своем письме в редакцию "Правды" Ленин писал: "Не придирайтесь, друзья, к человеческим слабостям. Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать. Грех будет на Вашей душе, большой грех... перед рабочей демократией, если Вы талантливого сотрудника не притянете, не поможете ему. Конфликты были мелкие, а дело серьезное. Подумайте об этом".^{II)}

Ленин оказался прав — Демьян Бедный с каждым годом наращивал силы как поэт и агитатор. Не без помощи Демьяна Бедного росла популярность "Правды", особенно ее литературного отдела, в котором стихи, басни, фельетоны, памфлеты поэта занимали ведущее место. Соратник Демьяна Бедного по работе в "Правде" К. Еремеев вспоминает о тех днях, когда, прес-

Книжки писаны — шогу,
и павили на книжках
дмитро — не чини.
Хочет еликозато баш
многое и елико баш,
во елико елико — дубеа
дар — баш, дубеа, елико
рди — баш!
Красно — баш, рди — баш,
дубеа — баш, дар — баш!
А. П. Бедный

Демьяну Бедному
серебряно
М. Перкин
12 января 1918.

I

В полутемной тёмной комнате, на полу, под окном, лежит мой отец, одетый в бьялое и необыкновенно длинный; пальцы его босых ног странно растопырены, пальцы ласковых рук, смирно положенных на грудь, тоже кривые; его весёлые глаза плотно прикрыты черными кружками и видных монет, доброе лицо темно и пугает меня нехорошо оскаленными зубами.

Мать, полуголая, в красной юбке, стоит на коленях, зачесывая длинные, мягкие волосы отца со лба на затылок черной гребенкой, которой я люблю перепиливать корни арбузов; мать непрерывно говорит что-то густым, хрипящим голосом, ее сѣрые глаза опули и словно тают, стекая крупными каплями слез.

Меня держать за руку бабушка, — круглая, большеголовая, сь огромными глазами и смѣшным рычлым носом; она вся черная, мягкая и удивительно интересная; она тоже плачет, как-то особенно и хорошо подпѣвая матери, дрожь вся и дергает меня, толкая кь отцу:

ледуемая царскими властями, большевистская газета подвергалась репрессиям и возобновлялась под другим названием. Рабочие — пишет Еремеев — сразу узнавали свою газету: "Вот она наша газета! — Демьян тут"¹²⁾.

Громадную агитационную работу вел Демьян Бедный в годы империалистической войны, разъясняя рабочим, крестьянам и солдатам языком стихотворного фельетона или басни антиимпериалистическую политику партии. Бичуя и зло высмеивая врагов, стихи Демьяна Бедного становились воистину народными.

Один из активных врагов советской власти, Пуришкевич, вспоминая позднее предреволюционные годы, неоднократно высоко оценил творчество Демьяна Бедного: "Среди Вас, большевиков, для нас, монархистов, опасных людей только двое. Это — Ленин,

который сумел так быстро организовать и заострить, хотя не с того конца, такую цепкую власть, и Демьян Бедный, который сумел своими агитками пролезть под каждую солдатскую шкуру глубже, чем все наши декреты и прокламации".¹³⁾

В годы, предшествовавшие революции, Демьян Бедный знакомится с Горьким. Именно тогда сближаются пути и судьбы двух пролетарских писателей. Об этом свидетельствует книга, подаренная Горьким Демьяну Бедному — ХХ том собрания сочинений Горького, где полностью была опубликована только что законченная повесть "Детство" (Пг., 1915).¹⁴⁾

Дарственная надпись гласит: "Книги писать могу, а надписи на книгах делать не умею. Хочется сказать Вам многое от души. Но однако скажу — будьте здоровы, будьте тверды духом! Крепко жму руку Вашу, дорогой товарищ. А.Пешков". А рядом на другой странице приписка: "Демьяну Бедному сердечно. М.Горький (январь 1915 г.)". Уже сам текст автографа говорит о несомненной духовной близости дарителя и адресата. Любопытно сравнить текст этого автографа с дарственной надписью Горького в это же время и на такой же книге, подаренной В.В.Маяковскому: "Без слов от души Владимиру Владимировичу Маяковскому М.Горький".¹⁵⁾ Горький, внимательно следивший за творчеством Маяковского, признававший незаурядное дарование поэта, настроен дружелюбно, но с оттенком вежливости и без той теплоты, которая явно ощутима в дарственной надписи в адрес Демьяна Бедного.

О Д.Бедном впервые Горький, по-видимому, узнал от В.И.Ленина, который писал ему на Капри, после того как прочитал только что вышедшие из печати "Басни" Д.Бедного: "Видали ли "Басни" Демьяна Бедного? Вышлю, если не видали, черкните, как находите." ¹⁶⁾

Неизвестно, как отнесся к басням Д.Бедного Горький, но знакомство началось и продолжалось. Сначала заочно (рассказы Горького и Д.Бедного довольно часто одновременно читались в рабочих клубах), а затем и лично: 31 декабря (по старому стилю) 1913 г. Горький возвращается в Россию и поселяется на даче в Мустамяки, где в это время жил и Д.Бедный. Они часто видятся и с каждым разом обнаруживается общность интересов и взглядов. Для них обоих одинаково неприемлем мещанско-буржуазный тон официальной печати, охвативший литературу дух упадничества и опустошенности, против которого Горький и Д.Бедный ведут ожесточенную борьбу. Еще в сентябре 1913 г. Горький поместил в газете "Русское слово" статью "О карамазовщине" в связи с постановкой Художественным театром инсценировки романа Достоевского. Горький выступал против попытки использовать творчество Достоевского для защиты реакционных идей. Тотчас же буржуазная печать ополчилась против Горького, печатая в его адрес крайне тенденциозные статьи. В защиту писателя тогда выступила "Правда", а Д.Бедный напечатал в ней басню "Бесы", в которой зло высмеивал всю биржевую рать.¹⁷⁾

В июле 1914 года Д.Бедный был призван на фронт, но связь с Горьким не прекратилась. С фронта идут в Мустамяки письма. Д.Бедный посылает Горькому и некоторые свои басни-переводы из Эзопа для опубликования в журнале "Современник".¹⁸⁾ Горький подумывает о том, чтобы включить некоторые стихотворения Д.Бедного в сборник пролетарских писателей, готовящийся к печати. Однако в последний момент решает не печатать Д.Бедного из боязни подставить поэта под удар царской полиции, которая очень интересуется баснописцем.

Во время своих двух отпусков из действующей армии Д.Бедный часто виделся с Горьким. Они вместе встречают новый, 1915 год. Тогда-то и дарит Горький свою книгу Д.Бедному.

Краткие наезды в Петероург из армии оставляют очень мрачные впечатления. В среде интеллигенции духовный разброд, многие из писателей, в частности С.Черныи, к творчеству которого Д.Бедный относился с уважением, не лишены некоторой зависти к его сатирическому таланту, заразился духом оборончества. И встречи с Горьким были особенно важны и дороги.

Д.Бедный в одном из своих писем к мене писал с фронта: "Кланяйся Алексею Максимовичу и скажи ему, что не будь его - вернулся бы я из последнего отпуска совершенно убитым: такую перемену нашел я в людях, которых считал более-менее стойкими". 19)

В 1916 году Д.Бедный возвращается в Петероург. Его посчитали неблагонадежным и демобилизовали, инкриминировав ему в первую очередь связь с Горьким.

Среди книг с автографами в адрес Д.Бедного этого периода интересно отметить книгу Е.Н.Чирикова "Лнность, изгнание" (М., 1911), которая является частью тетралогии писателя "Жизнь Тарханова".

На шмуцтитутле надпись: "Милому Демьяну Бедному на память о нашем душевном слиянии на процессе русских сектантов. 1914. 18 марта".

Атрибутировать этот автограф довольно сложно, поскольку о взаимоотношениях Чирикова и Д.Бедного ничего не известно. Здесь можно только делать предположения. Скорее всего Д.Бедный встретился с Чириковым или у Горького, или у Бонч-Бруев-

вича, в доме которого поэт познакомился со многими писателями горьковского окружения.

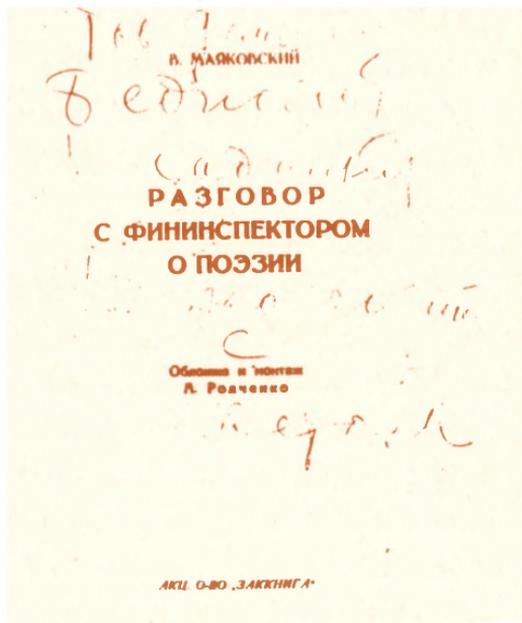
Что касается "процесса русских сектантов", упомянутого в надписи на книге, то можно предположить, что Д.Бедный заинтересовался сектанством не без влияния Бонч-Бруевича, который выпустил несколько книг по этому вопросу.

В те годы сектанты довольно часто подвергались преследованиям со стороны официальной религии и государства. Шли бесконечные судебные процессы. На одном из них, возможно, присутствовали Д.Бедный и Чириков. Их не могли не возмутить очередные репрессии самодержавия, хотя оба не разделяли идей сектантов.

В послереволюционные годы и особенно в годы гражданской войны творчество Демьяна Бедного достигает своего расцвета. Именно в это время в лучших фельетонах, осянях, памфлетах и прокламациях ему удается точно соразмерить форму и содержание своих произведений. Одновременно поэт пишет множество песен и частушек, постоянно совершенствуя это направление, глубоко и серьезно изучая опыт народного творчества.

В эти годы у Д.Бедного появляются товарищи по сатирическому оружию.

В первую очередь тут нужно сказать о Маяковском. Оттачивая "оружия любимейшего род", он обращался к творческому опыту Д.Бедного - сатирика. Об этой поре сотрудничества двух поэтов напоминает автограф Маяковского на подаренной Д.Бедному книге "Разговор с Фининспектором о поэзии" (М., Заккнига, 1926): "Тов. Демьяну Бедному Владимир Маяковский с приветом".

Маяковский, неустанно доказывая в своих статьях и публичных выступлениях, что от искусства нынешнего дня нужно требовать, чтобы оно помогало строить советское государство, неоднократно ссылаясь на творчество Демьяна Бедного. Он писал, что стихи Д.Бедного – "Это правильно понятый социальный заказ на сегодня, точная целевая установка".²⁰⁾

Отмечая гражданственность поэзии Д.Бедного, острую направленность его сатиры, В.Маяковский в то же время высоко ценит его поиски в области формы стиха, отмечает удачное построение его сатирических стихов. Важно для стиха, чтобы он был в смешном размере, уже самим ритмом вызывал смех. Например, стих Демьяна Бедного о Вандервельде:

"Посмотрите, Наркомюст, Наркомюст;
Что за ножи, что за бюст,
Да". 21)

Известно, что личные взаимоотношения Маяковского с Демьяном Бедным не всегда носили характер полного единодушия. Но важно другое: несмотря на непонимание, которое иногда возникало между двумя поэтами, в главном они были едины.

Смерть Маяковского Д.Бедный переживал как личную потерю. В фондах музея хранится книга из его библиотеки – альманах "Талия" на 1800 год, на форзаце которой надпись: "13.4.1930. Был у гроба Маяковского. Грусть".

А в некрологе, напечатанном в "Правде", он писал: "Оборвалась одна из самых сильных, красочных, своеобразных, неповторимых страниц великолепнейшей книги, где собраны сокровища русской поэзии" ("Правда" от 15 апреля 1930 г.).

Следующая книга вводит нас в круг целой плеяды писателей, содружество которых возникло на базе боевого жанра советской литературы – сатиры.

С 1922 года начал издаваться новый советский сатирический журнал "Крокодил", и Д.Бедный стал одним из первых его сотрудников.

В книжных фондах музея есть конволют газеты "Рабочий" ²²⁾ и журнала "Крокодил" за 1922 год. В 1923 году комплект был подарен Демьяну Бедному с надписью: "Демьяну Бедному от крокодилей компании. Крокодилией батяню Еремеев, художники Иван Малютин, Черемных, Моор и поэт Вас.Лебедев-Кумач".

Среди подписавшихся в первую очередь нужно выделить

К.С.Еремеева, человека, с которым судьба свела Демьяна Бедного еще до революции, в годы работы поэта в "Правде". В большевистской газете Еремеев, или, как его называли сотрудники, — "дядя Костя", был очень заметной фигурой. Этот преданный делу партии коммунист, соратник Ленина, заведовал отделом рабочих писем.

Не было ни одного из дореволюционных правдивов, кто бы не вспоминал с нежностью и уважением Еремеева. С неизменной трубкой в зубах, он в самые тяжелые времена не оставлял свой пост и был верен своей газете. Именно эта трубка перекочевала впоследствии в зубы крокодила, стала эмблемой журнала, организатором и вдохновителем которого был К.Еремеев. Давнее знакомство Д.Бедного с Еремеевым перешло затем в дружбу. Еремеев много и хорошо писал о поэзии Д.Бедного, а, когда в 1922 году вышел однотомник произведений поэта (изданный газетой "Рабочий" — будущим "Крокодилом"), Еремеев принял самое деятельное участие в его подготовке и написал к нему предисловие. Из других сотрудников, подписавшихся под адресом, необходимо отметить замечательного советского художника-карикатуриста Д.Моора. Его творчество развернулось в годы гражданской войны. Плакаты Моора нередко сопровождались стихами Д.Бедного и В.Маяковского.

Тесное творческое содружество связывало Демьяна Бедного и с другим советским художником — Дени. Дени был одним из основоположников советского сатирического плаката. В годы гражданской войны он бил смехом главарей Антанты, разоблачал интервентов, а после гражданской войны "взял на карандаш" оппортунистов из лагеря меньшевизма, переметнувшихся на сторону буржуазии. Многие из карикатур Дени могли бы

служить иллюстрациями к сатирам и памфлетам Д.Бедного. Его творчество художник считал образцом революционной сатиры.

Именно поэтому Дени преподносит Д.Бедному альбом своих политических рисунков "Лицо международного меньшевизма" (М-Л, 1931) с дарственной надписью на обороте титульного листа: "Нашему вдохновителю Демьяну Бедному с горячим приветом от Дени. 14.X.31."

Творческое содружество поэта и художника продолжалось долго, и в годы Отечественной войны Дени будет создавать антифашистские плакаты и рисунки на стихи Демьяна Бедного.

Рассматривая окружение Д.Бедного и его творческие связи, необходимо назвать еще одного человека, никогда не упоминавшегося в литературе о Д.Бедном. Это Василий Васильевич Князев. О близости двух поэтов говорят три книги из библиотеки Д.Бедного, подаренные Князевым. Одна из них - "Первая книга стихов" (Пб. 1919 г.) с дарственной надписью: "Дорогому товарищу, другу и брату в знак любви, благодарности.

Его 33 несчастья (Только что вставши с постели из-за 18 ран на голове попал под трамвай). Дорого иметь от Вас письменную весточку. Обязательно Ваш В.Князев проспект 25 Октября дом 24 кв. 152".

Творческие биографии двух поэтов очень схожи. ²³⁾ В.Князев был почти ровесник Д.Бедного. Он родился в 1887 году, печататься начал раньше Д.Бедного - с 1905 года, войдя в литературу как автор революционных песен и баллад. Но главным образом поэт выступал как сатирик с баснями, сказками и частушками антимонархического содержания.

Объединял двух поэтов интерес к народному творчеству. В.Князев пользовался не только советами Д.Бедного, но и кни-

гами из его уникальной библиотеки, где были собраны редчайшие издания по русскому народному творчеству. Передавая Д.Бедному книгу "Русь" - сборник избранных пословиц, присловов, поговорок и прибауток, изданный в 1924 г., В.Князев пишет: "Дорогому Демьяну Бедному, В.Князев. Твоя от твоих тебе приносяще".

Изучение фольклора - не без влияния Д.Бедного - натолкнуло В.Князева на мысль собрать книгу народных текстов. В 1930 г. книга была завершена, но издание ее встретило большие затруднения. Вскоре удалось издать небольшую часть фундаментального труда под названием "Книга пословиц. Выборки из пословичной энциклопедии". Ее-то и посылает составитель Д.Бедному с просьбой помочь издать книгу целиком. На титульном листе он пишет: "Товарищу Демьяну Бедному с просьбой об отзыве - это же Ваше родное поле. В.Князев". Ниже следует короткий рассказ о неудачах, связанных с книгой: "Настоящая книга лишь 1/50 часть всей законченной ныне (после 26 лет работы) опытной пословичной и бауточной энциклопедии. Долининская Русь. Но и эта 1/50 часть труда невероятно изуродована редакционными сокращениями. В.К."

Дальнейшая судьба энциклопедии неизвестна. По-видимому, она так и не была издана.

Еще один автограф на книге помог узнать о литературной работе человека, на первый взгляд довольно далеко стоявшего от цеха сатириков. Это видный деятель коммунистической партии И.И.Скворцов-Степанов, деятельность которого теснейшим образом связана с историей газеты "Известия". Мало кому известно, что Скворцов-Степанов писал ядовитые фельетоны под псевдонимом Федоров.

Что касается дружбы одного из крупнейших советских

журналистов с Д.Бедным, то она началась еще до революции, когда Скворцов-Степанов стал главным редактором "Известий" и пригласил в газету Д.Бедного. Еще в марте 1917 г., будучи командированным партией в "Известия", где в то время большую часть сотрудников составляли меньшевики и эсеры, И.Скворцов-Степанов начал публиковать в газете статьи о крупнейшем деятеле французской революции Марате. Под именем Марата подразумевался В.И.Ленин, а под жирондистами, которых зло высмеивал автор — меньшевики и эсеры. Впоследствии статьи были изданы отдельной книгой к величайшему неудовольствию "русских жирондистов".

Шестое издание своей книги, вышедшее в 1924 году, И.И.Скворцов-Степанов подарил Д.Бедному с надписью: "Дорогому товарищу, несравненному мастеру русского языка и неотомимому борцу Д.Бедному".

Книга была вдвойне ценна для Д.Бедного, поскольку именно шестое издание автор посвятил памяти В.И.Ленина. Д.Бедный хранил ее рядом с прижизненными изданиями В.И.Ленина.

Книги с автографами в адрес Д.Бедного в значительной мере опровергают встречающееся в литературе о Бедном высказывание о некоторой отчужденности поэта от своих молодых или менее опытных собратьев по перу. В надписях, подаренных Д.Бедному, прослеживается большая работа поэта (о ней он мало говорил и писал), связанная с помощью начинающим писателям.

Первыми в ряду тех, кому помогал Д.Бедный, нужно назвать Л.Н.Войтоловского, человека с большим литературским стажем, журналиста, перу которого принадлежит статья о первом сборнике басен Д.Бедного.²⁴⁾ Дружба с ним, начавшаяся до революции, продолжалась до смерти Войтоловского (Л.Н.Войтолов-

ский умер в 1941 году).

В 20-е годы Войтоловский работал над книгой о войне, используя записи, которые он вел на фронте. Д.Бедный помогал ему, тем более, что сам в свое время задумал книгу на эту тему, но, вынужденный из-за слезки уничтожить свои фронтовые дневники, так и не смог ее написать.

В 1925 году книга Войтоловского "По следам войны. Походные записки 1914-1917 гг." вышла из печати в двух томах с предисловием Д.Бедного.²⁵⁾ Сразу же при выходе из печати один экземпляр был подарен Д.Бедному с надписью на первом томе: "Любимому другу Ефиму Алексеевичу Придворову (Д.Бедному) с радостной преданностью в день выхода этой книги. Л.Войтоловский. 12.X.25".

Видный советский военный деятель А.И.Тодорский писал в своих воспоминаниях о Демьяне Бедном: "Много лет назад завязалась наша дружба с Демьяном Бедным. Демьян Бедный был старым большевиком, уже маститым писателем, жил в столице. Я только вступил в партию, был молодым газетным работником, жил в глухой провинции и выпустил в свет единственную книжку в медвежьем углу. Однако, как только эта книжка "Год с винтовкой и плугом" (1918) дошла до Москвы, Демьян Бедный тотчас прислал мне теплое письмо, ободрял, желал дальнейших творческих успехов, советовал особо внимательно читать Глеба Успенского. При активном участии Демьяна Бедного эта книга попала на стол товарища Ленина. На этом основании я с полным правом считал Демьяна Бедного моим крестным отцом, оказавшим огромное влияние на мой последующий журналистский путь. Говоря же простым языком, Демьян Бедный был бескорыстным другом и наставником литературной молодежи".²⁶⁾

Впечатления о Весеьгонском крае, полученные при чтении

книги Тодорского, заставили Д.Бедного поехать в Весъегонск. Поэт гостил в городе десять дней и много раз встречался с Тодорским. В одну из таких встреч Тодорский подарил Д.Бедному другую свою книгу "Черные страницы Весъегонской истории". В ней говорилось о тяжелой судьбе народа в дореволюционном Весъегонске. На первом листе книги Тодорский написал: "Демьяну Бедному в воспоминание того, что делалось на "Золотом поле" до 25 октября 1917 г. 15.7.19".²⁷⁾

Так началась дружба, которую эти люди сумели пронести через всю дальнейшую жизнь. Тогда же по следам своей поездки в Весъегонск Д.Бедный написал стихотворение "Рак на золотом поле". Оно было помещено в повторном издании книги "Год с винтовкой и плугом" (М.-Л., ГИЗ, 1927, стр.266).

Надо сказать, что Д.Бедный, всегда самым тесным образом связанный с газетой, поддерживал близкие отношения со многими газетчиками и журналистами. Среди книг Д.Бедного есть издание его поэмы "Кострома" (Кострома, 1924) – поэтический отзыв о ленинском плане электрификации всей страны. На обороте титульного листа надпись: "Демьяну Бедному сотрудники костромской газеты "Красный мир". Распространяя Вашу поэму "Кострома" среди костромского крестьянства, уверены, что "перо Жар-Птицы" скоро будет светить во многих деревнях и селах Костромской губернии! Под текстом восемь подписей.

С другим газетчиком – М.Зингером Д.Бедного связывало многолетнее сотрудничество в "Известиях" и "Правде", где Зингер был штатным корреспондентом. Неутомимый полярный путешественник, Зингер четыре раза прошел Северным морским путем от Мурманска до мыса Дежнева. Одновременно он собирал частушки народов дальнего Севера. Одна из этих частушек о призыве в Красную Армию была использована Д.Бедным в песне,

написанной по просьбе командования Особой дальневосточной армии: "Нас побить, побить хотели". Положенная на музыку композитором А. Давиденко, она стала одной из популярных народных песен.²⁸⁾

Память о дружбе двух писателей сохранил автограф на книге Зингера "Сквозь льды и Сибирь".

Автограф другого журналиста и газетчика Л. Муханова сделан также на книге, связанной с арктическими путешествиями — и это не случайно. Д. Бедного очень интересовала проблема советского освоения Арктики. Он интересовался и развитием советской авиации, собрал у себя в библиотеке большую коллекцию книг по этому вопросу.

На титульном листе книги "В страну ледяного молчания. Поход ледокола "Георгий Седов" на землю Франца Иосифа и землю Северную" (Архангельск, 1932г.) автор пишет: "Коммунисту, поэту, писателю Ефиму Алексеевичу Бедному от маленького автора, увидевшего величие и красоту Арктики, а самое главное познавшего новые отношения людей, работающих в "стране молчания" Л. Муханов. Буду несказанно рад поднести Вам книгу о великом походе "Сибирякова".

О работе Д. Бедного с молодыми писателями могли бы рассказать сотни книг с автографами в его адрес. Тексты этих автографов заняли бы десятки страниц. Приходится ограничиться небольшой их частью. Здесь дарственные надписи на книгах писателей, которые стали впоследствии известными, есть и малоизвестные писатели, и даже писатели несостоявшиеся, чьи имена забыты.

И. Уткин, которому Д. Бедный не раз помогал советом и делом, преподнося старшему поэту свою поэму "Повесть о рыжем Мотэе" пишет: "Красным карандашом, красному писателю 188.

от внука по литературе с искренней сердечностью Иосиф Уткин 21.11.26".

Поэт Н.Власов-Окский, посылая сборник своих стихов "Песни свободы" (Тверь, 1919) подчеркивает: "Товарищу Демьяну Бедному для отзыва".

Начинающий поэт Д.Морской, давая на суд Д.Бедного сборник стихов "Сурдина пурги..." (Л., 1927) пишет: "Если с первого выхода не пою как Шаляпин, то пою как Дмитрий Морской. Послушай меня Демьян Бедный, не отвернись. Январь. 1929".

Я.З.Городской, посылая свою брошюру о строительстве горьковского тракторного завода "Тракторобуд" (Литературный рапорт 2-й партконференции тракторстроя ГАРТ, из-во Пролетарских писателей) на форзаце книги делает надпись: "Тов. Демьяну Бедному, старшему пролетарскому поэту-рапповцу Я.Городской. 30.11.31".

Прозаик И.Лукашин дарит свою повесть "Пыльные" (М., 1927) и пишет: "Духовному товарищу нашей Красной Армии, ее вдохновителю Демьяну Бедному с любовью от автора. 2.11.28.Москва".

В.Костылев, в будущем известный автор трилогии об Иване Грозном, даря свой роман из петровской эпохи "Питирим" (Горьковское из-во, ОГИЗ, 1936) подчеркивает в автографе на книге: "Великому поэту Советского Союза, горячо любимому поэту, сыгравшему большую роль в художественном и политическом воспитании моем, Демьяну Бедному, приношу на суд свой роман "Питирим". В.Костылев. 5.11.36.Горький".

Малоизвестный советский прозаик Б.Тимофеев дарит Д.Бедному свою повесть "Чаша скорбная", 1918 г. с надписью на книге: "Демьяну Бедному - крепкому человеку с любовью. 1.11.1919". И тут же: "Милый, любить можно человека, у которого с тобой дух одинаков. Разные у нас писания - цель одна".

Поэт Андрей Хмельной, посылая на рецензию книгу стихов "Любовь и борьба" (Духовщина, 1928) делает надпись: "Любимому поэту Д.Бедному на отзыв автор". А на последней странице пишет стихотворение, посвященное Д.Бедному и написанное под Д.Бедного.

Очень любопытна книга, изданная двумя поэтессами Е.Калининой и Е.Дружининой о самом Д.Бедном: "Рассказ о Ефиме, мальчике невредном, и о поэте Демьяне Бедном" (М.-Л., 1930) с надписью: "Герою этой книги с искренним чувством. Е.Дружинина".

Книги Д.Бедного неоднократно переводились на другие языки. Один из переводчиков Д.Бедного на латышский, К.Я.Рассонс, посылает свой перевод сатир поэта с надписью: "т.Демьяну Бедному от переводчика, г.Новосибирск, 1930. К.Рассонс"; а на обороте обложки добавляет: "Уважаемый тов.Демьян, сердечно благодарю за высланную мне книгу "Старое и новое". Не смог сразу переслать избранных басен на латвийском языке, так как был болен долгое время. Сейчас посылаю".

С баснописцем М.П.Годованцем Д.Бедного связывала многолетняя дружба. Годованец учился у Д.Бедного, переводил его басни на украинский язык. Выпустив книгу басен "Байки", изданную в Полтаве на украинском языке, он тотчас прислал ее Д.Бедному и написал на ней: "Дорогому учителю-баснописцу Демьяну Бедному от земляка-байкаря М.Годованец". Сохранилось письмо Д.Бедного Годованцу по поводу его басен, в котором Д.Бедный писал: "Годованцу Н.П. Дорогой товарищ! Я с большой радостью ознакомился с баснями такого моего талантливого "ученика" и земляка, как Вы. Желаю Вам дальнейших преуспевааний. В пору моей юности я крепко увлекся глебовскими переводами басен Крылова, и некоторые из них мне по-
190

казались удачнее оригинала, чего и Вам желаю - в смысле уда-
чи при перекладе моижбасен. Именно перекладывайте, а не пе-
водите. Побольше украинского колорита. Относительно пред-
словия я обратился к сих дел мастеру т.Ефремину, который
тоже наш земляк. Он с Вами непосредственно спшнется. Пиши-
те мне "Коли що собо". Товарщеский привет. Демьян Бед-
ный". 29)

Это письмо - пример бескорыстного учительства молоде-
жи, о котором писал в своих воспоминаниях о Д.Бедном А.То-
дорский.

Из большого отряда писателей и учеников Д.Бедного необхо-
димо выделить поэта А.Жарова. И не только потому,
что на его творчество в значительной мере повлиял Д.Бедный,
а еще и потому, что между молодым поэтом и маститым литера-
тором завязалась дружба, за долгие годы выдержавшая самые
суровые испытания. В тяжелые для Д.Бедного годы, когда
поэта лишили возможности печататься, а затем исключили из
партии, Жаров поддержал его и помог выстоять. В 1931 г. Жа-
ров дарит Д.Бедному сборник "Стихи и уголь"(М.,1931), напи-
санный по следам рейда в Донбасс агитбригады "Комсомольской
правды" во главе с А.Жаровым. Одним из инициаторов поездки
был Д.Бедный, и поэтому автограф на книге носит характер от-
чета: "Дорогому Ефиму Алексеевичу скромный итог моего "уголь-
ного похода" А.Жаров. 27.X.31". В годы Отечественной войны,
когда Д.Бедный был вновь призван в строй советских писате-
лей, А.Жаров и Д.Бедный становятся равноправными соратника-
ми по оружию, обслуживая фронт и участвуя в борьбе советских
людей с фашизмом.

Заключая обзор книг с автографами в адрес Д.Бедного,
необходимо сказать о книгах с дарственными надписями сорат-

ников его на увлекательном пути библиофильства и книговедения, связанного с пристальным изучением литературного процесса. Для этих людей, так же как и для Е.Придворова, эти понятия были синонимами.

В свое время известный литературовед и критик П.Коган, посылая свою книгу "Пролог. Мысли о литературе и жизни", изданную в 1915 году в Петрограде, надписал на ней: "Д.Бедному на память о вчерашнем разговоре. Этот разговор помню. После него мне стало легче. Многое, что волновало вчера, уже не волнует сегодня. 10.3.1926". Известный пушкинист Н.Л.Бродский дарит Д.Бедному "Комментарий к роману А.С.Пушкина "Евгений Онегин" с надписью: "Поэту Демьяну Бедному на строгий суд".

Историк и литературовед П.Е.Щеголев, посылая Е.Придворову несколько книг, на одной из них ("Пушкин и мужики") пишет: "Ефиму Алексеевичу инспиратору этой книги от автора в знак приязни".

Среди многочисленных книг с автографами нужно особо выделить книги, подаренные И.Н.Розановым.

Большой знаток и исследователь отечественной литературы, особенно поэзии, профессор МГУ И.Н.Розанов был одним из замечательных советских библиофилов и знатоков книги. В 1919-1941 гг. И.Н.Розанов возглавлял отдел истории книги в Историческом музее. Розанов собрал замечательную коллекцию книг по отечественной поэзии.

Отношения И.Н.Розанова и Е.Придворова были дружескими, но в то же время носили характер соревнования в деле коллекционирования книг.

Во многом интересы этих двух библиофилов совпадали. Розанов, так же как и Е.Придворов, большое внимание уделял

поискам изданий с текстом народных песен. Оба собирателя упорно и целеустремленно коллекционировали книги малоизвестных поэтов начала и середины XIX века. Об этих устремлениях собирателей говорят и тексты автографов на книгах.

На книге "Поэты двадцатых годов XIX века" Розанов пишет: "Демьяну Бедному от автора в знак общего интереса к Слепушкину см. 25 стр. этой книги". На 25 странице автор поместил очерки о поэте - выходец из крестьян, на творчество которого в свое время обратил внимание Пушкин.

Другая книга - небольшая брошюра о Ф.И.Тютчеве "Запоздалая слава. Речь на юбилейном тютчевском заседании в обществе любителей российской словесности 26 октября 1926 г." На первой странице брошюры надпись автора: "Д.Бедному в связи с разговором по телефону о неизвестных талантах". Здесь имеется в виду, что и сам Ф.И.Тютчев был долгое время неизвестным талантом.

Таким образом, автографы на книгах Д.Бедного являются важным источником изучения его творческих связей с современниками и имеют прямое отношение к истории книги, прекрасным знатоком которой был поэт.

П р и м е ч а н и я

- 1) "Вопросы литературы", 1979, №7, стр.302.
- 2) Там же, стр.306.
- 3) Письмо В.Д.Бонч-Бруевичу от 13 апреля 1911г.
Собр. соч. , т.8, стр. 401-402.
- 4) В.Д.Бонч-Бруевич. Как начинался Д.Бедный. В книге
"Воспоминания о Демьяне Бедном", М., 1966, стр. 15-16.
- 5) Именно за это стихотворение номер был конфискован.
- 6) Имеется ввиду "Русское богатство".
- 7) Эвентов И.С. "Жизнь и творчество Демьяна Бедного".
Л., 1967, стр.38.
- 8) Воспоминания о Д.Бедном. М., 1966, стр.29.
- 9) Там же, стр.33.
- 10) Д.Бедный. Собрание сочинений в 8-ми томах. М. Худож.лит.
1963-1965. Письмо П.П.Мирецкому от 23 мая 1913г. Т.8, стр.408
- 11) В.И.Ленин. Полное собрание сочинений, Издание 5, Т.48,
стр.182.
- 12) К.Еремеев. Демьян Бедный - боец революции. В книге
"Демьян Бедный". Собр. соч. в I-м томе. 1909-1923,
Госиздат, М., 1924, стр.19.
- 13) Цитата по книге: Ирина Бразуль. Демьян Бедный. М., 1967.
Серия ЖЗЛ, стр.187.
- 14) Книга вышла в издании "Жизнь и Знание", которое редакти-
ровал В.Д.Бонч-Бруевич. Выходные данные титульного листа
не точны: книга вышла не в 1915 г., а в конце 1914 г.
- 15) "Летопись жизни и творчества А.М.Горького". Вып.2, М.,
изд. АН СССР, стр.535.

- 16) В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание 5, Т.48, стр.180.
  - 17) Статьи против Горького печатались в реакционной газете "Биржевые ведомости".
  - 18) Басни не пропустила цензура.
  - 19) "Летопись", вып. 2, стр.489.
  - 20) Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13-ти томах, М., 1955-1961, т.12, стр.88
  - 21) Там же, т.12, стр.31
  - 22) Газета была непосредственным предшественником журнала.
  - 23) Биографические сведения о В.Князеве довольно скудные. В 1937 г. он был репрессирован и впоследствии посмертно реабилитирован, но литературоведение после 50-х годов крайне мало уделяло внимания этому незаурядному поэту и фельетонисту.
  - 24) Войтоловский написал рецензию на книгу, высоко оценив талант Д.Бедного почти следом за уже упомянутой статьей В.Д.Бонч-Бруевича.
  - 25) Предисловие представляет большой интерес для биографов Д.Бедного, поскольку именно здесь поэт впервые рассказал о том, как он написал свои знаменитые "Проводы" по совету В.И.Ленина.
  - 26) Воспоминания о Д.Бедном, стр.123
  - 27) "Рак на золотом поле" - герб города.
  - 28) Воспоминания о Д.Бедном, стр.291.
  - 29) Д.Бедный. Собрание сочинений в 8-ми томах, М.,Худож.лит., 1963-1965. т.8, стр.460
-

Дорогой Александр
Александрович Радсевич
существенно сходят в
"Молодые Ветры" подлинную
книгу и для нашей эпохи
и о нашей эпохе.

С любовью, уважен
ем и благодарностью

Мария Шанина

12/II 47

Ю.Н. ИВАНОВ

**«. . . Великолепному режиссеру
советской литературы. . .»**

**книги с автографами писателей
союзных республик
из библиотеки А.А.Фадеева)**

"Александр Фадееву, великолепному режиссеру советской литературы, который умеет увлекаться чужими произведениями как своими собственными". Такую надпись сделал известный советский поэт Илья Сельвинский на своей книге "Лирика и драма", подаренной им автору "Разгрома" и "Молодой гвардии". Книга И.Сельвинского хранится в настоящее время в отделе редких книг книжных фондов Государственного Литературного музея, в собрании книг с автографами из библиотеки А.А.Фадеева. Это собрание передала в дар музею вдова писателя, народная артистка СССР А.О.Степанова.

Более пятисот томов насчитывает собрание книг с автографами писателей в адрес А.А.Фадеева. Здесь книги на русском, украинском, узбекском, грузинском и на других языках братских литератур Советского Союза, книги, присланные из многих зарубежных стран. Автографы Алексея Толстого, Константина Паустовского, Аркадия Гайдара, Александра Твардовского, Николая Тихонова, Константина Федина, Ильи Эренбурга, Назыма Хикмета, Бернарда Шоу, Юлиана Тувима, Анны Зегерс и многих других широко известных советских и зарубежных писателей.

Характер надписей на книгах, подаренных А.А.Фадееву, весьма разнообразен: от строго официальных до шуточных, от сугубо прозаических до стихотворных. Но все они продиктованы чувством глубокого уважения к писателю, человеку, организатору, на протяжении многих лет возглавлявшему Союз писателей СССР.

Широко известна большая роль А.А.Фадеева в деле развития многонациональной советской литературы. "После Горького,

ПАВЛО ТЫЧИНА

ИЗБРАННОЕ

ПЕРЕВОД С УКРАИНСКОГО

Борислу
Александрю Александрову
Фадееву

Строгану и Задорену
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1945
Трипу и Филонцу
Шевкуну и Борису

Бухте
от Павла Тычины

пожалуй, никто из наших писателей не был так тесно связан с литературной жизнью и литераторами советских республик. И самым важным в этих отношениях Фадеева была не только личная дружба, неизменно возникавшая и длившаяся годами и десятилетиями, а цельное и последовательное убеждение, что будущее художественного развития нашего общества лежит на путях создания литературы нового типа — многонациональной по языку, художественным тенденциям и формам, свободно развивающейся на основе общности исторических целей и практической деятельности содружества социалистических наций¹⁾).

Как свидетельства творческих связей с писателями разных национальностей и народностей хранились в библиотеке А.А.Фадее-

ева их книги с дарственными надписями.

"Дорогому Александру Александровичу Фадееву, сумевшему создать в "Молодой гвардии" подлинную книгу и для нашей эпохи и о нашей эпохе. С любовью, уважением и благодарностью Мариэтта Шагинян. I2.II.47". Эта надпись сделана на книге "Тарас Шевченко" (М., ГИХЛ, 1946).

"Дорогому Александру Александровичу Фадееву - строгому и задушевному, лирику и философу, Человеку с большой буквы от Павло Тычины" - автограф на сборнике "Избранное" (М., Советский писатель, 1948).

"Дорогому Александру Александровичу Фадееву, корифею советской литературы с душой молодогвардейца от автора. 7.I.47г." С такой надписью подарил А.А.Фадееву свою книгу "Избранное" (М., ГИХЛ, 1946) известный таджикский поэт Лахути.

Разными писателями в разные годы сделаны эти надписи, но они зафиксировали то, что не подвластно времени - братское единение литератур.

Известный советский поэт Александр Яшин в своих воспоминаниях об А.А.Фадееве рассказал о том, как в 1939 году он был приглашен в Киев на юбилейный шевченковский пленум Союза писателей. В поезде по дороге в столицу Украины Александр Фадеев сказал ему: "Воспользуйтесь случаем, познакомьтесь с украинскими поэтами: могучая поэзия!"²⁾ В этих словах - чувство любви и гордости за украинскую поэзию, украинскую литературу. Этим же чувством продиктованы многие выступления писателя по вопросам развития всей нашей многонациональной литературы. В 1943 году в статье "О советском патриотизме и на-

циональной гордости народов СССР" он писал: "Народы СССР создали и развивают свою промышленность, передовое сельское хозяйство, национальную культуру и искусство и двигают вперед развитие человеческой культуры и цивилизации ничуть не меньше, чем народы Западной Европы".³⁾ Он был большим другом многонациональной советской литературы. Это подчеркивают и надписи на книгах, подаренных А.А.Фадееву писателями союзных республик.

"Большому другу азербайджанской поэзии, дорогому Александру Александровичу Фадееву с любовью товарища по перу. С.Вургун." Этот автограф замечательного азербайджанского поэта сделан на его книге "Избранные произведения" (М., ГИХЛ, 1948).

"Близкому другу и ценителю киргизской советской литературы, дорогому аксакалу Александру Александровичу Фадееву от автора". С такой надписью подарил А.А.Фадееву свою книгу "Люди наших дней" киргизский прозаик Тугельбай Сыдыкбеков. (Книга издана в Ленинграде в издательстве "Советский писатель" в 1948 году).

"Глубокоуважаемому тов. А.А.Фадееву - другу литовской литературы. К.Корсакас. 20.2.1949. Вильнюс". Это автограф на сборнике "Антология литовской прозы и поэзии "Знамена", изданном на литовском языке в 1948 году.

В ряде автографов отмечено значение творчества Александра Фадеева, влияние его произведений на формирование писательских индивидуальностей.

"Александру Александровичу Фадееву, творцу "Разгрома" и "Молодой гвардии" Андрей Упит. Рига, 5.7.1947г." Надпись сделана на первом томе собрания сочинений А.Упита на латыш-

ском языке (Рига, 1946).

"Дорогой Александр Александрович! Преподношу Вам еще одну мою книгу в знак моей признательности к Вашему таланту". Это писал известный казахский писатель Сабит Муканов на своей книге "Мои Мектебы" (М.-Л., Детгиз, 1947).

"Товарищу А.А.Фадееву. Настоящему человеку, другу армянской литературы, прекрасному писателю от всей души дарит автор проф. Р.Оганнисян". Такова надпись на книге "Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью". (Ереван, Айпетрац, 1952).

В феврале 1949 года в Париже, в зале "Плейель" состоялась встреча французских читателей с советскими писателями. С большой речью о советской литературе выступил Фадеев. Говоря об успехах советской многонациональной литературы, он дал высокую оценку романам Мухтара Ауэзова "Абай" и Габидену Мустафина "Миллионер". Обе названные книги находились в библиотеке А.А.Фадеева с автографами авторов. "Дорогому Александру Александровичу, еще раз с неизменным чувством дружбы и благодарности, с искренне глубоким уважением". Такую надпись оставил автор "Абая". (М., ГИХЛ, 1950).

"Александр Александрович! От всего сердца. Ваш Мустафин". Это надпись на книге "Миллионер" (М., Сов. писатель, 1949).

Была в библиотеке А.А.Фадеева и книга "Путь Абая" с автографом казахского писателя: "Дорогому и родному Александру Александровичу Фадееву с чувством бесконечной дружеской привязанности".

Высоко ценил А.А.Фадеев творчество замечательного укра-

инского поэта Максима Рыльского. Поздравляя его с шестидесятилетием, А.А.Фадеев писал: "Человек редкостного обаяния, - того обаяния, которое придает художнику человеколюбие и простота, - Вы поэт и в жизни. Таким мы Вас знаем на протяжении десятков лет и любим, как песню, вылившуюся из души народной"⁴). О многолетней дружбе, связывавшей Александра Фадеева и Максима Рыльского, говорят автографы поэта на его книгах, подаренных автору "Молодой гвардии": "Александр Александровичу Фадееву с сердечной любовью. М. Рыльский". Это надпись на собрании стихов (М., ГИХЛ, 1950). А вот автограф на сборнике "Сад над морем" (Киев, Сов. писатель, 1953): "Дорогому старому (не в возрастном смысле) другу Александру Александровичу Фадееву".

Несколько книг, подаренных Фадееву, - это дань уважения к вдохновенному пропагандисту русской классической литературы, традиции которой плодотворно влияли на развитие многонациональной советской литературы. На "Евгении Онегине" на литовском языке (Вильнюс, 1947) автограф известного литовского поэта: "Дорогому Александру Александровичу Фадееву с чувством любви и глубокого уважения. Переводчик А. Венцлова".

Отдельное издание поэмы Н.А. Некрасова "Кому на Руси жить хорошо" на узбекском языке (Ташкент, 1953). Дарственная надпись: "Уважаемому писателю Александру Александровичу Фадееву от переводчика. Миртемир. Ю. ХП. 54г."

Высоко ценил А.А.Фадеев достижения узбекской советской литературы. В 1945 году им написана статья "Гордость узбекского народа", в которой он, в частности, отмечал: "Не имея почти никакой классической национальной традиции в области

художественной прозы, узбекская советская литература выдвинула такого крупного прозаика, как Айбек... За последние годы им созданы два выдающихся романа "Священная кровь" и "Навои", переведенные на русский язык и представляющие собой незаурядные явления советской прозы⁵).

В той же статье А.А.Фадеев писал: "Поэт и академик Гафур Гулям – одно из самых своеобразных и незаурядных явлений советской поэзии. Его поэзия чудесно сплетает национальную традицию с традицией Маяковского. От самой нежной лирики до оратории – вот его диапазон. Его стихи всегда пронизаны большой мыслью и глубоким чувством. Это – советский поэт в самом большом и подлинном значении этого слова⁶).

Сборник стихов Гафура Гуляма "Счастье родной земли" (Ташкент, 1951) и роман Айбека "Священная кровь" (Л., Сов. писатель, 1947) хранились в библиотеке Александра Фадеева с автографами авторов. Гафур Гулям подарил свою книгу с надписью: "Многоуважаемому другу, товарищу, Александру Александровичу Фадееву от Вашего Гафура Гуляма". Айбек на своей книге написал: "Моему любимому другу, большому писателю Александру Александровичу Фадееву – в знак глубокого уважения и любви".

Была в библиотеке А.А.Фадеева и книга "Конгресс мира. Варшава, 1950". Ее преподнесли руководителю советской делегации на Втором всемирном конгрессе сторонников мира Александру Фадееву. На ней подписи известных общественных деятелей, писателей, работников искусства и культуры – членов советской делегации на конгрессе. Известный таджикский поэт Мирзо Турсун-заде написал на этой книге: "Передаю привет от всей души аксакалу нашей литературы".

На разных книгах, разными почерками сделаны надписи, адресованные "маршалу армии советских писателей", как выразился казахский писатель Г.Сланов в автографе на книге "Дальние просторы" (Алма-Ата, 1949).

Различного содержания и объема автографы писателей, но чувство, которое они выражают, одно: "Всегда дорогому и светлому писателю и человеку А.А.Фадееву". Так написала на своей книге "Лирические стихи" (М., Сов. писатель, 1955) армянская поэтесса Сильва Капутикян. А украинский поэт Павел Беспощадный выразил это чувство еще точнее и лаконичнее: "Родному Александру Александровичу! Сердцу благородному - сердце благодарное". ("Избранное", Киев, 1955).

Книги с автографами писателей, представляющих нашу многонациональную литературу, подаренные А.А.Фадееву имеют не только историко-литературный интерес. Это документы, свидетельствующие о дружбе и единстве советских писателей, о дружбе и единстве литератур народов СССР.

П р и м е ч а н и я

- 1) Александр Фадеев. Материалы и исследования.
М., Художественная литература, 1977, стр.270
- 2) А.Фадеев. Воспоминания современников
- 3) А.Фадеев. Собрание сочинений в 7-ми томах, т.5, стр.408
- 4) Там же, т.7, стр. 482-483
- 5) Там же, т.5, стр. 418
- 6) Там же, т.5, стр. 419

КОНСТ. ФЕДИН

БРАТЬЯ

РОМАН

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

*Со старой и верной
и обязанностью —
Анке Андреевне
Александровой —*

Конст. Федин

В ноябре, 1928 года.

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД

Н.А. ВИНОГРАДОВА

**Надписи на книгах
(автографы К.А.Федина
в книжном собрании
Государственного Литературного
музея)**

В собрании Государственного Литературного музея более 60 книг К.А.Федина с его автографами.

Дарственные надписи сделаны Фединым в разные годы и обращены, в большинстве своем, к писателям и литературным работникам. Среди его адресатов – А.Ахматова, В.Вишневский, Л.Лунц, А.Фадеев, К.Чуковский, В.Шкловский.

Выполненные аккуратно, красивым, четким почерком, продуманно размещенные на странице, всегда точно датированные, дарственные автографы К.А.Федина на книгах, как правило, индивидуальны, содержательны и представляют немалый интерес для биографов и исследователей творчества писателя.

Одна из первых книг Федина "Сад" (Пг., 1922) – рассказ, получивший в 1921 году первую премию на конкурсе Дома литераторов, – была подарена автором Льву Лунцу (1902–1924):

"Левочке Лунцу, самому жаркому Серапиону, с любовью.
К.Федин. Окт.1922".

Много лет спустя в книге "Горький среди нас" К.Федин нарисовал впечатляющий портрет талантливого, темпераментного, щедрого душой молодого человека, литератора, чья жизнь оборвалась трагически рано, – одного из создателей и активнейших участников литературного кружка "Серапионовы братья", к которому принадлежал и сам Федин.

В 1924 году в связи со смертью Лунца он писал А.М.Горькому: "Лунца никто не заменит. Не только для Серапионов. Ведь Серапионы – малая толика в новой пажити "братьев" по искусству. Все они слушали с любовью неистовые призывы Лунца к новой сюжетной новелле, к новому романтическому театру"¹).

Обратившись к книге К.Федина "Горький среди нас", отметим лишь несколько штрихов в нарисованном портрете:

"Лунцу было двадцать лет. И никогда, - писал Федин, - не встречал спорщиков подобных ему, - его испепелял жар спора, можно было задохнуться рядом с ним..."²⁾

"В окраске, которую "серапионы" получили в советской литературе, тон Льва Лунца был одним из сильнейших. Его статьи воспринимались как "серапионовские" декларации. Они, впрочем, никогда ими не были...Он говорил от себя, но казалось - за ним стоит множество единомышленников"³⁾.

К.Федин счел необходимым полностью воспроизвести в своей книге некролог "Памяти Л.Лунца", написанный А.М.Горьким, как пример точности и глубины горьковской оценки людей. "В его лице, - писал Горький о Лунце, - погиб юноша, одаренный очень богато, - он был талантлив, умен, исключительно - для человека его возраста - образован. В нем чувствовалась редкая независимость и смелость мысли..." В кружке "Серапионовых братьев" Лев Лунц был общим любимцем. Остроумный, дерзкий на словах, он являлся чудесным товарищем, он умел любить. Трудные 19-й и 20-й годы, когда "Серапионовы братья" - как все в блокированной России - голодали... Лев Лунц был одним из тех, кто думал о друге своем больше, чем о себе"⁴⁾.

Частично опубликованная В.Кавериним в его книге "Вечерний день"⁵⁾ переписка "серапионов" с Лунцем, в том числе письма К.Федина к нему, подтверждают справедливость характеристики, данной А.М.Горьким.

И когда читаешь эти страницы, становится понятным, почему Федин назвал Л.Лунца "самым жарким серапионом".

8 марта 1928 г. писатель завершил работу над романом "Братья", В том же году роман вышел отдельным изданием и в

составе собрания сочинений Федина (том IУ). 6 октября автор читал отрывок из "Братьев" на закрытом вечере современной литературы, организованном местным комитетом Театра юных зрителей в Ленинграде. Программа вечера была обширной⁶⁾. Участвовали многие известные писатели и поэты, среди них — Анна Ахматова. Месяц спустя К.Федин подарил ей роман "Братья" (Собр. соч., т. IУ, Л., Прибой, 1928) с такой надписью: "Со старой и верной привязанностью — Анне Андреевне Ахматовой. Конст.Федин. В ноябре 1928 года".

Самым ранним свидетельством доброго расположения друг к другу признанного поэта и начинающего писателя, почти сверстников, могут служить книги Ахматовой "Подорожник" (Пг., 1921) и "Anno Domini" (Пб, Петрополис, 1922), подаренные ею К.Федину "с пожеланием радости" весной 1922 г.⁷⁾

В архиве писателя многие годы хранился пригласительный билет 1922 г. на открытое заседание Комитета Дома литераторов, посвященное памяти А.С.Пушкина по случаю 85-летия со дня его смерти. Среди выступавших значилось имя А.Ахматовой.

В том же 1922 г. ее стихотворение "В тот давний год, когда зажглась любовь..." и сказочка К.Федина "Про радость" появились на страницах одного и того же издания, в составе "Петербургского сборника" (Пб., "Летопись дома литераторов", 1922). Впервые пересеклись их творческие пути.

По свидетельству дочери писателя Н.К.Фединой, Константин Александрович не раз вспоминал о своей встрече с Анной Андреевной 21 сентября 1922 г., в тот памятный день, когда его дочь появилась на свет. Ахматова была первой, кому Федин сообщил о своей радости, и она первая поздравила его с рождением дочери.

В память об этой встрече много лет спустя на книге "Четки" издания 1922 г. ею была сделана надпись: "Милой Нине Фединой, которую я знаю очень давно. С приветом Анна Ахматова. 25 апреля 1940. Москва"⁸).

В том же году Константин Александрович получил от нее в дар сборник стихотворений "Из шести книг" (Л., Сов. пис. 1940) с надписью: "Милому Константину Александровичу Федину от его старого друга. А.Ахматова. 24 августа 1940. Переделкино"⁹).

Как дорогие реликвии хранил писатель две карандашные записки Ахматовой (предположительно, 1929). В одной речь шла о совместном посещении театра - "Что лучше: опера или балет?" - в другой - приглашение на вечер, переданное от имени В.А.Шеголевой (драм.актрисы, супруги известного ученого П.Е.Шеголева) и подкрепленное собственной просьбой - "Не обманите"¹⁰).

В 1943 году вышла I-ая часть книги К.Федина "Горький среди нас" (Двадцатые годы. М., Гослитиздат, 1943). Один экземпляр этого издания автор подарил К.И.Чуковскому со следующей надписью: "Корнею Ивановичу Чуковскому - с признательностью за его книги о литературе, многому меня научившие, и с искренней благодарностью за урок, описанный на этих страницах - Конст.Федин. Москва, май, 1943".

В книге "Горький среди нас" есть такой эпизод, относящийся к 1920 году. На занятии литературной студии в Доме искусств К.И.Чуковский, анализируя рассказ начинающего автора, подверг его уничтожающей критике. "Анализ, - пишет К.А.Федин, - был шедевром, достойным, в свою очередь, студийного изучения как образец критического разбора. Единствен-

Корнею Ивановичу
Чуковскому

(Признаюсь, спасибо
за его книги о либер-
турах, многому мною
использованное и с
искренней благодарно-
стью за урок, получен-
ный на этих страницах.
Низак —

Виктор Келлер

Москва, май, 1943.

ным недочетом разбора был, пожалуй, чуть крупноватый калибр пушек, из которых расстреливался воробей" ^{II}).

Автор рассказа, а им был Федин, сидел среди смеющихся над ним людей и думал только о том, чтобы они не узнали в нем "воробья". "Чуковский проявил настоящее великодушие, ни разу не поведя взглядом в мою сторону" ^{I2}), — отмечает писатель.

Вспоминая далее историю литературного кружка "Серрапионовы братья" и субботние собрания "серрапионов" в Доме искусств, Федин называет имя Корнея Ивановича Чуковского среди старших товарищей и учителей, "которые придали нашим субботам профессиональный и художественный характер, поставивший этот своеобразный "лицей" высоко над уровнем всевозможных студий" ^{I3}).

В 1967 году книга "Горький среди нас" вновь увидела свет, причем впервые обе ее части были напечатаны под общей обложкой и в более полном варианте по сравнению с изданием 1943-1944 гг.

Осуществились надежды автора, высказанные им в дарственной надписи Алексею Елисеевичу Крученых на I-ой части книги, выпущенной во время Великой Отечественной войны: "Москва, 24.X.1943. Дорогой Крученых, как Вы видите из того, что напечатано на следующей странице, я хочу написать нечто серьезное о нашей литературе. Поверьте, что много важного останется за пределами этой книги - не по моей слабости. В этой части не хватает более, чем печатного листа. Из нее (полагаю, временно) выведены Евг.Замятин, Виктор Шкловский, а также рассказы Горького о "российском человеке, итальянцах и некоторых других интересных предметах". Если мы с Вами будем продолжать стараться, мы прочитаем все недостающее в новом издании "Горького". К.Ф."

К.И.Чуковский в письме К.Федину от 14/II 1967 г. в связи с выходом в свет полного издания книги писал автору: "...голос Горького, его разговорная манера, его мимика, его жесты, его щегольство чеканной, нарядной и глубокомысленной речи... - все это передано с мастерством чудотворца. И портреты - словно бронзовые медали - Блока, Ремизова, Замятина, Лунца, Каверина, Шкловского, и самый большой портрет, исполненный с наибольшим искусством, портрет Эпохи. Словом, как ни смотри, с какой стороны ни подойди, это вершинная книга из всех современных мемуаров. Книга классическая. И я рад, что она избавлена от прежних увечий"¹⁴).

Среди адресатов К.Федина - Виктор Шкловский.

"Старому Виктору со старой любовью старый К.Федин. 1938, апрель", — такая надпись сделана на книге "Я был актером" (М., Советский писатель, 1937). Словом "старый" автор определял почти двадцатилетний "стаж" своих отношений с В.Шкловским, с которым познакомился в Доме искусств в Петрограде в 1921 году. Позднее, вспоминая об этом времени, они расскажут друг о друге — Федин в книге "Горький среди нас", Шкловский в статье "О Константине Федине"¹⁵).

В книжном собрании Государственного Литературного музея более 600 книг из личной библиотеки А.А.Фадеева. Среди них — две с автографами К.Федина.

На книге "Первые радости" (М., Молодая гвардия, 1946) надпись: "Дорогому Саше Фадееву — с чувством уважения и дружбы — Конст.Федин. Переделкино, осень, 1946".

В письме А.А.Фадееву от 26.XI.1946г. он сообщал: "Все ждал, когда выйдет мой роман в Гослите, не хотел надписывать тебе дурно изданную книгу "Молодой гвардии" (издательство — Н.В.), но Гослит тянет душу мою изо дня в день, и ничего не остается — посылаю тебе издание "Молодой гвардии"¹⁶).

В 1948 году в Саратове выходит роман "Необыкновенное лето", и автор снова дарит свою книгу А.Фадееву — "Дорогому Саше Фадееву — с любовью — К.Федин. Москва, декабрь, 1948".

О дружеском, деловом и творческом контакте писателей свидетельствуют их письма друг к другу.

Приведу лишь выдержку из письма А.Фадеева 1952 года, написанного в связи с 60-летием К.Федина: "Дорогой Костя! ...Теперь уже десять лет разницы наших возрастов не имеют того значения, какое они имели двадцать пять лет тому назад.

Тогда ты был для меня писателем старшего поколения. И я никогда не забуду, что ты был первым, кто заметил и поддержал рукопись "Разгрома". С того момента, когда я прочел "Города и годы", первую из твоих книг, какую мне довелось прочесть, и с первых дней нашего личного знакомства, я почувствовал в тебе ту предельную писательскую честность, которая является одной из главных черт именно русской литературы. Глубоко национальные истоки "Братьев" только укрепили во мне это чувство. Я сам был воспитан нашей русской традицией в этой писательской честности. И поэтому всю жизнь любил тебя — даже когда мы расходились в оценках тех или иных явлений жизни и литературы. И в общем я многому у тебя учился"¹⁷).

Другим примером товарищеского и творческого контакта писателей могут служить взаимоотношения В.Вишневого и К.Федина в период работы последнего над романом "Необыкновенное лето". Дарственная надпись на книге "Необыкновенное лето" (М., Гос.изд.худож.литературы, 1949) гласит:

"Вс.Вишневскому

Дорогой Всеволод Витальевич, Вы были моим Вергилием по военно-историческим дорогам 1919 года, к моей памяти о прошлом Вы щедро добавили свою, иной страницы романа не возникло бы вовсе, если бы Вы не написали мне какого-нибудь из своих горячих писем или не прислали какой-нибудь необходимой мне книги. Дарю Вам свое "Необыкновенное лето" с благодарностью, тронутый Вашим редчайшим для писателя участием в работе товарища, и с дружеским посвящением Вам последних 15-ти страниц романа, выросших из Ваших личных воспоминаний о пережитом.

Ваш Конст.Федин. Москва, 4 апреля, 1949".

Роман "Необыкновенное лето" завершается картиною смотра Первой Конной, свидетелем и участником которого был Вс.Вишневский, в то время боец Конармии. Его письма к Федину 1947-1948 годов могут служить исчерпывающим комментарием к приведенной выше авторской надписи на книге¹⁸).

Вишневский был первым, кому Федин сообщил об окончании работы над романом, благодаря его "за помощь и товарищество".

А вот строки из ответного письма Вишневого: "Благодарю за добрую записку. Я выполнил лишь свой долг, долг бойца Конармии, долг русского человека, долг редактора, долг товарища" 19).

В коллекции книг с дарственными надписями К.А.Федина в качестве его адресатов, помимо вышеупомянутых, фигурируют также писатели и литературоведы: Владимир Ленский (псевдоним Владимира Яковлевича Абрамовича, род. в 1877г.), Николай Александрович Крашенинников (1878-1941), праправнук знаменитого путешественника, исследователя Камчатки С.П.Крашенинникова, Лев Иванович Гумилевский (1890-1976), земляк К.А.Федина, поэт и литературовед, Борис Викторович Смиренский (1900-1970), с которым у Федина были общие воспоминания "о ранних ленинградских годах нашей литературы", Лев Рудольфович Коган, встречавшийся с Фединым с конца 1920-х годов в доме В.Я.Шишкова в Детском Селе (ныне г.Пушкин), Николай Павлович Анциферов (1889-1958), работавший в 1946 году, когда Фединым была сделана дарственная надпись на книге "Свидание с Ленинградом" (Л., Воениздат, 1945), в Государственном Литературном музее.

Среди адресатов - издательские работники: Абрам Евгенье-

вич Кауфман (умер в 1921), с 1919 по 1921 год издававший и редактировавший журнал "Вестник Литературы" при Доме литераторов в Петрограде, о котором К.А.Федин писал в книге "Горький среди нас" как о "реквиеме старой публицистики, старого журнализма", Давид Кириллович Богомильский (1887-1967), в 20-е годы занимавший должность заведующего в издательстве Артели писателей "Круг", где была выпущена книга К.Федина "Пустырь" (Пб.-М., Круг, 1923) - "Имевшему общее наблюдение за изданием труда сего - товарищу Богомильскому^х) в память о совместной работе. Автор. Москва. 1923. Май". Вероника Михайловна Мотылевская, редактор пьесы К.Федина "Испытание чувств" (М.-Л., Искусство, 1943).

На одной из книг - Собр. сочинений, т.УІ, М.-Л., Госиздат, 1929 - надпись: "М.И.Погодину - в память о встречах в Кислове и Ленинграде - дружески.Конст.Федин. Март, 1930".

В письме к А.М.Горькому начала сентября 1925 г. Федин, рассказывая о своем пребывании в "Дорогобужских дебрях" на Смоленщине, приводит любопытный пример местных нравов: "Пряатель мой - Мих [аил] Погодин, внук историка, этнограф и археолог, - работая в тех местах, где я жил, проходил как-то деревней, остановился посмотреть на избе: очень уж хорош был на избе конек, причудливый. Постоял, постоял, пошел своей дорогой. Вышел за деревню - догоняет его мужик, машет руками, запыхался:

- Ты штой-то на мою хату смотрел?

- А так...

х) Имеется в виду Богомильский Д.К.

- А-а-а-а... А я думал, с ей чего неладно...
Ну, разве не заграница?!"²⁰⁾

Дружеские встречи Федина с Погодиным, судя по дарственной надписи на книге, продолжались и позднее, в Ленинграде.

Две книги Константин Александрович подарил Государственному Литературному музею, в стенах которого он неоднократно выступал, неизменно демонстрируя свое глубокое уважение к музею и к труду его сотрудников. Особенно запомнилось всем прекрасное выступление писателя на вечере памяти А.М.Горького 18 февраля 1953 года.

Одна из дарственных надписей музею сделана К.А.Фединым на авантитуле книги "Похищение Европы" (Л., Госиздат, 1934): "Книга эта начата была мною в 1930-м году - поездкой в Сорроку, к Белому морю. Только в 1935 году роман был окончен. Впервые я поставил себе задачу "столкнуть" воочию наблюдаемые явления текущего дня в их политическом значении и выразить это в художественных образах. Я так и звал тогда роман - "политическим". Не все удалось мне в этом опыте. Но это была трудная, однако, полезная (для меня) работа. К.Ф." И далее - на титуле: Государственному Литературному музею - Конст.Федин. В марте 1967-го года".

В особую группу следует выделить книги Федина, поступившие в музей от А.Е.Крученых.

В сообщении сотрудника ЦГАЛИ Н.Г.Королевой "Сто альбомов"²¹⁾ подробно рассказано о коллекции А.Е.Крученых, которую он собирал более 40 лет. Часть этой коллекции была приобретена Государственным Литературным музеем. Судя по характеру фединских автографов, по их количеству, писатель ценил эту сторону деятельности Крученых как библиофила и коллек-

ционерера.

На книге Федина "Трансвааль" (Л., Прибой, 1928) читаем: "Алексей Елисеевич, переиздавать книги легче, чем делать дарственные надписи, но Вам я не устану надписывать - с уважением, с уважением, с уважением. Конст.Федин. 1943г.Москва".

Надписи на книгах из коллекции Крученых в большинстве своем содержат ценные сведения или о самом произведении, его замысле, творческой истории, или об издании и оформлении книги. Вот несколько примеров. На обложке книги К.Федина "Светает" (Пб., Госиздат, 1921) надпись: "Многоуважаемому музею А.Е.Крученых - сия реликвия. К.Ф. Это - первое отдельное издание моих "трудов" - фельетоны из газеты "Петроградская правда", относятся к кампании по ликбезу почему и... "светает" (как говорил покойник Владимир Галактионович, "а все-таки впереди огни...") К.Федин". Автор имеет в виду хрестоматийный рассказ В.Г.Короленко "Огоньки".

На книге К.Федина "Анна Тимофеевна" (Книгоиздательство писателей в Берлине, 1923) надпись: "У книги такая история: Глеб Алексеев, меняя вежи в Берлине, уговорил меня дать что-нибудь для кн-ства писат. в Берлине, после чего, напечатав эту книжку, покинул счастливую Германию и тихо перекочевал в Москву, объявив мне, что мой гонорар остался в Берлине, сменив вежи... К.Ф. 1937. Москва".

Писатель Глеб Васильевич Алексеев (род. в 1892г.), автор романов "Тени, стоящие впереди" (1928) и "Роза ветров" (1933), ряда рассказов и очерков, находясь в эмиграции, в Германии, был избран редактором "Книгоиздательства писателей в Берлине", печатавшего произведения советских авторов. В ноябре 1923 г. Г.Алексеев вернулся в Россию, и в

1928 г. в издательстве "Молодая гвардия" вышло его пятитомное собрание сочинений.

В письме к А.М.Горькому от 7 апреля 1923 г. К.Федин писал: "Я получил предложение от "Книгоиздательства писателей в Берлине" дать им для отдельного издания "Анну Тимофеевну" и для переиздания "Пустырь". Следует ли давать? Что за авторы участвуют в этом издательстве? Посоветуйте"²²).

По-видимому, свой вопрос к Горькому Федин разрешил положительно.

На обложке книги К.Федина "Рассказы" (М., Огонек, 1926) помещена фотография автора. Под фотографией - его пометка: "Безобразное фото Наппельбаума".

Заслуживает внимания надпись на книге "Старик" (Из-во писателей в Ленинграде, 1930): "Старательная справка для старателя А.Е.Крученых:

"Впервые - "Красн.Новь", 1930,

затем - это издание,

далее - в "Повестях и рассказах", М., Сов.пис., 1936

Может быть, еще где-нибудь, и последний раз -

в "Маленьких романах", М., 1941, ГИХЛ. Конст.Федин.

6.ХП.1946".

И приписка на титуле: "Очень люблю это издание! С отличным Алексеевым. К.Ф. 6.ХП.1946".

Книга "Старик", как известно, была иллюстрирована графиком Н.Алексеевым.

Таким образом, дарственные надписи К.Федина на книгах в коллекции Государственного Литературного музея расширяют наше представление о личности писателя, о его творческих и дружеских связях, о круге его знакомств, а также добавляют новые штрихи к творческому портрету писателя.

П р и м е ч а н и я

1. К.Федин. Собр. соч. в 10 тт., М., Художественная литература, 1973, т.10, стр.330.
2. Там же, стр.78
3. Там же, стр.87
4. Там же, стр.89
5. В.Каверин. Вечерний день. М., Сов.писатель, 1980, стр.39-64
6. Государственный музей К.А.Федина
7. Там же
8. Архив К.А.Федина
9. Там же
10. Там же
11. К.Федин. Собр. соч. в 10 тт., т.10, стр.54
12. Там же, стр.55
13. Там же, стр.81
14. Архив К.А.Федина
15. Творчество Константина Федина. М., Наука, 1966, стр.131-144
16. Там же, стр.414
17. Там же, стр.417-418
18. Вс.Вिशневский. Собр. соч. в 5 тт., М., Гослитиздат, 1961, т.6 (доп.), стр.627-633
19. Там же, стр.633
20. К.Федин. Собр. соч. в 10 тт., т.10, стр.353-354
21. Встреча с прошлым. Выпуск третий. М., Сов.Россия, 1978, стр. 294-305
22. К.Федин. Собр. соч. в 10 тт., т.10, стр.329

2 Так сложи они: перед фельдкомен-
дантом Клером, народные вожаки —
старый и молодой.

дежде заставить их указать след всего подполья — не только в районе, а и во всей области.

Зачем они их связали? Они боялись их не связанных. Враги хотели также показать, что им известно, какую роль играли эти двое в организации.

Седые волосы на голове Филиппа Петровича слились в засохшей крови, истерзанная одежда прилипла к ранам на его большом теле и каждое движение доставляло ему мучительную боль, но он ничем не выдавал этого. Тяжкие муки и голод подсушили тело Филиппа Петровича, и на лице его резко обозначились те черты силы, которые делали его лицо таким приметным в молодости и говорили о великой душевной его мощи. Выражение глаз у него было спокойное и строгое, как всегда.

Олег стоял, бессильно свесив правую перебитую руку, с лицом, почти не изменившимся, только виски у него стали совершенно седые.

~~Петр Клером, закончившим в убийствах потому что он ничем другого не умел делать, стояли старый рабочий и шестнадцатилетний мальчик, народные вожаки — старый и молодой. И старый говорил:~~

~~Слово мое не к вам, не о вас... Мы вас разбили, вы обречены. Да беда в том, что живет еще та сила на свете, что вас породила, она еще не издохла... Эта сила — власть денег над людскими душами. Это от нее пошла по свету язва людоедства... Язва людоедства страшнее, чем чума, разъедает души людей. Не только отдельных людей — целых народов... Она, эта язва людоедства, будет разъедать мир до тех пор, пока все богатства, все блага земли будут не в руках людей, кои их создают, а в руках выродков — нелюдей. Но я скажу, напрасно, напрасно эти выродки надеются уйти от суда людей! Их власти, власти денег, приходит конец. Напрасно, напрасно эти господа в белоснежном белом надеются, что все сойдет им с рук!.. История их уже судит, судит страшным судом. Забрызганные кровью людей, замученных ими, они стоят перед ее грозными очами. И нет уже такой силы на свете, какая могла бы их спасти!..~~

2 Юлий... с кем-то... более... всегда...

И.З. МИНГАЗОВА

**Материалы А.Фадеева
в Государственном объединенном
музее ТАССР.**

На протяжении многих лет в Государственном музее ТАССР ведется большая работа по собиранию и изучению материалов литературного краеведения. Особого внимания среди них заслуживают материалы, относящиеся к творчеству и общественной деятельности А.А.Фадеева.

Несколько месяцев жизни Фадеева связаны с нашим краем — Казанью и Чистополем. Кроме того, у него, как у руководителя писательской организации многонациональной советской литературы были самые тесные контакты с татарскими писателями. Об этом и пойдет речь в нашем сообщении.

Формы поступления собранных материалов различны. Одной из находок в области собирательской работы мы считаем анкетирование, примененное нами для выявления материалов по теме "Фадеев и татарская литература". Были разработаны анкеты, которые распространялись среди писателей, деятелей культуры, знавших Фадеева.

Благодаря этому в фонды музея поступили уникальные документы — автографы А.Абсалямова, Г.Кашшафа, Г.Губая, А.Залиловой и др. Остановимся на некоторых из них.

Заполняя анкету, Г.Кашшаф отметил свои многочисленные встречи с Фадеевым: деловые, творческие и личного характера.

Одну такую встречу Кашшаф описывает: "Когда меня избрали руководителем Союза писателей Татарии, через 2-3 дня Фадеев беседовал со мной подробно и долго. А до этого, в 1941 году беседовал со мной как с секретарем парторганизации СП и как я должен вести работу с эвакуированными писателями (русскими и антифашистскими). Поэтому в стиле моей работы как парторга, так и руководителя СП не могло не сказаться его влияние,

также и в творческой работе: партийность, принципиальность, доброжелательность, требовательность..." Вместе с анкетой Г.Кашшаф передал музею "Молодую гвардию", подаренную ему автором со следующей надписью: "Дорогому Гази Кашшафу с приветом самым сердечным. 23 декабря 1951 г. А.Фадеев".

Не каждый музей может похвастаться автографами Фадеева. Наш музей в числе таких счастливицев – мы располагаем пятью экземплярами книг Фадеева с его автографами. Наибольший интерес из них представляет "Молодая гвардия", поступившая в музей от А.Абсалямова. Книга поистине уникальна – от первой до последней страницы она содержит многочисленные исправления самого автора, кроме того, на ней имеется автограф Абсалямова. В своих ответах на анкету он пишет: "Я переводил "Молодую гвардию" А.Фадеева. Первый раз перевод был осуществлен совместно с А.Гумеровым (1950 год). Я переводил нечетные главы, а он – четные. Все же перевод получился пестрый. Когда вышло дополненное и переработанное издание "Молодой гвардии" на русском языке, встал вопрос переиздания книги и у нас. На этот раз я отказался переводить вдвоем. Издательство должно было решить – кому из двоих дать полный перевод. Дали мне. Но тут возникла другая трудность – необходимость исправления отдельных мест, что без автора сделать невозможно. Тогда от имени Татгосиздата написали письмо Фадееву и просили его совета. Вскоре Фадеев прислал телеграмму и исправленный от руки экземпляр. С него я доделал перевод. Книга на татарском языке вышла в 1956 году".

Первые издания "Разгрома" и "Молодой гвардии" на татарском языке были преподнесены Фадееву татарскими писателями с

дарственной надписью в день его 50-летия. Есть там и подпись А. Абсалямова. Обе книги сейчас хранятся в книжных фондах Государственного Литературного музея в Москве.

Обладателями еще трех книг Фадеева с его автографами являются члены семьи Авдеева из Чистополя, с которым писатель познакомился в ноябре 1941 года, когда приезжал туда по делам Литфонда и к своей семье. Семья Фадеева жила в доме №9 по улице Комсомольской. Фотография этого дома экспонируется в музее. Располагаем мы также и фотографией Фадеева того периода, выполненной в Чистополе В.Д. Авдеевым.

"Дорогому Дмитрию Дмитриевичу Авдееву с неизменной любовью 29 января 1952 г. А. Фадеев", - гласит надпись, сделанная автором на авантитуле "Молодой гвардии".

Еще один экземпляр "Молодой гвардии", а также роман "Последний из Удэгэ" были переданы сыновьям Авдеева: "Арсению Дмитриевичу Авдееву на память о Чистополе, с приветом от автора 14/IX-43г. Москва. А. Фадеев", - написано на книге "Последний из удэгэ" ("Советский писатель", М., 1938 г.). Другая надпись сделана на "Молодой гвардии" (Изд-во ЦК ВЛКСМ, М., 1951): "Валерию Дмитриевичу Авдееву на добрую память. 29/I-52г. А. Фадеев".

О дружеских связях этой семьи с писателем свидетельствуют также поздравительные телеграммы, две записки, присланные им Фадеевым и его женой А. Степановой. Вот текст одной из записок: "Дорогая Елена Авертовна, - обращается Фадеев к работнику Союза писателей, - большая просьба к Вам. Организуйте врачу Д.Д. Авдееву (из Чистополя) - с помощью авторитета Союза писателей - одно место (подчеркнуто Фадеевым - И.М.) на самолет,

на Казань, на 3-е июля (у Авдеева есть командировочное удостоверение). Властям нашим в Союзе скажите, что это врач, который лечил писателей в Чистополе. Уточните обязательно, с какого аэродрома уходит самолет и в каком часу (подчеркнуто Фадеевым - И.М.). Все сведения можно сообщить Авдееву по телефону Павленко. С сердечным приветом. А.Фадеев".

Записка сложена вдвое с припиской:

"Е.А.Аручевой. т. Д2-07-44

Д2-14-00"

Вторая записка следующего содержания (написана сыну Д.Д.Авдеева - В.Д.Авдееву):

"В Ленинградский Союз писателей.

Дорогие товарищи!

Если Саша Прокофьев¹⁾ в отпуску, не откажите помочь подателю этого письма в подыскании жилья недели на две (в гостинице или еще где-либо), - пока он справится со своими делами.

Чтобы иметь представление о его деле, прошу ознакомиться с письмом моим к Прокофьеву.

С сердечным приветом

ИЗ/Уп-46г.

А.Фадеев".

Как известно, пребывание Фадеева в Чистополе и Казани было связано с делами Союза писателей СССР, эвакуированного в Татарию. Нельзя не обратить внимание на пожелтевший бланк с фамилиями писателей и карандашными пометками, документ, свидетельствующий о суровых буднях тыла в годы войны - "Список рабочих и служащих СП СССР на выдачу продовольственных карточек на декабрь 1941 года. Здесь и фамилия Фадеева. Во время своего пребывания в Казани в октябре 1941 года Фадеев выступил на собрании писателей с докладом "Советские писатели в Отечественной войне", страничка его конспекта хранится в литературном фонде музея.

В Казани Фадеев около месяца жил у скульптора С.Ахуна. В его архивах хранятся две телеграммы и одно письмо Фадеева, ранее не публиковавшиеся. С разрешения Садри Салаховича мы переписали тексты телеграмм и письма от 27 марта 1943 года, которое здесь приводится:

---

1) А.А.Прокофьев - поэт, секретарь Правления Ленинградской писательской организации.

"Дорогой тов.Ахун!

Давным давно собираюсь написать Вам, но я большей частью в разъездах, а когда нахожусь в Москве так перегружен и занят всяческой суетой-сует, что никак не соберусь. Уже много времени прошло с тех пор, как я жил у Вас, но у меня осталось исключительно приятное впечатление об этом периоде. Вы так дру- жески и приветливо приняли меня и так обо мне заботились, что я всегда буду помнить об этом с чувством благодарности.

Был бы рад, если б Вы написали мне как идут Ваши дела в области скульптуры и каковы успехи Юлии Павловны? Закончи- ла ли она то, что было начато при мне? Сделали Вы оба что- нибудь новое? Кто теперь живет в Вашей мастерской?

Мне за это время пришлось немало побывать на различных фронтах Отечественной войны. Дважды я был в Ленинграде и на Ленинградском фронте. Мною написана книга публицистического очеркового характера о Ленинграде. Претерпев известные мытар- ства, она должна выйти в свет в журнале "Знамя" и отдельной книгой.

Очень рад буду, если напишите мне о себе. Крепко жму Вашу руку. Мой сердечный привет Юлии Павловне. Скажите ей, что я очень сожалею, что мне так и не удалось поохотиться с ее отцом. Думаю, что этот пробел можно будет восполнить после войны.

Еще раз приветствую Вас."

Как видно из содержания, письмо представляет значительный интерес для биографии писателя.

В начале 1942 года С.Ахун познакомил Фадеева с Ш.Камалом. Фадеев, безусловно, знал его как одного из крупных татарских писателей. В архиве Мусы Джалиля сохранилось письмо-ходатайство на имя Фадеева о награждении Ш.Камала в связи с 30-летием его общественно-литературной деятельности. Личная встреча двух писателей произошла на квартире Ш.Камала. В фонотеке литературного отдела хранится запись воспоминаний об этой встрече дочери писателя - З.Байгильдеевой.

Как известно, живейшее участие Фадеев принял в судьбе М.Джалиля. В ответах на анкету жена М.Джалиля А.Залилова пишет, что Фадеев и Джалиль были знакомы еще в 30-е годы.

Бесценным документом литературного фонда является письмо Фадеева от 18 июня 1946 года к А.Залиловой, которое она передала в музей. Нельзя без волнения читать эти строки - первую весть о судьбе Джалиля!

"Товарищ Залилова! Во время пленума Союза писателей в Москве в 1945 году было получено письмо из одного подразделения Красной Армии, занявшего Моабитскую тюрьму в Берлине (в это время, когда они писали письмо, еще не весь Берлин был занят нашими войсками). В этом письме они сообщили, что заняли тюрьму, среди всякого бумажного мусора они нашли вырванный из какой-то книги листок с чистыми полями, где на полях имеется запись татарского писателя Мусы Джалиля.

Листок этот был приложен. На полях была запись Залилова примерно следующего содержания: "Я, известный татарский писатель Муса Джалиль, заключен в тюрьму, как пленный, которому предъявлены политические обвинения, и, наверное, буду скоро расстрелян. Если кому-нибудь из русских попадет эта запись, пусть передадут привет от меня моим товарищам -

писателям в Москве".

... Далее шло перечисление фамилий, среди них и моя фамилия, а остальные фамилии я забыл. Потом - просьба сообщить семье и адрес семьи. Потом шла подпись и число, которого я не помню, - кажется это был даже 44-й год.

На полях было еще две приписки, сделанные разными лицами, разным карандашом, и, очевидно, в разное время. Одна выражала надежду, что, может быть, Залилов еще останется жив. Другая, очень безграмотная, была враждебного содержания к советской власти и говорила, что "вашего Джамбула (по неграмотности писавший спутал фамилию "Джалиль" с фамилией "Джамбул") уже нет в живых".

Красноармейцы из подразделения, приславшие этот листок, писали, что они ознакомились с его содержанием и поклялись отомстить за смерть писателя Залилова.

Я показал это письмо Кави Наджи и мы вместе зашли к т.Поликарпову и показали это письмо с просьбой списаться с этой воинской частью (они прислали в письме № своей полевой почты) и всякими другими путями проверить изложенные факты.

Дело происходило в помещении Союза писателей, в Президиуме. Тов. Поликарпов взял письмо и спрятал его в стол к себе, чтобы проверить все эти факты. Мы договорились, что до проверки не будем никому рассказывать об этом, в том числе и семье.

Удалось ли тов.Поликарпову проверить эти факты и где сейчас находится это письмо, вы можете проверить у т.Поликарпова. Он сейчас в Союзе не работает, но, наверное, находится в Москве и поможет Вам.

Чтобы напомнить ему обстоятельства дела можете показать ему мою записку.

Чтобы двинуть в ход выяснение обстоятельства гибели Залилова, я в феврале этого года рассказал то, что пишу Вам сейчас, Ерикееву и просил его, чтобы он от Союза писателей Татарии поинтересовался этим делом.

С приветом Ал.Фадеев.

18/УІ-46 г.

Я сейчас, к сожалению, болен, а то я лично помог бы Вам."

В грозные годы Отечественной войны дружеские отношения установились у Фадеева и с другими татарскими писателями, эти связи продолжались и крепили и в послевоенные годы. Об этом говорят материалы, хранящиеся в архивах писателей, которые обращались к нему не только как к руководителю писательской организации, но и как к отзывчивому человеку. Удивительные человеческие качества Фадеева снискали ему любовь и уважение писателей.

Например, в архиве Т.Гиззата были обнаружены два письма на имя Фадеева от 10 и 11 января 1950 года. В них писатель рассказывает о трудностях, с которыми пришлось ему столкнуться и просит оказать содействие в издании своих пьес на русском языке. Там же хранится телеграмма Фадеева, присланная им в 1955 году с выражением глубокого сочувствия семье Т.Гиззата в связи с его смертью.

В архиве музея хранятся материалы, связанные с деятельностью Фадеева как руководителя Союза советских писателей: телеграммы - Ш.Маккуру с приглашением принять участие в засе-

дании комитета по увековечению памяти В.Маяковского; М.Исаковскому в Чистополь с разрешением на въезд в Москву писателей и их семей; фотографии, на одной из них - Фадеев снят с Б.Зернит, Г.Губаев, К.Наджми - делегатами от Татарии на II съезд писателей СССР.

В ответах на проведенную нами анкету все отмечают глубокое знание Фадеевым национальных литератур, в частности, татарской. Цитируем слова Г.Кашшафа: "После Горького я считаю Фадеева самым крупным, гениальным деятелем нашей многонациональной советской культуры ... он знал деятелей национальных литератур по их книгам, и не только своих современников, но и предшественников..."

Все эти материалы помогают нам рассказать в экспозиции о А.А.Фадееве - писателе и человеке, о его глубокой заинтересованности судьбой татарской литературы, о его дружеских связях с татарскими писателями.

И.А. КРАМОВА

**Моя дорогая Н.Н.В.
(Предисловие А.П.Ефимовой)**

Об Александре Александровиче Блоке нам хочется знать многое, все, что было с ним связано, что было одухотворено, "вочеловечено" его вещим словом. Жизнь поэта, как и его поэзия, это уже достояние нашей общей культуры, в них есть знак времени и вечности. Штрих, деталь жизни Блока, образ современницы, воплощенный в бессмертную "музыку" его стихов, становятся необходимыми для понимания поэта и его времени или, говоря словами Блока, "меры пути" поэта.

Встреча А.А.Блока с драматической актрисой Наталией Николаевной Волоховой, ее образ, их отношения стали значительными событиями в жизни и творчестве поэта. Н.Н.Волоховой поэт посвятил цикл стихов "Снежная маска", "Фаина", "Заклятие огнем и мраком", с ее образом связано создание пьесы "Песня судьбы". За две недели января 1907 года были написаны 30 стихов "Снежной маски". Позднее, думая о пройденном пути, Блок отметил три таких напряженных, страстно-увлеченных периода творчества, когда он работал "в согласии со стихией": еще март 1914 г. — цикл стихов "Кармен" и январь 1918 — поэма "Двенадцать"¹⁾.

А.А.Блок высоко ценил талант Н.Н.Волоховой. В письме к жене от 23.II.1908 года он писал: В вашей труппе я считаю очень важным для дела Народного театра — Наталию Николаевну"²⁾.

Осенью 1907 года Блок выступал с чтением пьесы "Незнакомка", в которой, по его настоянию, роль Незнакомки читала Н.Н.Волохова. Наталия Николаевна обладала благородной и трагически прекрасной внешностью. Высокая, стройная, сдержанная в движениях, выразительность лица подчеркивалась "живым огнем крылатых глаз". Блок отмечал в ней независимый, сильный и свободный характер, артистический вкус и интеллектуальность. В записной книжке 20 апреля 1907 года Блок записал: "Одна Н.Н.Русская, со своей русской "случайностью", не знающая откуда она, гордая, красивая и свободная"³⁾. С образом Волоховой в поэзию Блока войдут русские национальные мотивы и ритмы. Предисловие к сборнику "Земля в снегу" поэт заканчивает стихами Некрасова из "Короедников". Последние слова "Тайну свято сохрани" послужили, вероятно, напутствием для

Волоховой в ее работе над мемуарами о Блоке. Они написаны кратко, но могут быть достойным комментарием к стихам поэта, к ней обращенным⁴⁾.

Кто же она? Снежная Дева? вольная Фаина, спутница поэта, "влюбленная в огни и мглу" его города? Н.Н.Волохова была актрисой. Работа в театре была главным делом ее жизни. В 1907 году путь ее только начинался. Ученица К.С.Станиславского и В.И.Немировича-Данченко, она начала работать в театре рядом с замечательными талантами В.Ф.Комиссаржевской и В.Э.Мейерхольдом, стремилась к созданию образов центральных героинь русской и западной классики. Марина в "Борисе Годунове" А.С.Пушкина, Лиза в "Живом трупе" Л.Н.Толстого, героини А.Н.Островского и среди них - любимые - Катерина и Купава, Грушенька и Настасья Филипповна в инсценировках романов Ф.М.Достоевского, Мария Тюдор в драме Виктора Гюго, героини Ибсена и Метерлинка. Широкий диапазон работы в театре молодой актрисе могла предложить только провинциальная антреприза. И Волохова рассталась с Блоком и уехала играть в провинциальные театры, где нашла возможность раскрыть и воспитать свой талант. Мы мало знаем о дальнейшей её жизни. Архив Волоховой сгорел в 1918 году. Осталась только одна книга "Земля в снегу" с надписью поэта: "Позвольте поднести Вам эту книгу - очень несовершенную и сомнительную для меня. Что в ней правда, и что ложь, покажет только будущее. Я знаю только, что она не случайна, и то, что в ней не случайно, люблю"⁵⁾. В этом сборнике много пометок актрисы. Сохранились записи композиций стихов Блока, сделанные Волоховой уже в 1920-е годы, когда она часто читала их с эстрады.

Записи ее дочери - Ирины Александровны Крамовой - живой рассказ о Н.Н.Волоховой, добавляющий несколько достоверных черт и неизвестных фактов к ее биографии. Романтический образ, созданный поэтом, обретает земную плоть. Записи представляют несомненный интерес для всех, кто думает о Блоке и его поэзии.

---

1) Блок А.А. Собр. соч. в 8 тт. , т.3, стр.474

2) Там же, т.6, стр.218

3) Записная книжка, стр.94

4) Учебные записи Тартусского ун-та, 1961, стр.371

5) Блок А.А. в воспоминаниях современников, 1980, I т., стр.457

1878 год. Город Стародуб. В семье председателя суда Николая Антоновича Анциферова ожидали третьего ребенка. Двое первых были мальчики. Мать говорила: "Родится девочка - назову Машей". Родилась девочка - назвали Наташей. Уже будучи взрослой, в один из тяжелых душевных моментов, Наталия Николаевна пошла к гадалке. Та нервничала, сердилась - карты, линии рук не давали стройной картины, что-то мешало. "Не врете? Не Марией ли зовут?! Если б Мария - все было бы в аккурате, а так - все да не то". Тогда вспомнились Н.Н. слова матери, кем-то, очевидно, переданные ей. И Н.Н. говорила, что несколько раз в ее жизни бывало ощущение близкого чуда (или полного счастья?), которое ходило рядом, но не свершалось.

С самого раннего детства она была на редкость мила и любима окружающими, но родители умерли один за другим от туберкулеза, когда Тале было около трех лет. Остались три сироты - старший брат Борис, средний Николай, младшая - Таля. Дети по предсмертной просьбе отца были приняты на воспитание в семью тетки (сестры отца), которая похоронив к тому времени второго мужа, переехала с юга России в Москву, имея своих четверых детей.

Семья жила на небольшую пенсию, назначенную тете после смерти мужа. Маленькие Анциферовы тоже получали пенсию за умершего отца. Жили скромно. Квартиру снимали каждый год заново, с осени до лета, когда всей семьей выезжали на дачу под Москвой (оставлять за собой квартиру было накладно). Одно время

семья жила на Малой Бронной, около Патриарших прудов (ныне Пионерских). Зимой дети катались на коньках. У Тали были самодельные деревянные конечки с металлической полоской посередине, и она лихо и самозабвенно бегала на них. Когда братья, став гимназистами, делали уроки, Таля сидела под столом и "мотала на ус" гранит науки. Под столом был свой мирок. Там жили, лечились, перевязывались подбитые подобранные птицы, котята. Таля была главной сестрой милосердия. По праздникам, когда взрослые дарили детям подарки, Тале обычно доставались "утилитарные" — материя на платье или кофточку, другим — куклы, игрушки... Иногда девочке бывало горько.

Пришло время учиться, и Талю отдали в Николаевский сиротский институт, что был на Солянке. Начались долгие годы ученья. В делем воспоминания остались тяжелые. Режим был стро-

гий, резкие антипатии к некоторым учителям и классным дамам. Читать в дортуарах не разрешалось, а читать нестерпимо хотелось. Иногда до утра все же зачитывалась при свете где-то добытой свечки кем-то принесенной книжкой. Если бывала поймана с поличным, отбывала наказание или оставалась без гулянья, или подшивала дюжину платочков, или промереживала полотенца. Училась неплохо, но неровно. Прилежной не была. Литература, история, языки давались хорошо. Отличалась высоким чистым голосом. Пела в хоре и солировала на богослужении. Дружила с Анютой Софьяно — будущей супругой А.Б.Гольденвейзера, который, будучи студентом консерватории, преподавал в Николаевском институте.

Когда приезжали родные и привозили гостинцы, они становились достоянием всего дортуара. В старших классах среди гостинцев иногда оказывались запрещенные книги. Несколько раз приезжал старший брат Борис, красивый офицер. Он неизменно производил чарующее впечатление на дам и улаживал Талины промахи и ляпсусы.

Да! В институте Талю стали называть Наташей. Когда ее привезли в это заведение и спросили, как зовут, она ответила: Наталия (не нравилось "Талья"), с тех пор она стала Наташей (Талей осталась для родных).

Несколько раз в году девочек отпускали домой. Когда на извозчике возвращались обратно, рев начинался задолго. На всю жизнь запомнился этот скорбный путь с обязательным ревом от Лялина переулка.

Институт закончила, по-видимому, в 1896 году. Надо было жить самостоятельно. Пенсия кончилась. Прилично овладев в институте французским и немецким, брала переводы, ими зараба-

тывала на жизнь. Это было время наибольшего сближения с семьей двоюродной сестры Н.Н. — Мануиловыми: профессором университета Александром Аполлоновичем, его женой и старшими детьми. Вместе посещали концерты, ходили в театры. Слушали Ершова, Фигнера, отдавали дань венской оперетте. Н.Н. открыла для себя Шалыпина в "Садко" (Варяжский гость). С того вечера **ходит на все, в чем можно было услышать великого артиста.** По-девчачьи влюбилась. Собирала фотографии в ролях и в жизни, неоднократно приносила их на подпись Федору Ивановичу. На одной из них написала сама (в отчаянии!): афоризм Ницше — "Где нельзя уже любить — там надо пройти мимо..." 1901.

Посещала лекции по политэкономии в университете, пробовала читать Маркса в подлиннике. Появилось много знакомых среди студентов. Частые аресты закрепили в то предреволюционное время как бы условный рефлекс "сидел в тюрьме — значит порядочный человек".

Вскоре после окончания института ездила с братом Николаем за границу. Были в Германии и Швейцарии (на Италию денег нехватило). Незабываемое впечатление осталось от Дрезденской галереи. Берлин не понравился — показался скучным, серым, казенным. Швейцария запомнилась удивительной красотой природы. Некоторая вылизанность этой маленькой страны была чужда, но горные озера произвели впечатление. Н.Н. вспоминала о прогулке на какую-то вершину, когда попали как в мокрую вату в облака, а потом угодили в грозу. Было страшно от грома, рикошетирующего по горам. Но здорово. Вспоминала как в Швейцарии едят шоколад — как сыр, толстыми кусками — завидовала, потому что всю жизнь была сладкожка.

Мечтала о профессии, в которой профессионализм, степень

мастерства наиболее явственен. Тяготела к драме. Выбирала между хирургией и сценой. Советовалась с четой Мануиловых. Они благославили на драму. Очевидно, в их имени "Рыжково" под Старой Рузой (теперь на этом месте расположен Дом творчества ВТО) Н.Н. готовилась к поступлению в драматическую студию при Московском художественный театре. На приемных испытаниях читала первый монолог Нины Заречной. Что еще - не знаю. Была принята (1901 год). Когда вышла на улицу - светило солнце. Конечно, оно светило для нее! Это ощущение сохранилось у Н.Н. до конца жизни.

В студии появилось много друзей. Это - Веригина, Мунт, Комаровская, Нарбекова, Шиловская, Муратова... других не помню. Н.Н. решила изменить свою девичью фамилию, казавшуюся громоздкой. Взяла фамилию матери - Волохова. Однажды Станиславский спросил: "Почему, г-жа Анциферова, Вы решили переменить свою фамилию?" - "Я взяла, Константин Сергеевич, фамилию своей матери". "А-а-а - , протянул К.С. как-то кисло... А потом выяснилось, что ему послышалось "Олухова".

Началась жизнь вступающей в театр, постигающей его законы, специфику молодой студентки-актрисы. Н.Н. рассказывала, что одинаково преклонялась перед Станиславским и Немировичем. Станиславский поражал и покорял умением показать, как гениальный актер, любое состояние персонажа, живя правдой изображения. Немирович умел необыкновенно тонко и точно проанализировать характер, "биографию" персонажа. Сочетание обоих мастеров было идеалом для начинающего актера. Студентов включали в массовые сцены. Художественный театр впервые на своей сцене отказался от статистов, заменив не имеющих отношения к искусству случайных людей своими студийцами. Постепенно мо-

лодежь включалась в спектакли, назначали на маленькие роли. Для Н.Н. первой стала роль сѣнной девушки в спектакле "Царь Федор Иоаннович" А.К.Толстого. Единственная фраза - "Царица, спрячься! Схоронись! Какой-то вломился в терем сумасшедший!" - была произнесена с неподдельным волнением!

Хотелось лучше одеться, а денег было мало. Н.Н. вспоминала: лучше день-два поголодать, а юбку или блузку приобрести. Была привычка забегать ежедневно к Миру (ЦУМ), купить хотя бы самую малость, что-нибудь вроде ниток, булавок.

В студии началась любовь - глубокая и длительная. Она была взаимной, но не стала счастливой. По окончании студии, несмотря на возможность остаться в театре, Н.Н. решила попробовать свои силы в провинции, это считалось перспективнее. К тому же, думаю, Н.Н. заставляла себя отдаляться от дорогого ей человека. Она едет в Тифлис, где занимает положение молодой героини. По-видимому, хорошая внешность, прекрасная речь, красивый голос, школа Художественного театра и известное дарование были достаточными данными для благоприятного впечатления и успеха. В 1905 году в Тифлис приезжает Вс.Эм.Мейерхольд и Н.Н. работает у него в Товариществе новой драмы, после чего вся труппа едет в Москву, где сливается с новым выпуском студии Художественного театра.

Душевная драма, связанная с невозможностью соединиться с любимым человеком, становится к этому времени очевидной. Непредвиденные обстоятельства заставляют принять решение о разрыве и забвении. Горечь утраты потрясла Н.Н. Она была человеком цельным, глубоко чувствующим и бескомпромиссным. Состояние душевного опустошения длилось долгие годы.

Осенью 1916 года с группой Мейерхольда Н.Н. приезжает в

Петербург и начинает работать в театре В.Ф. Комиссаржевской. Этот театр стал для Н.Н. значительным этапом. Кроме того, что это был столичный театр с сильным актерским составом и режиссурой, Н.Н.на всю жизнь вынесла благоговейную любовь к Вере Федоровне. Я помню это имя с самого раннего детства, оно было символом прекрасного, идеального, одухотворенного. Смерть Веры Федоровны воспринималась как личное горе, личная потеря. Н.Н. принимала участие в вечерах, посвященных памяти В.Ф. Её необыкновенный облик, труднопередаваемое очарование, вся её фигура, летящая и одухотворенная, крепкоежатие небольшой руки - все, чем веяло от этой женщины неизменно и навсегда осталось для Н.Н. дорогим и незабвенным.

Пользуюсь сведениями, собранными актером и страстным поклонником театра Комиссаржевской А.А.Дьяконовым (Ставрогиним). Цитирую: ... "В этом театре Н.Н.Волохова сразу заняла видное положение, и в своей работе пользовалась неизменными симпатиями В.Ф.Комиссаржевской. Волохова сыграла много самых разнообразных ролей, среди них: Лина - "В городе" С.Юшкевича, Игуменья - "Сестра Беатриса" Матерлинка, Божена - "Вечная сказка" Пшибышевского, Влюбленная - "Балаганчик" Блока, Женева - "Пелеас и Мелизанда" Матерлинка, Алина Сольнес - "Строитель Сольнес" Ибсена, Графиня - "Ванька Ключник и пах Жан" Соллогуба, Электра - "Электра" Гофман-сталия, Настоятельница монастыря - "Заложница Карла Великого" Гауптмана. Выдающимся событием тех лет была постановка "Царевны" ("Саломея") О.Уайльда Царевну (Саломею) играла Волохова (генеральная репетиция 27 октября 1908 года)..."

О своей встрече и знакомстве с А.А.Блоком Н.Н. написала сама, и, вопреки мнениям иных литературоведов, я думаю, что

по ее запискам можно **составить верное впечатление** о характере и сущности отношений. Записки Н.Н. кратки, ну и что ж? Разве в объеме дело? И-то хорошо знаю Н.Н., я знаю, что неправда была ей органически чужда. В этом они были схожи с Ал.Ал. Дружба? Влюбленность? Разве можно найти точное определение отношениям этих двух людей? По рассказам матери знаю, что общение с Александром Александровичем было красиво, но не просто, плодотворно, но мучительно для поэта, интересно для Н.Н. и, безусловно, не могло не "закружить". С Любовью Дмитриевной у Н.Н. была довольно близкая дружба, и вместе с В.П.Веригиной - близкой подругой и Н.Н., и Л.Дм. - они составляли компанию постоянно встречавшихся людей. В возникшем треугольнике и Л.Дм, и Н.Н. проявили достаточно прямоты и благородства, когда пришло время поставить точки над "и".

Образ Блока навсегда остался в памяти Н.Н. Она вспоминала о постоянных знаках внимания А.А.: о цветах, приносимых или присылаемых ей, о письмах в длинных синих конвертах и записках А.А. Говорила, об аккуратности его, дотошном ведении дневников и, смеясь, добавляла: "Уверена, что в записных книжках А.А. была графа расхода - "цветы для Н.Н."

Будучи на какой-то выставке или аукционе А.А. подарил Н.Н. итальянскую камю в виде круглой брошки, окаймленной витым серебром. Мама очень любила и часто надевала ее, пока не потеряла. Был у нас еще небольшой деревянный птенчик, тоже блоковский, но исчез...

В одном из разговоров о живописи А.А. признался: "Перед Рафаэлем коленопреклоненно скучаю..." Что касается Н.Н., она нежно любила Боттичелли, его трогательно-целомудренных дев с как бы подпухшими носиками ("как будто у них насморк").

Настороженность Н.Н. в поведении обижала А.А. Н.Н. говорила, что любое "отстранение" он воспринимал удивленно, как ребенок, которого чего-то лишили. Ведь он был избалован!

Несомненно, быть вдохновительницей такого поэта роль не только трудная, но, как-никак, и головокружительно соблазнительная. Тем не менее, Н.Н. нашла в себе достаточно внутренних сил и уехала. Она не хотела быть причиной душевных волнений А.А., не в состоянии ответить на его любовь, она и к себе предъявляла максималистские требования.

Так или иначе, годы, начиная с 1909 и по 1922, явились для Н.Н. плодотворными и интенсивными. Она, как актриса, набирала силу, работая в амплу героини в Херсоне, Самаре, Риге, Казани, а после революции в Незлобинском и Дмитровском театрах в Москве.

Смею думать, что Н.Н. была достаточно интересна не только внешне, но и как личность. Ее любили, уважали, к ней тянулись, с ней охотно дружили, у нее был свой стиль, свой шарм. И было же в ней нечто, из-за чего Любовь Дмитриевна написала в одном из своих стихотворений: "Зачем в наш стройный круг ты ворвалась, комета?", конечно же не случайно Блок поставил эту строку эпиграфом к сборнику "Земля в снегу", посвященном Волоховой, хотя вообще он весьма критически относился к стихам Л.Дм.

Образ Снежной Девы претерпевает изменения, он трансформируется в Фаину-вольную, бесшабашную, цыганистую. Эта эволюция может быть понята, принята, ведь это большая поэзия, которую не мне анализировать. Но... но последнее стихотворение Блока, относящееся к Н.Н. ("Своими горькими слезами") я воспринимаю однозначно — оно несправедливо и жестоко.

Меня всегда удивляет небрежность некоторых авторов, неточность их в мелочах, в датах. Например, В.Лакшин в статье, посвященной Блоку в №8 журнала "Наука и жизнь" за 1980 г. ошибочно отдает Волоховой слова Веригиной о Блоке: "...Он совсем не умел золотить пилюлю", или почему-то придает Н.Н. с и н и е глаза, или называет Н.Н. п о д р у г о й поэта, что в современном понимании совсем не то, что имел в виду, скажем, лермонтовский Демон, называя так Тамару... Гораздо существеннее неверные характеристики Н.Н. Например, Б.Соловьев в своей книге "Подвиг поэта" свалил всех женщин, появившихся в жизни поэта с 1907 по 1909 годы в один алчный змеиный клубок...

Считая, что анализ и критика находятся вне моей компетенции, умолкаю, но сколько неточных суждений было, есть и будет. Разве их оспоришь!

В этой связи мне хочется процитировать несколько фраз из письма К.А.Федина к Ю.М.Лотману, Тарту, 1961г.: "...Несколько страниц Н.Н.Волоховой вносят дыхание чистоты и благородства в биографические эпизоды, столь же широко известные, сколько искаженные кривотолками в прошлом" ("Лит.газета" от 12/ХП-1979г.). Речь шла о воспоминаниях о Блоке, изданных в 104 выпуске Тартусского государственного университета в 1961г.

Возвращаясь ко времени ухода Н.Н. из театра В.Ф.Комиссаржевской.

Сезон 1909 г. Н.Н. работала в Херсоне, где встретила с молодым актером А.Г.Крамовым. На его настойчивую влюбленность отвечала в духе времени - литературно: "Поймите, я - человек, у которого отняли солнце" (первая несостоявшаяся любовь еще омрачала жизнь). Крамов парировал: "А если я его Вам верну?" Очевидно, отец в ту пору был очень привлекателен; обаяние человеческое и сценическое сопутствовало ему всю жизнь; его веселость, юмор, горячая любовь победили. В 1909 году они поженились. Это были годы интенсивного становления Н.Н. как актрисы. В моей памяти остались отрывочные рассказы о большом и разнообразном репертуаре, но привести их в порядок я не в силах. Среди ролей упоминались Лиза из "Живого трупа" Толстого, Грушенька и Настасья Филипповна из инсценировок Достоевского, Марина Мнишек из "Бориса Годунова", Купава из "Снегурочки" и Катерина из "Грозы" Островского, - и Анна Каренина, и Маргарита Готье и Нора... Кроме того игрались какие-то необыкновенные драмы и мелодрамы, шумевшие в начале века и забытые теперь. Бывали бенефисы с надписанными лентами, цветами, подарками, были по-купечески пышные банкеты с речами и возлияниями, были афиши "К предстоящим гастро-

лям", которые нередко вывешивались в витринах больших магазинов, и изображения "любимых артистов" оказывались в тесном соседстве со связками колбас и окороков. Актрисы (кроме императорских театров) должны были иметь свой гардероб (сценическую одежду). У нас в сундуке хранились его остатки: два или три русских сарафана и рубаш к ним с вышивкой крестом. Во время войны они пропали. Остался старинный головной убор, затканый золотыми нитками. И большой ключ — деталь для роли Катерины.

В Херсонской губернии находилось имение брата Н.Н. — Николая. Называлось оно почему-то Баламутовка. Оно было типично южным, с низким мазаным домом, массой фруктов и овощей, молочной фермой и своими поросятами. Там любили собак, особенно такс. Их было много, к ним относились "по-человечески", с настоящей заботой, лечением, уходом за потомством. Сюда, начиная с 1910 года, начала приезжать Н.Н. с родившейся дочкой Наташей, которая там и выросла: Баламутовка заменяла свой дом. Родители уезжали на сезон, возвращались на праздники и летом. В этом имении оставались собиравшиеся книги, письма, фотографии — все памятные вещи Н.Н. Тут во время революции было все сожжено. Не осталось ни одного блоковского синего конверта, ни одной его рукой надписанной книги, кроме экземпляра сборника "Земля в снегу", подаренного А.А. Наталии Николаевне (мне кажется, что с ним она не расставалась).

С какого-то возраста маленькая Наташа начала ездить с родителями: они были вместе в Риге, Одессе. Наташа была светловолосая, похожая внешне на отца. Думаю, что это было семейное счастье. Судя по письмам отца того времени счастье было.

Наташенька умерла от быстротечной скарлатины, поехав с мамой в Казань и заразившись по дороге. Это длилось дней пять. Письма к отцу этих дней даже читать трудно – сгусток предельного отчаяния. После этого – первые седые волосы. Это было в 1915 году. (В мою бытность родители обосновались в Москве. С конца 1917 года мы жили в большом доходном доме по М.Васильевскому переулку (ныне ул. Танеева), где занимали пятикомнатную квартиру. Мама ходила ежедневно за молоком для меня, пробираясь и прячась в подъездах от шальных пуль. В доме напротив нас засели кадеты, их "выбивали" и все прятались в коридор, так как наши окна были как раз напротив входа в особняк.

В трудные годы гражданской войны родители много работали. Быт был нелегок, но один "деликатес" помню – мама на буржуйке делала необыкновенно вкусные леденцы из сока клюквы и растопленного сахара.

Из пяти комнат нашей квартиры, как правило, в двух жили приезжие-проезжие друзья-актеры, режиссеры, художники.

В театре Незлобина Н.Н. играла много и с успехом. Устойчиво было положение основной героини. Я слышала о некоторых ролях того периода: Прокулы в пьесе "Царь Иудейский" Романова, Марии – в "Марии Тюдор" Гюго, Степаниды – в "Психе" Беляева, Кондоровой – в пьесе "Нищие духом" Потехина. Из последних значительных ролей говорили о Марии Магдалине (Метерлинк). Это – сведения из семейных воспоминаний и фотографий.

Кроме театра, который Н.Н. очень любила, которым жила, который актеры частично отстраивали на свои средства после пожара, Н.Н. выступала в концертах, принимала участие в ра-

боте Блоковской ассоциации. Осталась ученическая тетрадь, куда Н.Н. вписывала стихотворения для концертов. Кроме Блока в ней фигурируют стихи советских поэтов - Клюева, Орешина, Кириллова, Александровского. Насколько мне удастся проследить, из Блока Н.Н.-ой больше читалось стихов о России, о Родине - это было созвучно эпохе. Из любовной лирики она любила читать "О доблестях..." и, по-моему, совсем не читала ей посвященное.

Родители дружили с супругами Закушняк, Ал-ром Як-чем, известным, много и с успехом выступающим, чтецом, и с его супругой О.П.Нарбековой, с которой Н.Н. дружила еще со студии Художественного театра. О.П. никогда не была хороша собой, прекрасно это понимала и на приемном экзамене в студию вышла перед комиссией и предупредила, что не претендует на роли, где нужна "мило́та", согласна на любые - характерные, возрастные... - была прослушана и принята. У нее было скуластое лицо с узким разрезом глаз, и на одной из фотографий, подаренной моим родителям есть надпись Закушняка: "Молодой англичанин с туземкой из племени "зелукребут" (читай наоборот). Ал.Як.любил фотографироваться: он был красив!

С семьей Бычковых-Веригиных мы дружили близко. Два их сына были моими "колыбельными" друзьями. До переезда их семьи в 1934 г. в Ленинград общались постоянно. У них собирались интересные для Н.Н. люди. Помню, что бывали В.И.Качалов, С.М.Бонди. После переезда в Ленинград встречи затруднились, но продолжалась дружба в письмах и обоюдных наездах.

В числе маминих знакомых помню семью брата В.Ф.Комиссаржевской, Николая Федоровича: они тоже жили в Арбатских переулках. Помню и А.А.Дьяконова (Ставрогина), заходившего

неоднократно к Н.Н. в связи со своей работой над книгой воспоминаний.

Мама дружила с семьей профессора Г.Г.Шпета. Его жену, Марию Александровну, драматическую актрису, Н.Н. считала в какой-то степени своей наставницей.

И еще друзья: напротив нашего дома находился собственный дом семейства Калужских-Лужских. Знакомство со времен Художественного театра возобновилось после нашего возвращения из эвакуации в 1944 году. Этот дом, построенный по проекту художника Симова, этакий мхатовский домик с маленьким вишневым садом, каштанами, множеством цветов, великолепным канадским вязом был удивительным оазисом среди снесенных особнячков старо-арбатских переулков (потом и его не стало)... Возвращаюсь в двадцатые годы.

Между родителями велись разговоры о том, чтобы мама оставила сцену. Отец ратовал за это активно. После 4-х летнего перерыва (1922-1926 гг.) Н.Н. вновь вернулась на сцену, проработав два сезона в Камерном театре (1926-1927 гг.). Я помню лишь две роли: спектакль "Розита" и роль Иродиады в "Саломее" О.Уайльда. У нас осталось чудесное издание этой пьесы со статьями К.Бальмонта и А.Маковского, с рисунками художника Бердслея. На внутреннем листе обложки надпись карандашом: "Нат.Волохова. 1908 г. Петербург, т-р В.Ф.Комиссаржевской, Саломея. 1926 г. - Москва, Т-р Камерный, Иродиада".

Играла мало. Работа не сложилась, и тогда сцена была оставлена окончательно. Я не знаю, насколько тяжело мама пережила свой уход. Думаю, что грусть и боль носила глубоко в себе. Ее любовь ко мне и желание сделать мою жизнь "состо-

явшейся" были активны – теперь это стало оправданием жизни, ее смыслом. Надо сказать, что Н.Н. никогда не была обуреваема устройством "гнезда" и довольно равнодушно относилась к "обзаведениям": гарнитурам, коврам и прочим аксессуарам, символизирующим благополучие. Есть – хорошо, нет – переживем. Ломать копыя из-за приобретений в голову не приходило. У нее было несколько любимых вещей – она довольствовалась немногим.

Н.Н. любила кустарные изделия. Мы часто заходили с ней в так называемый Кустарный музей в Леонтьевском переулке (ул. Станиславского) и покупали разные кустарные миниатюры: себе или в подарок. И в одежде у нее была склонность к этому стилю – очень любила набивные ткани, прошивки, шитье. В пору моего детства Н.Н. одевалась достаточно элегантно. Если имелись "вещи", то носила их, не любила чтоб залеживались "в сундуках". Помню норковый палантин, еще "анциферовский", фамильный; любимые бриллиантовые серьги и кольцо носила, не снимая. Летом предпочитала свободные платья или юбки с кустарными блузками. В доме было достаточно много хорошего фарфора, но он "таял" – бились.

У нас любили книгу. Любовь эта прививалась еще с детства. Пропажа, потеря книги была равноценна беде. Если книгу "зачитывали", мама неизменно говорила: "Ведь давала такому надежному человеку. Кому? ... Надо записывать..." Но не записывала и – увы! – многое не возвращалось. Боготворила Пушкина, называла его "безущербным", собирала литературу о нем, очень дорожила Пеголевым, Вересаевым. Эти книги, к счастью, целы, а литература о Блоке очень поредела – слишком часто Н.Н. давала книги "надежным" людям.

В молодости Н.Н. увлекалась Ибсеном, Гауптманом, Гамсу-

ном, Мережковским. Настаивала, чтобы и я была "в курсе" (и я старалась "быть"). В пожилом возрасте читала довольно много, вплоть до физической невозможности (глаза). Очень любила Р.Роллана, очень уважала Л.Фейхтвангера, Ст.Цвейга, мемуарный жанр. Мне кажется, что Н.Н. ощущала узость, неполноценность своих знаний, недостаточную с ее точки зрения эрудицию и восхищалась писателями, дерзающими поднимать высоко этические вопросы наших дней. Ее всегда волновала жизнь "планеты людей". Она была неисправимая идеалистка типа Экзюпери, главное видела в "доброй воле", переоценивала ее, недооценивала потенциал зла, чересчур верила в силу добра, разума. Да! Так вот - всем, что во мне образовалось и состоялось, я обязана ей.

В годы моего ученичества и студенчества (консерватория) мы бывали с мамой часто на концертах, в театрах. Иногда зимой ездили на извозчицких санях и, закрытых меховой полостью или просто суконной накидкой, нас заносило на поворотах. Наверное, это были последние лихачи!

Мои школьные и консерваторские друзья любили бывать у нас и встречаться с Н.Н. И она любила молодежь. Если ездила в дом отдыха одна, то старалась "селиться" с молодым народом. Говорила иногда: "Не люблю старух" - не потому, что молодилась, а из-за нежелания вести скучные "возрастные" разговоры.

В 1934 году отец уехал из Москвы и обосновался в Харькове, в театре Русской драмы, сначала как актер и очередной режиссер, а потом как художественный руководитель театра. К тому времени отец вырос в большого тонкого мастера. Уходу отца предшествовали годы тяжелых переживаний Н.Н. Судьба не была к ней милостива. Н.Н. оставалась без любимого дела,

без мужа. Оглядываясь назад, вспоминаю, как в тумане, увлечение Н.Н. теорией Куэ, занятия самовнушением. Мой непробиваемый эгоизм молодости, очевидно, застилал картину трудных для Н.Н. лет. Так или иначе домом отца в Москве навсегда остался наш дом, и, минуя личное, отец до конца жизни оставался любящим другом, отцом, а потом и дедом... В военные годы мы эвакуировались из Москвы, чтобы встретиться с ним, и в послевоенные годы забота о нас никогда не покидала его. К 70-летию Н.Н. была получена телеграмма следующего содержания: "Моего очаровательного друга, любимую, обаятельную Наташу обнимаю тчк Будь здорова, благополучна на долгие годы на счастье всей нашей семьи - твой Саша".

После войны начали часто появляться люди, занимающиеся Блоком, желающие поговорить с Н.Н., но она соглашалась на подобные встречи в редких случаях; у нее было обостренное чувство протеста против повышенного интереса к знакомству ее с А.А. У нас бывал Г.П.Блок, бывала англичанка мисс Пайман, жившая долгое время в СССР; она собирала материалы о Блоке и неоднократно беседовала с Н.Н. В начале 50-х годов Н.Н. попросили написать воспоминания о Блоке. (Предложение это было сделано ленинградцами). Н.Н. с большим увлечением взялась за это дело, которое в семье называлось "бабуары" (с легкой руки моей дочери). Вечерами, когда можно было спокойно поработать, Н.Н. сидела около своей любимой старинной лампы и записывала то, что ей вспоминалось. Она перелистывала свой единственный "документ" - подаренный ей Блоком сборник "Земля в снегу", оставляла на нем пометки. Н.Н. часто сетовала на свою голову, на неэнциклопедический склад ума, на неумение быть в ладу с датами. Что-то было упущено, что-то

требовало большей точности. Завидовала в этом смысле Веригиной.

Наверное, в 1955 году Литературный музей предложил Н.Н. прочесть записки на вечере, посвященном 75-летию со дня рождения Блока. Н.Н. сама не решилась выступить: не был "в форме", боялась разволноваться. Их читала по просьбе Н.Н. наш близкий друг О.П.Морозова. Их тогда хорошо приняли. А осенью 1961 года были изданы "Записки Тартусского университета", куда вошли и воспоминания Н.Н. Волоховой.

В это время мы переехали из М.Власьевского в Трехпрудный переулок. Оставаясь худой и стройной, Н.Н. довольно легко ходила, но годы брали свое, и ноги, и глаза начали выходить из строя. Как-то с большой грустью она сказала: "Мои глаза! Всю жизнь служили мне верой и правдой, а теперь изменили..." Уже не читала, уже переставала посещать театры, концерты, уже только слушала телевизионные передачи, оставались радио и люди...

За годы, прожитые после смерти Н.Н., у меня появились новые друзья и знакомые. Они появились благодаря растущему с каждым годом интересу к творчеству и личности Блока и к тем, кто был ему близок и дорог в то или иное время его жизни.

Эти записки свободны от вымысла. Если на этих страницах Снежная Дева обрела свою человеческую сущность с присущими ей чертами, я буду удовлетворена.

Указатель лиц, упоминаемых в воспоминаниях

И.А.Крамовой "Моя дорогая Н.Н."

1. БОНДИ Сергей Михайлович (1891-1983) - историк литературы, профессор
2. БЫЧКОВ Николай Павлович (1882-1971) - инженер, муж В.П.Веригиной
3. ВЕРИГИНА Валентина Петровна (1882-1974) - актриса, режиссер
4. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР Александр Борисович (1875-1961) - пианист, профессор
5. ДЬЯКОНОВ Александр Александрович (Ставрогин) (1882-1963) - актер
6. ЗАКУШНЯК Александр Яковлевич (1879-1930) - актер, чтец
7. КОМАРОВСКАЯ Надежда Ивановна (1885-1967) - актриса, режиссер
8. КОМИССАРЖЕВСКИЙ Николай Федорович (1884-1943) - юрист, брат В.Ф.Комиссаржевской
9. КРАМОВ Александр Григорьевич (1885-1951) - актер, режиссер, муж Н.Н.Волоховой
10. ЛУЖСКИЙ (Калужский) Василий Васильевич (1869-1931) - актер
11. МАНУЙЛОВ Александр Аполлонович (1861-1928) - экономист, профессор
12. МУНТ Екатерина Михайловна (1875-1954) - актриса
13. МУРАТОВА Елена Петровна - драматическая актриса
14. МОРОЗОВА Ольга Павловна (р.1927) - историк
15. НАРБЕКОВА Ольга Павловна (1876-1933) - актриса
16. ШИЛОВСКАЯ Эмилия Леонидовна (1884-1952) - актриса
17. ШПЕТ Густав Густавович - философ, профессор

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

В.А.Луковский. Акварель А.Воейковой. 1820	6
В.А.Луковский. Акварель Г.Рейтерма. 1833	10
В.А.Луковский. Акварель П.Ф.Соколова. 1838	19
А.П.Керн. Рисунок неизвестного художника. 1839	22
А.П.Керн. Рисунок А.С.Пушкина. 1829	25
П.Н.Ермолов. Портрет работы К.Гампельна. 1820-е гг.	30
М.М.Нарышкин. Портрет работы неизвестного художника Холст, масло. 1824	42
Н.М.Павлов. Фотография Д.С.Здобнова. 1900-е гг.	50
И.С.Тургенев. Портрет работы Лами. Холст, масло. 1843-1844	68
И.С.Тургенев. Рисунок А.Бакунина. 1841	79
И.С.Тургенев. Рисунок Н.Д.Дмитриева-Оренбургского Конец 1870-х гг.	94
Автограф А.П.Чехова	102
Автограф А.П.Чехова	105
Обложка сборника "Клич". 1915	110
Библиотека М.М.Пришвина. Фотография	120
<i>Ex Libris</i> М.М.Пришвина	127
М.М.Пришвин. Фотография. 1949	144
Д.Бедный. Фотография. 1939	162
П.Якубович. Стихотворения. 1910. С дарственной надписью автора Д.Бедному	168
М.Горький. Сочинения. т.20. 1915. С дарственной надписью Д.Бедному	175

В.Маяковский. Разговор с фининспектором о поэзии. С дарственной надписью автора Д.Бедному	180
Автограф М.Шагинян	196
П.Тычина. Избранное. 1948. С дарственной надписью автора А.А.Фадееву	199
К.Федин. Братья. 1928. С дарственной надписью автора А.А.Ахматовой	206
Автограф К.Федина	212
Автограф А.Фадеева	222
А.Фадеев. Молодая гвардия. 1951. С дарственной надписью автора Д.Д.Авдееву	227
Н.Н.Волохова. Фотография. 1907	234
Н.Н.Волохова. Фотография. 1907	239
А.А.Блок. Фотография Д.С.Здобнова. 1907	245

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Н. В. ШАХАЛОВА

Предисловие . . . . .

Е. В. МАЛИНОВСКАЯ, Н. А. МАРЧЕНКО

Портреты В. А. Жуковского в коллекции
Государственного Литературного музея 7

С. А. БОЙКО

Из окружения А. С. Пушкина
(неизвестный портрет А. П. Керн) 23

А. М. ГОРШМАН, С. А. МАЛЫШКИН

К вопросу атрибуции портретов.
Портрет П. Н. Ермолова в собрании
Государственного Литературного музея 31

Е. М. ВАРЕНЦОВА

Живописный портрет декабриста
М. М. Нарышкина в коллекции Государ-
ственного Литературного музея
(новое поступления) 43

Т. В. СОКОЛОВА

Из архива Павловых . . . . .

Г. Л. МЕДЫНЦЕВА

Тургенев и его портреты
(по материалам Литературного музея) 69

Г. Ф. ЩЕБОЛЕВА

Два автографа А. П. Чехова
(поступления последних лет) 103

В. Г. КРИЖЕВСКИЙ

Неизвестное письмо Блока Н. Д. Телешову III

Л.А.РЯЗАНОВА	
О библиотеке М.М.Пришвина	121
Я.Э.ГРИШИНА	
Последняя записная книжка М.М.Пришвина . . .	145
А.П.СВЕТЛОВ	
Книги с автографами в адрес Д.Бедного в коллекции Государственного Литературного музея	163
Ю.Н.ИВАНОВ	
"...Великолепному режиссеру советской литературы..." (книги с автографами писателей союзных республик из библиотеки А.А.Фадеева)	197
Н.А.ВИНОГРАДОВА	
Надписи на книгах (Автографы К.А.Федина в книжном собрании Государственного Литературного музея)	207
И.Э.МИНГАЗОВА	
Материалы А.Фадеева в Государственном объединенном музее ТАССР	223
И.А.КРАМОВА	
Моя дорогая Н.Н.В. (Предисловие А.П.ЕФИМОВОЙ)	235
Список иллюстраций	258

Художник - В.Захаров

Редактор - А.Сумин

Тираж - 1000 экз.

Цена 2 руб.

Л.25246 Подп. к печ. 6/11-84г. Зак.1727 Тир.1000
Формат 60х90 .1/ 16 Печ.Л. 10,25 Цена 2 руб.

Ротапринт МЭТПК

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОШИБКИ

стра- ница	строка	напечатано	следует читать
14	3 сн.	в декабре 1814	30 августа 1814
14	9 сн.	бронзовую	серебряную
14	II сн.	14 декабря 1813	22 декабря 1813
57	2 сн.	продиктованное им за неделю до смерти,	продиктованное им,
59	I4 св.	напечатано	написано
62	4 сн.	1982	1832
87	4 сн.	<i>soignée</i>	<i>soignées</i>
90.	II св.	в Риме	с Рима
97	II св.	подаренные	подаренный
98	5 св.	" "	"Academia"
108	I5 св.	в Юнакове	в Юнаковке
181	I2 св.	13.4.1930. Был у гроба Маяковского. Грусть.	В 13 ч.30 м. был у гроба В. Маяковского. Грусть! Е. Придворов. 16. IV. 30. Москва.
213	I6 св.	стараться	стариться
220	6 св.	"Анну Тимофеевну"	"Анну Тимофеевну"
226	II сн.	"Последний из удэге"	"Последний из Удэге"
232	9 сн.	II января	22 января
236	6 сн.	Русская	русская
243	I сн.	1916	1906
250	7 св.	М.Васильевско- му	М.Власьевскому